

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А. М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С. М. Севярын

Міжнародны савет
М. М. Громаў (Расія)
А. М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмах (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г. І. Займіст
(адказны рэдактар)
П. А. Вадап'янаў
В. М. Ватыль
А. М. Грыгаровіч
Ч. С. Кірвель
П. П. Крусь
Б. М. Ляпешка
С. В. Рашэтнікаў
Д. Г. Ротман
Я. У. Скакун
В. А. Сцепановіч
Л. Р. Цігарэнка
Я. С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 1 / 2020

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 30.01.2020 № 22
(са змяненнямі, унесенымі загадам ВАК ад 09.03.2020 № 62)
часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія.
Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў
Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў
дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

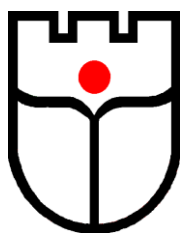
Лепешко Б. М., Лепешко А. Б. Право и нравственность: философия наказания и прощения.....	5
Онуприенко С. П. Социально-экологическое развитие: от бифуркации до кооперации	12
Карако П. С. П. А. Флоренский как представитель религиозно-философского течения в русском космизме	21
Заздравнов А. А., Заздравнова О. И. Credo А. Швейцера: апология индивидуальности в прикладной биоэтике благоговения перед жизнью	30
Смирнова Р. А. Факторы формирования личностных качеств (философский анализ)	37
Климович А. В., Жук С. А. Факторы, обусловившие формирование концепции «конца истории» Ф. Фукуямы.....	44
Лагуноўская А. А. Духоўна-маральныя каштоўнасці хрысціянства як аснова міжасобнай камунікацыі	55
Кулак Н. И. Рецепция философских идей Г. Гегеля в мировоззрении Г. В. Плеханова	62
Гуцалюк М. А. Мультикультурализм в контексте демографической безопасности этносов.....	68

ПАЛІТАЛОГІЯ

Антанович Н. А. Основные направления становления и прикладного применения «цифровой политологии».....	77
Бровка Г. М., Решетников С. В., Ермолицкий М. А. О концепте политологического треугольника.....	86
Посталовская О. А. Экополитический процесс и проблемы экологии: аспекты взаимосвязи	94
Семенова В. Н. Потенциал космополитизма как новой универсальной идеологии в условиях глобализации	99
Северин Э. Н. Права человека в концепте безопасности: политологический аспект	109

САЦЫЯЛОГІЯ

Титаренко Л. Г. Влияние цифровой трансформации на ориентации белорусского студенчества в отношении будущей трудовой деятельности	117
Лысюк А. И., Соколовская М. Г. Мужские и женские миры в трудах Василия Розанова	126
Гаптарь В. М. Закрепление тренерских кадров в Республике Беларусь: социологический аспект исследования	135
Звездкин Н. М. Патриотические ценности современной белорусской молодежи: от социологического анализа к актуализации системы воспитания	140
Озимко К. Д. Деструктивное информационное воздействие в современном обществе: концептуальный подход	148

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A. N. Sender

Deputy editor-in-chief:

S. M. Sevyaryn

International Board:

M. M. Gromau (Russia)

A. N. Kruglashou (Ukraine)

Edvard Yarmakch (Poland)

Editorial Board:

G. I. Zaimist

(managing editor)

P. A. Vadapyanau

V. M. Vatyl

A. N. Grygarovich

C. S. Kirvel

P. P. Krus

B. M. Lyapeshka

S. V. Rashednikau

D. G. Rotman

E. Y. Skakun

V. A. Stepanovich

L. R. Tsitarenka

Y. S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:

224016, Brest,

21, Kosmonavtov Boulevard

tel.: +375-(162)-21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

**Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»**

№ 1 / 2020

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 nr 94 (as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 30, 2020 nr 22) (with the amendments made by the orders of Supreme Certification Commission from March, 09, 2020 nr 62) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical, political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

Lepeshko B. M., Lepeshko A. B. Law and Morality: Philosophy of Punishment and Forgiveness	5
Onuprienko S. P. Socio-Ecological Development: from Bifurcation to Cooperation	12
Karako P. S. Pavel Florensky as the Representative of Religious and Philosophical Movement of Russian Cosmism	21
Zazdravnov A. A., Zazdravnova O. I. A. Schweitzer's Credo: An Apology of Individuality in the Applied Bioethics of Reverence for Life	30
Smirnova R. A. Factors of Formation of Personal Qualities (Philosophical Analysis)	37
Klimovitch A. V., Zhuk S. A. Factors of Formation of the Concept of «The End of History» by F. Fukuyama	44
Lahunouskaya A. A. Spiritual and Moral Values of Christianity as the Basis of Interpersonal Communication	55
Kulak N. I. Reception of the Philosophical Ideas of G. Hegel in the World View of G. V. Plekhanov	62
Gutsaliuk M. A. Multiculturalism in the Context of Demographic Security of Ethnic Groups	68

POLITOLOGY

Antanovich N. A. The Main Directions of the Formation and Application of Digital Political Science	77
Brovka G. M., Reshetnikov S. V., Ermolitsky M. A. About the Concept of Politological Triangle.....	86
Postalovskaya O. A. Eco-Political Process and Ecology Problems: Aspects of Interrelation	94
Semenova V. N. The Potential of Cosmopolitanism as a New Universal Ideology in the Context of Globalisation	99
Severin E. N. Human Rights in the Concept of Safety: Political Aspect	109

SOCIOLOGY

Titarenko L. G. Influence of Digital Transformation on the Labor Strategies of Belarusian Students towards their Future Work	117
Lysiuk A. I., Sokolovskaya M. G. Men and Women Worlds in Vasily Rozanov's Works	126
Haptar V. M. Securing Trainers in the Republic of Belarus: Sociological Aspect of the Study	135
Zviozdkin N. M. Patriotic Values of Contemporary Belarusian Youth: from Sociological Analysis towards Upbringing System Actualization	140
Ozimko K. D. Destructive Informational Impact: Conceptual Approach	148

Б. М. Лепешко¹, А. Б. Лепешко²

¹д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²ст. преподаватель каф. гражданско-правовых дисциплин

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

e-mail: ¹borys_lepieszko@tut.by; ²a.b.lepeshko@gmail.com

ПРАВО И НРАВСТВЕННОСТЬ: ФИЛОСОФИЯ НАКАЗАНИЯ И ПРОЩЕНИЯ

Правда и милость
пусть царствуют в судах.
Александр II

Отражены актуальные вопросы современного осмысления проблемы права и нравственности. На основе ряда идей русской философии второй половины XIX в. (В. Соловьев) интерпретируются современные проблемы конституционного строительства, высказываются идеи о роли государства и церкви в юридико-нравственном процессе. Рассматривается возможность «третьего пути» в процессе решения противоречий между правом и нравственностью.

Почему вновь тема «право и нравственность» в центре внимания обществоведов? [1]. С одной стороны, ответ тривиальный: это одна из вечных тем, разрешение которой – даже в сугубо теоретическом аспекте – задача не завтрашнего дня. Но главное в другом – в исчерпанности вариантов «чисто» правового или «чисто» этического разрешения проблемы. Все время возникает вопрос, как разрешить современные коллизии, каким образом решить возникающие конфликты, в том числе и судебные.

Задача статьи – предложить один из вариантов решения возникающих проблем, возможно в рамках междисциплинарного подхода, на «стыке» трех дисциплин: философии, права, этики. И начать, очевидно, целесообразно с некоторых исторических и современных примеров, которые достаточно полно характеризуют обозначенную проблему.

Виктор Гюго в романе «Девяносто третий год» [2] описывает такую ситуацию. На корабле сорвало с креплений пушку, травмы получили многие матросы, и только благодаря героическим усилиям одного из офицеров пушку удалось поставить на место. Результаты последующего расследования удивили: причиной трагедии стали действия этого самого офицера, плохо закрепившего орудие. Адмирал, после недолгого размышления, принял следующее решение: офицера, остановившего орудие, наградить и потом этого же офицера за халатные действия повесить. Что и было сделано.

Второй пример связан с событиями в Уфе (Российская Федерация) в феврале 2020 г. Педофил, досрочно освобожденный из тюрьмы именно за педофилию, затащил двух мальчишек в дом с целью совершения развратных действий. Одному из школьников удалось вырваться, он выбежал на улицу и позвал на помощь первого попавшегося ему мужчину. Мужчина оказался не робкого десятка, побежал в дом, вступил в драку с педофилом и случайно нанес ему удар, несовместимый с жизнью. Жители Уфы полагают, что человек совершил героический поступок, и встали на его защиту. Юристы мыслят в иных категориях, и стороны готовятся к процессу.

Еще один пример связан с известным процессом В. И. Засулич, которая в 1878 г. стреляла в петербургского генерал-губернатора Трепова и тяжело ранила его. Председательствовал на суде известный либерал А. Ф. Кони, защищали Веру Ивановну самые известные адвокаты. Вердикт выносил суд присяжных: невиновна. До сих пор распро-

странено мнение, что это решение во многом спровоцировало народовольческую тактику террора, более того – события 1917 г. [3].

Как видим, ситуация принципиально не меняется. Вопрос о том, что первично в иерархии приоритетов – право или нравственность, остается одним из самых актуальных. В связи с этим хотелось бы поставить ряд принципиальных вопросов и попытаться найти на них приемлемые ответы.

Первый вопрос: можно ли решить данную проблему исключительно рационально, на путях классической науки, классического правоведения? Известный теоретик Владимир Соловьев исходит из того, что «дело Христово не есть юридическая фикция, казуистическое решение невозможной тяжбы, – оно есть действительный подвиг, реальная борьба и победа над злым началом. Второй Адам родился на земле не для совершения формально-юридического процесса, а для реального спасения человечества, для действительного избавления его из-под власти злой силы, для откровения в нем на деле царства Божия» [4, с. 224]. Из этого следует, что право само по себе во многом ограничено, оно носит формальный и «отрицательный» характер, право эффективно в том случае, когда руководствуется направляющей волей церкви, усилиями религиозных деятелей. Это одна из главных мыслей известных «Чтений о Богочеловечестве»: оно, Богочеловечество, совершенно реально, это не некий умозрительный абстракт и цель реализации этого проекта меньше всего носит идеальный характер. В этом смысле протест многих специалистов воспринимался В. Соловьевым достаточно болезненно, как движение против одной из главных идей его жизни (достаточно вспомнить в этой связи его полемику с Б. Н. Чичериным, в частности с работой ученого «Мистицизм в науке»). Упреки в утопизме «богочеловеческих» идей В. Соловьева общеизвестны, однако сам мыслитель не видел в них ничего утопического, он полагал, что да, конкретные черты общества будущего никому не известны, но это ни о чем не говорит. В мире существует зло, однако решить проблему «торжества злых сил» право не в состоянии. Здесь существует определенное противоречие, связанное с тем, что в целом движение к Богочеловечеству прогрессивно (в категориях второй половины XIX в.), однако заканчивается этот прогресс скепсисом эсхатологических «Трех разговоров...». Т. е. философ противоречит сам себе. Но это противоречие не дезавуирует главную мысль: человеческое общество, перспективы человеческого общества, во-первых, есть тайна, а во-вторых, они наполнены религиозным смыслом.

Можно, конечно, критиковать эти идеи, особенно с позиций XX в., когда критика идей В. Соловьева у нас носила повсеместный характер. Но есть смысл обратить внимание на внерациональный контекст решения проблемы мирового зла, как это было сделано, в частности, в работах мыслителя, посвященных будущему свободной теократии и социальному идеалу мыслителя. Что здесь главное? Во-первых, утверждение, что решить проблемы мирового зла исключительно на основе социально-экономических преобразований невозможно. Решение проблем нищеты, бесправия, шире – образования и культуры вовсе не гарантирует преодоление феномена зла, и правовая система здесь, сколько ее ни совершенствуй, бессильна. Во-вторых, привлечение внимания к основам христианского вероучения в том аспекте, который связан с реальными процессами изменения мира и человека. Христианство не надо сводить к Декалогу, статьям нравственного характера, соответствующим запретам и разрешениям. Мысль Соловьева более прагматична: христианство действительно, оно практично, его можно и нужно привлекать не столько для нравственных, нравоучительных заповедей, сколько для строительства нового общества и нового государства. А как оно будет называться, это новое общество и новое государство, дело второе. В-третьих, речь идет о союзе государств, религий, народов. Не надо сводить идеи Соловьева в этом контексте к пресловутому спору о том, принял он католичество или все же это блеф. Высказанные соображения на много богаче

и не сводятся исключительно к экуменическим положениям. Суть вопроса в обозначенном выше прагматизме: союз русского царя (светская власть) и римского первосвященника (духовная власть) представляла собой один из вариантов решения все той же юридико-нравственной проблематики, выраженной в понятных категориях. Другими словами, перед нами единство двух подходов: с одной стороны, мистического, духовного, не связанного исключительно с позитивистским толкованием юридико-нравственной проблематики, а с другой стороны, подходом прагматическим. Философ пытался решить злободневные вопросы с помощью категорий как фантастических (власть русского царя и римского первосвященника), так и конкретно-исторических, связанных с «правдой социализма» и стремлением реально преодолеть вопиющие язвы русской действительности. Таким образом, нет доминирования исключительно рационального подхода – есть стремление найти «третий путь» в решении вопросов юридико-нравственного характера.

Второй вопрос связан с ролью и значением государства. В настоящее время (февраль 2020 г.) в России в связи с принятием Закона о поправках к Конституции страны разгорелся нешуточный спор по поводу того, нужно ли записать в преамбуле требования государственной идеологии и попытаться обозначить ее. Для Соловьева этот вопрос не стоял вовсе. Для него государство, право могут существовать исключительно в союзе с церковью. А это и есть прообраз современного понимания идеологии. Как пишет один из крупных юристов, философов А. С. Яценко, «правовой и религиозный идеал у него как бы два слитных и нераздельных отблеска одного источника света. Он против разделения церкви и государства. Право и государство уже потому нельзя выделить у него из двух других областей общественной жизни, – экономического общества и церкви, что он все свое исследование посвятил доказательству недостаточности, в своей особенности, каждого из этих отвлеченных начал» [4, с. 27]. Чем подход Соловьева привлекателен? Он не ставит вопроса об идеологии как теории (точке зрения), отражающей взгляды, идеалы какого-либо одного класса, страты, социальной прослойки. Но говорит «вообще» – о религии как объединяющем начале существования народа. И в этом надо признать его правоту. Сам по себе спор, который имеет место в процессе внесения изменений в Конституцию России, говорит о том, что объединяющая общество и государство, людей религиозная идея на уровне ее конституционного закрепления вызывает споры. И вряд ли это можно назвать сильной стороной конституционного процесса.

Причем существование государства не самоцель. Социальный идеал – Царствие Божие – рассматривается Соловьевым в единстве трех сущностей. Это эсхатология – как «царство славы божественного всемогущества». Это как особое состояние души, мир с богом. Это как специфическая форма общества [5, с. 39–55]. Здесь перед мыслителем стояла сложная задача: как избежать абстрактного теоретизирования и одновременно показать хотя бы некоторые конкретные черты того общества, которое он проповедовал в качестве социального идеала. Надо признать, что в целом это оказалось неразрешимой для него задачей, и апокалиптические пророчества «Трех разговоров...» – одной из его последних работ – тому прямое подтверждение. Но важно отметить, что его социальный идеал обладает притягательной силой до сих пор – в эпоху глобалистских устремлений, кризиса христианских ценностей, и всеобщей разобщенности народов, переживающих движение к пиетету национального перед, как говорил Соловьев, вселенским. Надо признать, что те устремления, которые побуждали мысль философа, имеют острую актуальную направленность и сегодня, – хотя бы тем, что этот идеал есть, он может быть реальным даже в своей ирреальности, он оптимистичен, и альтернатив ему очень мало.

Но разговор о традициях русской философской мысли XIX в. для нас важен не только потому, что там поставлены до сих пор актуальные вопросы. Парадокс ситуа-

ции заключается в том, что Соловьев как будто предвидел ту критику «чисто» богословских и «чисто» рационалистических идей в своем юридико-христианском синтезе. Т. е. нельзя решить проблему мирового зла, опираясь исключительно на право. Юридический закон ограничен, он предполагает нравственные начала, поскольку право – проявление добра, часть нравственности. Говоря современным языком, «право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества» [6, с. 31]. Во всяком случае, именно эта формула воспроизводится в Основах социальной концепции Русской православной церкви, принятых в 2000 г. Но и нравственный кодекс нуждается в юридическом закреплении, и уже именно поэтому мы обращаемся к правовым законоположениям. И здесь на первый план выходит все тот же «третий путь», который, при всем своем противоречивом характере, позволяет внести и мистическую направленность в размышления о соотношении (единстве) юридического и нравственного начал.

О том, что Соловьеву близки мистические настроения, общеизвестно, и этот тезис не требует дополнительной аргументации [7, с. 135]. Но для нас важен вопрос, как это мистическое начало сопряжено с идеями об «отвлеченности» юридического начала и какая здесь связь с нравственностью. На наш взгляд, кризис западного рационалистического мышления привлекает внимание не столько к традиционным ценностям (вера, семья и проч.), сколько к попыткам найти новые возможности, новые резервы в традиционной богословии, трудах русских теоретиков, прежде всего XIX в. Послушаем, например, Дмитрия Мережковского. В письме к Н. Бердяеву он пишет: «Между государством и христианством для нас не может быть никакого соединения, никакого примирения: “христианское государство” – чудовищный абсурд» [8, с. 95]. И далее: «Новая любовь, новая власть Христова – все еще – не открывшаяся тайна, не совершившееся чудо» [9, с. 98–99]. Категории «тайна», «чудо» в контексте правовом, государственном – отнюдь не рационалистические категории. А вот точка зрения Льва Шестова. В «Опытах адогматического мышления» он пишет: «Божеские законы неизменны: в раю разрешается все, кроме любознательности», и здесь же отмечает: «Допустите возможность сверхъестественного, и логика растеряет столь привлекающие умы несомненность и общеобязательность своих выводов» [9, с. 109]. Почему не мистическая связь явлений? Конечно, прежде всего, это гипотеза тяготеющего к религиозным пророчествам критического ума, но вот цитата из Шестова более «прикладного» характера: «Всякая глубокая мысль должна начинаться от отчаяния» [9, с. 113], в частности отчаяния от наблюдаемого безобразия государственной и частной жизни и противоречия с идеальными нравственными заповедями.

Здесь, очевидно, необходимо пояснить значение слова «мистическое» применительно к теме нашего разговора. Конечно, мы не рассматриваем его значение в том смысле, как описывал его в своих рассказах Владимир Соловьев, пересекающий во время своего путешествия в Египет Босфор. Он говорил друзьям, что его в каюте оседлал черт и стал душить. И только крестное знамение помогло ему вырваться из лап черта. Но обратитесь к тем же стихам Соловьева о Софии, стихам, которые впоследствии А. Блок воспринял очень близко, известнейшая «Незнакомка» – это парафраз соловьевской мудрости. Здесь перед нами тоже мистический образ. Можно защищать в этом контексте несколько максим. Первая из них: мистическое фиксирует непознаваемое, таинственное, то, что выходит за пределы рационального познания. В этой связи применительно к феноменам права и нравственности мы можем утверждать, что наши представления как о первом, так и о втором ограничены, часто неконкретны, спорны. Вторая: мистицизм не блажь, не причуда ума, мистицизм – это разработанная философская позиция, которая обладает, в том числе, всеми атрибутами классического знания. Интересно в этой связи послушать современника Соловьева, крупного мыслителя Л. М. Лопат-

тина, который в статье «Миросозерцание Владимира Соловьева» акцентировал внимание именно на этой черте его философствования. Лопатин писал: «В то время, когда мистицизм и метафизика стали почти бранными словами, в то время, когда на спиритуализм в философских и психологических кругах смотрели как на жалкий предрассудок пережитого прошлого, Соловьев открыто выступил в философской литературе как мистик, метафизик и спиритуалист» [10, с. 114]. Но какое это значение имеет для права и нравственности? Самое прямое. «Идеальный мир не был для него абстрактным термином, – в его глазах он был чем-то совсем живым, он был для него гораздо более конкретным и настоящим миром, чем тот мир раздробленности и внешности» [10, с. 115], который открывался перед нами. Но об этом мы говорили выше, когда приводили мысли философа о свободной теократии. Почему об этом имеет смысл говорить? Потому что в настоящее время исчерпаны многие рациональные характеристики совершенствования правовой системы, сказано достаточно о важности совершенствования нравственных постулатов в нашей жизни. Нужны новые идеи, новые подходы, в том числе необычные.

Конечно, такой подход может вызвать критику со стороны записных атеистов. Действительно, здесь вне идеи Бога нет ни системы, ни понимания ключевых феноменов. Вспомним полемику между сторонниками и противниками упоминания идеи Бога в той Конституции, которая рассматривается в настоящее время в России. Сторонники этой идеи все время спрашивали: на чем же все-таки основываются такие правильные идеи, как идея добра, идея справедливости, идея всеобщего блага и т. д.? На этот вопрос можно ответить исключительно метафизически, именно поэтому русская религиозная традиция XIX в. подчеркивала – повторим – сугубую прагматичность мыслей о новом национальном и мировом порядке. Да, основанную на религиозной идее.

Конечно, здесь существует и третья важная черта: синкретичность мышления многих русских мыслителей, стремление примирить различные начала, найти пресловутый «третий путь». Соловьева справедливо называли самым крупным либералом среди русских мыслителей XIX в.: «Его убеждение, что справедливое для отдельной человеческой личности должно быть справедливым везде, где совершаются какие-нибудь человеческие действия, было совсем непоколебимо» [10, с. 152]. К этому стоит добавить известный исторический факт: когда 1 марта 1881 г. народовольцы убили русского царя, Соловьев, в то время профессор высших Бестужевских курсов, в открытой лекции обратился к наследнику с призывом помиловать цареубийц. Здесь право и нравственность как общественные феномены слились воедино: новый царь, как христианский владыка, должен помиловать убийц, и тем самым он покажет пример истинно христианского отношения к трагедии. Пример Соловьева важен и потому, что он озвучил свой призыв гласно, с университетской кафедры, уверенный в своей правоте. Понятно, что больше профессором он до конца своей жизни нигде не работал. В отличие от обер-прокурора Святейшего Синода профессора права Победоносцева, который заклинал царя не слушать «сумасшедшего». Стоит привести цитату из письма нового царя в ответ на заклинание К. П. Победоносцева с призывом ответить отрицательно на предложения о помиловании: «Будьте спокойны, с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто и все шестеро будут повешены» [11, с. 38]. В этом историческом споре В. Соловьева трудно назвать победителем, но понятно: ресурсы его позиции могут быть развернуты и осмыслены и сегодня, в отличие от позиции Александра III и Победоносцева.

Какие же выводы следуют из сказанного? У нашего земляка, крупного философа-интуитивиста Н. Лосского в книге «История русской философии» есть совсем небольшая глава, которая называется «Юристы-философы» [12, с. 386–388]. Так вот, В. Соловьев никогда не был юристом, и его имени в списке «юристов-философов» нет. В основном там говорится о Павле Новгородцеве. Т. е. правовые вопросы не были в центре внимания

мыслителя. Однако вне сферы права многие аспекты его исторической, государственной, этической, религиозной философии рассматривать было бы неверно, главным образом потому, что Соловьев – системный мыслитель. Это первое. Второе: Соловьева (как и многих других представителей русской философии второй половины XIX в.) нельзя представлять исключительно абстрактным мыслителем. Философы жили интересами своей страны и очень остро ощущали несправедливость русской жизни. Именно поэтому вопросы права постоянно выдвигались в центр их умопостроений. Связь вопросов права с нравственностью всегда находилась в основе как теоретических, так и практических взглядов мыслителей. Третье: вне идеи Бога рассматривать идеи русской религиозной философии второй половины XIX в. невозможно, именно поэтому решение диалектических противоречий между требованиями права и этики всегда находилось в компетенции «третьей» инстанции, которая имела самые различные именованья. Допустим, В. В. Розанов предложил мистическую интерпретацию рационализма. «Подобно тому, – писал мыслитель, – как мыслящему разуму есть соответствующий ему мыслимый мир, так и нравственному чувству – отвечающий ему долг, а религиозному созерцанию – созерцаемое им Божество» [13, с. 276]. Мистика здесь, как уже говорилось выше, не случайное слово. Это связано с тем, что трактовать сложнейшие метафизические вопросы исключительно с рационалистических позиций большинство русских мыслителей считали неверным. Четвертое: ряду мыслителей был присущ широкий синкретизм, стремление «снять» все противоречия. Скажем, профессор Новгородцев «в своей широкомасштабной работе “Кант и Гегель в их учении о нравственности” (М., 1901) берется решить поставленную задачу: синтезировать учение Канта и Гегеля через снятие взаимных противоречий в области философии права» [14, с. 166]. И пятое: для Соловьева был свойственен специфический теократический подход в решении этико-религиозных проблем, которые еще ждут своего исследователя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Станишевская, Л. П. Право и мораль в русской философско-правовой мысли / Л. П. Станишевская // *Право.Ву.* – 2008. – № 2. – С. 32.
2. Гюго, В. Десятою третий год / В. Гюго // *Собр. соч.* : в 15 т. / В. Гюго. – М., Худож. лит. – Т. 11. – 1956. – 448 с.
3. Речи известных русских юристов : сборник. – М. : Юрид. лит., 1985. – 544 с.
4. Яценко, А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории и права и государства / А. С. Яценко. – СПб. : Алетей, 1999. – 252 с.
5. Лепешко, Б. М. Вечный странник. Философский портрет Владимира Соловьева / Б. М. Лепешко. – Брест : Облтипография, 1997. – 188 с.
6. Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/>. – Дата доступа: 17.02.2020.
7. Шапошников, Л. Е. Философские портреты / Л. Е. Шапошников. – Н. Новгород, 1993. – 224 с.
8. Мережковский, Д. Больная Россия / Д. Мережковский. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 272 с.
9. Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности / Л. Шестов. – Л. : ЛГУ, 1991. – 216 с.
10. Лопатин, Л. М. Философские характеристики и речи / Л. М. Лопатин. – М. : Академия, 1995. – 328 с.
11. Победоносцев и его корреспонденты : в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 1. – 448 с.

12. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М. : Совет. писатель, 1991. – 479 с.

13. Зеньковский, В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Л. : Эго, 1991. – Т. 1 : в 2 ч. – Ч. 2. – 380 с.

14. Прибыткова, Е. А. Религиозно-нравственное оправдание права: два этапа в эволюции идей Вл. Соловьева / Е. А. Прибыткова // Правоведение. – 2005. – № 4. – С. 165–180.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.02.2020

Lepeshko B. M., Lepeshko A. B. Law and Morality: Philosophy of Punishment and Forgiveness

Current issues of modern understanding of the problem of law and morality is discussed in the article. Modern problems of constitutional construction are interpreted on the basis of ideas of Russian philosophy of the second half of XIX century. Ideas about the role of the state and the church in the legal and moral process are set out in the article. A possibility of a «third way» in the process of resolving the contradictions between law and morality is considered.

УДК: 165+159.922.6

С. П. Онуприенко

д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси

e-mail: centr.evrissl@yandex.by

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ОТ БИФУРКАЦИИ ДО КООПЕРАЦИИ

Проанализированы важнейшие факторы диалектического становления социально-экологических оснований жизненных ориентаций учащейся молодежи: бифуркация (дестабилизация, разрушение) и ее позитивная противоположность – кооперативность (объединение усилий для гармоничного синтеза во благо созидательных процессов в структуре социоприродных отношений). Используются материалы авторских конкретно-социологических исследований учащейся школьной молодежи.

Введение

Социально-экологическое развитие личности и общества направлено на максимально возможные эффективные защитные, профилактические меры предотвращения бифуркационных тенденций в системе социальных отношений и природной среды. Поясним выдвинутый тезис.

Дело заключается в следующем: в многообразии процессов окружающего мира существуют два диалектически взаимоисключающих явления, которые, по сути, определяют характер системы человек – общество – природа. Прежде всего, речь идет о бифуркации (дестабилизация, разрушение, неустойчивость) и ее противоположности – кооперативности (объединение усилий для гармоничного синтеза во благо реанимационно-созидательных процессов в социоприродной среде).

Кратко рассмотрим вышеотмеченные факторы с целью анализа конструктивно-деятельностных подходов для формирования разумных жизненных ориентаций учащейся школьной молодежи страны. Этот подход определяет современные тенденции, сложившиеся в последние десятилетия в практике образовательно-педагогической работы средних, среднеспециальных и высших учебных заведений страны, актуализируя научный поиск в области эколого-социального развития человека.

Термин «бифуркация» происходит от лат. *bifurcus* ‘раздвоенный’ и употребляется в широком смысле для обозначения всевозможных качественных перестроек, или метаморфоз, различных объектов при изменении параметров, от которых они зависят. При непрерывном изменении параметров могут возникать каскады бифуркаций. В результате последовательности бифуркаций в динамической эволюционной системе возможно установление хаотического режима. Н. Н. Моисеев размышляет: «Бифуркационные механизмы в биологии и социальных системах проявляются не в таком рафинированном виде, как в физике, но тем не менее сохраняют свою основную особенность – непредсказуемость исхода. Примером тому является образование новых видов или революционные перестройки общественных структур. Что касается бифуркационных механизмов, то их познание позволяет избегать непредсказуемых и опасных ситуаций. Это особенно важно в проблемах глобальной экологии, когда превышение допустимой антропогенной нагрузки может привести к совершенно непредсказуемому характеру развития биосферы, исключающему возможность дальнейшего существования человека как биологического вида» [5, с. 8]. В этой связи концепция социально-экологического развития представляет собой действенный механизм:

1) системного познания и оперативного контроля за состоянием социально-экологических тенденций с учетом степеней допустимого вмешательства человеческого фак-

тора в природную сферу, тем самым препятствуя возникновению бифуркационных процессов как в обществе, так и окружающей среде;

2) выработки конструктивных подходов в деле становления информационно-доверительных отношений населения к анализу достижений современных научных экологических направлений и формированию стойкой принципиальной позиции граждан в отношении рецидивов нарушения разумного баланса в системе общество – личность – природа, что значительно снижает риск бифуркационных деградаций общественных структур;

3) разработки целевых программ активизации психолого-физиологических характеристик человека с использованием новейших средств его приобщения к методикам реализации здорового образа жизни как стержневого элемента антибифуркационной профилактики.

Естественно, социоэкологическое развитие может стать тем стабилизирующим средством антибифуркационного процесса как в общественной, так и в техноприродной среде. Однако есть и уже активно внедряются в практику иные, не ведомые ранее механизмы инновационно-информационного порядка, которые, развивая человеческое мышление, раздвигая исторические горизонты нашего знания, одновременно не только уже породили, но продолжают последовательно втягивать наше сознание в таинственную черную дыру мыслительного коллапса. Речь идет об инновациях в технике, ставшей частью нашего быта, имиджа, без чего сегодня не может обойтись современный человек.

«Еще 20 лет тому назад, – пишет Н. Н. Моисеев, – вряд ли можно было предсказать те последствия компьютеризации, которые мы наблюдаем сегодня. А ведь это только самое начало. Я не хочу брать на себя роль футуролога и предсказывать события, но рост связей между отдельными людьми, особенно в интеллектуальной сфере, наводит на многие размышления. Я бы рискнул предположить, что когда количество объектов компьютерных сетей станет достаточно большим, а характер связей между ними, сложность и полнота доступных банков данных достигнет некоторого предела, произойдет новая бифуркация, подобная возникновению мыслительных способностей у гуманоидов. Я не берусь гадать, какой будет эта бифуркация, какими новыми системными свойствами станет обладать компьютеризированное общество, но я думаю, что этот процесс уже начался» [1, с. 13].

Опасения российского академика вполне обоснованны, но было бы неверно всецело строить футурологическую концепцию цивилизационного развития, каждый раз оглядываясь на архаичные положения традиций и нравственных устоев прошлых эпох. Беспокоясь о том, что новый этап научно-технической революции произведет некоторые бифуркационные изменения не только в нашем доме, но и в нашем сознании, мы осознанно пытаемся «притормозить» общественный прогресс. Возникает вопрос: есть ли альтернатива развернутому на рубеже XX–XXI столетий информационно-компьютерному модулю интеллектуального развития общества? Ответ очевиден: иного пути нет. Добавим только следующее: в любом обществе во все времена имели место бифуркационные тенденции, что неизбежно проявляется и в пространственно-временной структуре нынешнего состояния дел.

Что можно предложить с позиций социально-экологического развития? Прежде всего, необходимо учитывать то неизбежное, из чего состоит любая историческая эпоха, т. е. этапы, характеризующие конкретную хронологическую периодизацию. Конструктивизм данного подхода, на наш взгляд, в том, чтобы, во-первых, осуществлять четкий анализ многоаспектных особенностей этапа и верно составленную программу прогнозирования переходных состояний от предыдущих к последующим, реализуя профилактические методы недопущения или смягчения предпосылок зарождения возможных бифуркационных процессов. Во-вторых, характер бифуркационных процессов в природе

и обществе в не меньшей степени определяется уровнем подготовленности самих граждан к непредвиденности для них последствий происходящих или назревающих социальных эксцессов. По мнению ряда известных российских специалистов в области си-нергетики и конфликтологии, «социальный субъект может не обладать достаточными знаниями, навыками, опытом, чтобы предположить правильность сделанного выбора и принять вполне адекватное решение. В этом случае субъект будет больше полагаться на предпочтение, но не рациональным путем, а интуитивным и эмоциональным. Кроме того, социальный субъект может не иметь возможности проанализировать ситуацию, в которой он находится, и ему придется достаточно быстро, не обдумав и не проанализировав альтернативы и тенденции выбора, принимать какое-то решение. Через определенный промежуток времени субъект может обосновать, почему он поступил именно таким образом, может вспомнить какие-то предпосылки для принятия такого решения, но серьезных логических выводов и объяснений он не сможет дать» [2, с. 15]. С точки зрения положений социозэкологического развития необходим четко продуманный мониторинговый анализ (текущие события настоящего времени) и не менее обоснованные прогностическо-гипотетические варианты (перспективы), основанные на результатах компетентных оценок экспертов: политологов, футурологов, психотерапевтов, социальных экологов – с целью выявления функциональных и органических изменений бифуркационного характера. Отсюда следует: идеолого-воспитательные установки определяют первоочередные задачи системы образования, просвещения, установки социально-методической работы с молодежью, проблемными категориями населения. Определяющими чертами рецидивов социальной бифуркации выступают такие проявления, как дезорганизация взаимодействия субъектов социальных отношений, ценностная напряженность, противоречия, конфликты, обуславливающие нарушения конституционных, гражданских норм и правил поведения, случаи дестабилизации традиционных, общечеловеческих принципов толерантности, т. е. всего того, что препятствует нормализации психологического климата в коллективе. По этой причине концепция социозэкологического развития не должна ограничиваться констатацией планово применяемых мер приказного, административного характера. Ее конструктивная роль – перманентно выдерживать наступательную позицию активизации критическо-созидательных целевых установок общественного мнения в контексте самых передовых научно-технических, психосоциальных, интеллектуально развивающих, духовно-нравственно-содержательных позитивных ценностных ориентиров. Такова роль данного феномена в содержании критериальных концептов гуманизма и человеколюбия. Именно на этом базируется принцип цивилизационной стабилизации в русле динамики социальных трансформаций современности.

Эколого-социальное развитие, учитывая многофункциональность его содержания и нравственно-идеологическую целевую адресность, без сомнений обязано стать своеобразным *регулирующим механизмом* в системе социально-природных отношений человеческого сообщества. В чем суть этого функционального предназначения?

Во-первых, положения данного феномена фактически предписывают нашим современникам особо значимые правила взаимодействия с окружающей средой с учетом как естественных биологических инстинктов, потребностей, установок человеческого рода, так и социально общественных ограничительных мер добычи, переработки, реализации полезных ископаемых планеты. Не следует забывать и о критериях разумного употребления полезных и вредоносных продуктов и ингредиентов для конкретной психофизиологической структуры организма человека.

Во-вторых, нравственно-императивные предписания, советы, предложения в сочетании с лекционно-просветительской практикой преподавания несут в своем содержании не только общепознавательные установки, но и методы убеждения, формирующие

основы идейно-ценностного мировосприятия. «Мировоззрение человечества, – отмечает российский социальный эколог Н. Н. Марфенин, – должно быть сформировано с учетом того обстоятельства, что один вид живого в силу своей социальной отличности принимает на себя всю ответственность за соблюдение “правил безопасности на планете”, за сохранение устойчивого равновесия энергетических и материальных потоков» [3, с. 5].

В-третьих, концепция социоэкологического развития наряду с глобальными, общечеловеческими задачами конкретизирует область биолого-географических и одновременно технико-технологических подходов и возможностей достижения поставленных целей. Речь идет о том, что развитие любого вида, любой популяции может происходить лишь в жестко ограниченных пределах изменения социальными факторами параметров окружающей среды. В нашем нынешнем динамичном, а значит, достаточно непредсказуемом состоянии функциональной мобильности социотехносреды и ее баланса с реанимационными репродуктивными возможностями биосферы вполне уместен девиз «Ни шагу назад!» в смысле предупреждения антигуманных поступков, на что мы неоднократно решались. Здесь необходимы жесткие меры не только нравственно-морального, но административно-правового, наконец, уголовного законодательства в отношении нарушителей социоприродного равновесия. Пора покончить с упадническими, самооправдательными разговорами о том, что ошибки, допущенные кем-то в техносреде, например в выборе Островецкого района для строительства Белорусской АЭС, непродуманные варианты сооружения аккумуляторного завода под Брестом и ряд других, не так страшны, что есть еще резервы, прямо скажем, для отступления от поставленных целей. Естественно, пугать сограждан экологической безысходностью – это не научно обоснованный метод эколого-социального развития, но принципиальные положения соблюдения норм креативного баланса возможностей социума и биосреды должны стать определяющими для каждого гражданина. Таков закон жизни.

Таким образом, регулирующий механизм взаимоотношений природы и человека, наряду с предложением ограничительных мер социально-технического проникновения в генно-молекулярные структуры природной сферы, ставит перед каждым из нас непростые социогенные задачи мировоззренческо-мониторингового характера, благодаря разумному решению которых фактически возникает реальная возможность выхода на практическую реализацию устойчиво-стабилизирующих принципов правильного планирования, правильных действий, правильной логико-смысловой оценки роли человека во внешнем мире. «Именно по этим основаниям, отмечают российские исследователи С. В. Костарев, Ю. И. Калинина и др., социоэкологическое развитие с точки зрения аксиологии есть субстанциальная реальность, возникшая и развивающаяся в процессе глобального социогенеза и эволюции биосферы. Она существует в границах последней и определяется соотношением свойств природной среды и особенностей цивилизаций и культур. С другой стороны, продолжают вышеназванные ученые, социоэкологическое развитие является мерой рациональности общественной организации и логики развития природы» [4, с. 354]. Такие высказывания согласуются с определением первоначального понятия рассматриваемого феномена, выдвинутым академиком Н. Н. Моисеевым, который всегда характеризовал его в рамках «рационально организованного общества», т. е. такого общества, которое способно следовать принципам социоэкологического развития и не противоречить логике развития природы в целом и природе человека в частности. Он развивал мысль следующим образом: «Планетарное сообщество должно обрести некое новое состояние, и в этом новом состоянии оно должно не содействовать деградации тех или иных цивилизаций, а, наоборот, поддерживать и развивать их многообразие и их способность к адаптации, т. е. обеспечивать их sustainability (sustainable (англ.) – ‘устойчивый, жизнеспособный’). Такое планетарное общество я буду называть рациональным» [5, с. 8].

На наш взгляд, российский ученый прямо указывает на концепцию социоэкологического развития как фактор конструктивного регулятора общественно-природных отношений на уровне многофункциональной диалектики цивилизационных сообществ, где механизмы адаптации формируют основополагающие принципы жизнеспособности, созвучные концепции устойчивого развития, заявленной и реализуемой в первой четверти XXI столетия.

Подводя итоги исследования столь многогранной концепции, коей является социоэкологическое развитие, невольно приходим к выводу о фундаментально-теоретической и практико-методической значимости вышерассмотренных функционально-деятельностных элементов и одновременно ее активизирующих факторов социоэкологической деятельности в масштабах и космопланетарного и личностного уровней. Их универсальность очевидна, они охватывают разные стороны жизни современников, определяют стратегические задачи динамики цивилизационного развития. По сути, методы профилактики бифуркационно-дестабилизирующих тенденций в природе созвучны общественным структурам, они выявляют регрессивную составляющую и в то же время упреждающе-конструктивную направленность механизмов социоприродных отношений. С одной стороны, такие механизмы обосновывают порочность и бесперспективность человеческого существования в унисон полемическим воззрениям по поводу конца истории; с другой стороны, их суть далеко не в том, чтобы критиковать, самобичевать, оправдываться. Их роль в реализации норм, критериев обоснованного противостояния финальному летальному пророчеству, предрекаемому всем нам, нашим потомкам некоторыми западными теоретиками. Разумные подходы в регулировании природно-человеческих проблем современности уместно сочетают компромиссные, доверительно-разъясняющие акторы с неизменно доминирующими во все времена и еще более актуальными ныне аксиолого-мировоззренческими элементами свободного развития современного человека. В условиях интенсивной динамики инновационных процессов творческие инициативы всех и каждого становятся незыблемым мерилем совестности, ответственности за порученные дела, по смыслу и логике рассуждения опирающиеся на мудрые положения концепции социоэкологического развития.

На наш взгляд, квинтэссенцией вышеотмеченных факторов является то, что способно гармонично сфокусировать усилия, специфику, преимущества всех составляющих в одно системообразующее целое. Думается, таким синтезирующим началом может и должен быть *фактор кооперативности*, позволяющий объединять мысли и поступки не только нейтральных, но даже противоположных сторон в деле разрешения сложных природно-социальных ситуаций. По мудрому замечанию академика Н. Н. Моисеева, «природе свойственна кооперативность – объединение отдельных элементов в системы. О кооперативном поведении говорят, когда наблюдают явления синхронизации колебательных систем в физике или в биологии, когда речь идет об объединении “элементов жизни” в целостные организмы. В живом мире мы видим невероятное разнообразие различных форм кооперативного поведения. Это не только организация типа семей или стадных сообществ. Даже многоклеточные существа – это результат действия кооперативных механизмов, превращающих различные элементы в новую целостность. В обществе же проявления кооперативности носят фундаментальный характер. Следует заметить, что в результате действия кооперативных механизмов возникает система, обладающая новыми свойствами, которые нельзя предсказать заранее: их нельзя вывести как следствие из свойств составляющих ее частей, подобно тому как свойства конкретного атома не выводимы из свойств электрона и протона» [1, с. 8, 22].

В общественной жизни кооперативность является одной из основных составляющих спектра человеческих взаимоотношений. В XIX в. известный политик, общественный деятель Э. Бернштейн (1850–1932) обосновывал необходимость разумного приме-

нения кооперативных принципов в эволюции устоев капиталистического общества, полагая, что антагонистические противоречия можно уменьшить, смягчить и вовсе ликвидировать благодаря кооперативным связям. В своей книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899) он аргументированно утверждал, что анархия производства и периодические кризисы не суть неизлечимые болезни капиталистической системы, как утверждал К. Маркс. Э. Бернштейн из многообразия факторов выделил непрерывно возрастающую роль интеллектуально-творческого, разумного начала, позволяющего оперативно преодолевать стихийность, экономические дисбалансы и вносить в характер функционирования производительных сил элементы духовно-футурологического плана в контексте системно-целевых установок механизмов управления социоприродными отношениями. По существу, речь идет о принципах управляемого развития, в основе которых кооперативные модули разумного соотношения технико-человеческих интенций, сфокусированных на общечеловеческих целевых установках вершин эволюционного самосовершенствования.

В соответствии с выдвинутой концепцией управляемого развития Э. Бернштейн обосновывал диалектику процессов капитализма, сконцентрированную в лозунге «Конечная цель – ничто, движение – все». Данный подход обосновывал социальные трансформации буржуазного строя, так сказать, продлевая его жизнь и всячески препятствуя переходу мирным или вооруженным путем к социализму. Казалось бы, наивная идея «спасения капитализма», тем не менее она находит подтверждение в наши дни. Однако концепция управляемого развития имеет право на существование, характеризуя в большей степени элементы социалистического строя и его позитивные реформы в социальной и природной сферах бытия. Что же касается кооперативности, то она ключевое звено любой формы разумного движения и совершенствования системы.

На наш взгляд, конструктивная позиция Н. Н. Моисеева всецело отвечает современным тенденциям экономико-политического и духовно-нравственного развития. Неверно думать, что наши современники с учетом национальных, религиозных и иных особенностей XXI столетия все более склонны к разобщенности, уединению, изоляции от других. Такие тенденции имеют место, но они далеко не доминирующие, поскольку информационно-технологическое, обменно-туристическое, финансово-инвестиционное и десятки таких же значимых для всех и каждого направлений деятельности закономерно требуют объединения личностей и целых народов в единый алгоритм человеко-созидания.

Кооперативность как фактор социоприродного развития является логико обоснованным атрибутом, принципом концепции экологического императива по ряду стратегических оснований.

Во-первых, кооперативность предполагает преимущество традиционно существенного, главного в исторических фазах взаимоотношений человека и природы, в чем, по мысли Н. Н. Моисеева, заключаются «вечные истины» и «общечеловеческие ценности» [1, с. 23]. Именно они рождены Природой, ибо с их помощью формулируется концентрированный опыт жизни Человека: в них прошлое служит настоящему и будущему.

Во-вторых, на рубеже XX–XXI вв. кооперативность четко фокусирует функции эффективного синтеза всех усилий человечества на выработку наиболее приемлемого консенсуса в отношении общество – природная среда, результатом чего выступает, по мнению Н. Н. Моисеева, «закономерное формирование коллективной памяти, коллективного интеллекта и завершающей стадии – коллективного Разума, свидетелями чего мы являемся» [1, с. 12]. Размышляя над словами российского академика, начинаешь осознавать всю глубину ответственности и одновременно очевидности, неизбежности кооперативных тенденций в смысле оптимизации процессов выживания нашего и последующих поколений землян.

В-третьих, именно принципы кооперативности вносят фундаментальные корректировки в систему аксиолого-потребностных ориентаций современного человека, императивно выделяя структурно-классификационные параметры первостепенно, второстепенно и т. д. значимой для каждого индивида совокупности материальных, духовно-интеллектуальных запросов в определенной фазе этноисторического этапа. Видимо, некорректно понимать эти экосоциальные предписания как насильственное ограничение всего того, что мы желаем. Скорее всего, здесь концентрируются функционально-смысловые механизмы диалектических трансформаций духовно-интеллектуального плана, фактически составляющие основу феномена коллективного Разума. По сути, они-то и формируют наше психовосприятие реальности, а с ним – рациональные критерии индивидуального человеческого потребления, питания, физических, умственных нагрузок и многое из того, что в будущем должно определять сбалансированное гомеостатическое состояние потомков нынешних поколений.

Таким образом, фактор кооперативности – неизменное условие стабилизации социально-природных отношений в наше динамичное время.

Попытаемся выяснить, как учащаяся молодежь понимает содержательные установки кооперативной деятельности в контексте экосоциальных отношений современного общества. С этой целью молодым людям трех средних школ г. Минска автором была представлена возможность самим определить вопросы и выбрать несколько вариантов наиболее приемлемых ответов на них (таблица).

Таблица. – Как следует понимать кооперативную деятельность в области социально-экологической политики Беларуси?, %

1. Совместные действия государства и граждан в сохранении природной среды	36
2. Кооперативность не может быть лозунгом, она должна быть прежде всего в сознании, душе, в конкретных полезных делах каждого человека по отношению к самому себе и окружающей среде	33
3. Ответственность, принципиальность в решении экологических проблем	22
4. Последовательность и законченность в выполнении намеченных планов	18
5. Кооперативность звучит красиво, но реально невыполнима в социоприродной среде	14
6. Затрудняюсь с ответом	5

Как видим, подавляющее большинство респондентов верно понимают целевые установки феномена кооперативности и предлагают простые, но конструктивные меры по их реализации в практике жизни современного белорусского общества. По этой причине кооперативность как один из определяющих факторов стабилизации природно-человеческих отношений требует конкретизации и дальнейших разъяснений среди широких масс населения, чтобы представленная концепция не стала формальным и абстрактным бюрократическим символом.

Приходим к выводу: положения социоэкологического развития не столько предписывают нормативы жизнедеятельности, пронизывающие систему ценностных ориентиров личности, сколько настоятельно рекомендуют разумно, рационально подходить к использованию природных, человеческих, можно сказать нравственно-ценностных ресурсов личности с целью кооперативно-коллективного их воплощения в практику социальной жизни. Такой подход не абстрактно-демагогический призыв, напоминающий всем известное изречение героя мультсериала кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!». Принципы, на которых строятся кооперативные установки экологического императива, теряют свою активизирующую роль в случаях применения откровенно наивно-соглашательских методов, в основе которых попытки уговорить, упросить, призывы к сговору, формальному принятию решений, документов, резолюций, что,

к сожалению, нередко имеет место в процессе проведения самых серьезных саммитов современности. Примером могут служить так называемые «договорные обязательства» – термин, прочно закрепившийся в среде политики, бизнеса, дипломатии, который не способствует конструктивности, ответственности, совестности, но характеризует малоэффективный, в основном нерезультативный текущий процесс. Например, подавляющее большинство международных документов: Рамочная конференция ООН об изменении климата – «Киотский протокол» (декабрь 1992 г.), экологический саммит в Нью-Йорке (2009), Рамочная конференция ООН об изменении климата (СООР-21) в Париже (ноябрь – декабрь 2015 г.) и др. – оказались нереализованными из-за obstructionistских позиций ряда государств и политических деятелей, например таких, как США и их президента Д. Трампа.

Заключение

Положения концепции социоэкологического развития должны носить, на наш взгляд, определенно-конкретизирующие предметно-целевые установки, включая следующие особенности:

1) четкость и доступность в понимании терминологической базы всего пакета входящих документов;

2) учет адресата, к которому они обращены, включая половые, возрастные, религиозные, национально-этнические, профессионально-квалификационные, географические и иные параметры;

3) положения теории социоэкологического развития и методы разъяснительной работы с населением ставят целью последовательное, поэтапное преобразование сложившихся издавна стереотипов мышления, прежде всего по причине преобладания потребительских мотивов в труде, отдыхе, досуге, формирующих эгоцентристские умонастроения негативного социоэкологического толка;

4) концепция социоэкологического развития предполагает учет периодизации освоения содержательной терминологии, осмысления предложений, рекомендаций, сфокусированных на реализации эффекта завершающей фазы – формирования устойчивой системы экологических ценностей личности.

Таким образом, данная концепция охватывает весь многофункциональный спектр социоприродных отношений современного человека, стабильно повышая его рейтинг теоретического логико-познавательного уровня их осмысления и одновременно ориентируя на позитивные, прогрессивные, жизнеутверждающие действия, поступки в соответствии с духовно-нравственными критериями социоэкологического развития.

Со своей стороны мы предлагаем в качестве конструктивного подхода программу занятий с учениками 7–10-х классов, апробированную на факультативе в ГУО «Средняя школа № 132 г. Минска» (2016–2017) по теме «Подросток и ценности отечественной и мировой экологической культуры» в объеме 40 учебных часов. Главное в этой работе:

1) переход от игровой практики к аналитико-синтетическим методам творческого познания;

2) критическая оценка своих возможностей в среде сверстников – «горячий стул»;

3) конструктивные предложения в любой ситуативной обстановке;

4) умение самостоятельно создать позитивный, гуманистический настрой, перспективы созидания и т. д.;

5) практическая результативность в эколого-полезных делах:

а) регулярная самостоятельная уборка помещений квартиры;

б) вынос мусора;

в) сортировка отходов;

г) сохранность, поддержание чистоты школьного имущества;

д) бережное отношение к учебникам, библиотечным книгам и т. д.

б) подведение ежедневного итога организации интеллектуально-образовательной работы:

а) приращение инновационно-развивающих методов, подходов, знаний как в горизонтали школьных предметов, так и в вертикали познавательного процесса;

б) подготовка интересных научно обоснованных сообщений, докладов, выступлений по актуальным проблемам школьной и внешкольной жизни;

в) составление собственных проектов психолого-интеллектуального и духовно-нравственного самосовершенствования.

Предложенная программа позволяет ближе познакомиться с основными положениями не столь уж сложной для наших детей концепции социоэкологического развития. Более того, она предоставляет реальную возможность каждому осознать значение экологической деятельности и сделать собственный шаг в этом направлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моисеев, Н. Н. Универсальный эволюционизм / Н. Н. Моисеев // Вопр. философии. – 1991. – № 3. – С. 3–28.

2. Музыка, О. А. Время и социальная синергетика / О. А. Музыка, В. В. Попов. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2007. – 256 с.

3. Марфенин, Н. Н. Гуманизм и экология / Н. Н. Марфенин // Экология и жизнь. – 2000. – № 5. – С. 6–10.

4. Костарев, С. В. Экологический императив: основание и понимание / С. В. Костарев, Ю. И. Калинина // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI, вып. 3. – № 50. – С. 349–355.

5. Моисеев, Н. Н. Размышления о рациональном обществе / Н. Н. Моисеев // Экология и жизнь. – 2001. – № 1. – С. 7–12.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.12.2019

Onuprienko S. P. Socio-Ecological Development: from Bifurcation to Cooperation

The article analyzes the most important factors of the dialectical formation of the socio-ecological foundations of the life orientations of schoolchildren: bifurcation (destabilization, destruction) and its positive opposite – cooperativity (the combination of efforts for harmonious synthesis for the benefit of creative processes in the structure of social and natural relations). The materials of the author's specific sociological studies of schoolchildren are used.

УДК 101.9; 113 / 119

П. С. Карак

д-р филос. наук, проф., проф. каф. философии и методологии науки
Белорусского государственного университета
e-mail: kafedra628@gmail.com

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ТЕЧЕНИЯ В РУССКОМ КОСМИЗМЕ

Раскрываются особенности воззрений П. А. Флоренского на природу и биосферу Земли, их космическую выраженность. Выявляется религиозное содержание его космизма. Подчеркивается роль космических идей В. И. Вернадского в становлении космизма П. А. Флоренского. Обращается внимание на сходства и различия духовных исканий этих мыслителей. Делается вывод о причастности Флоренского к религиозно-философскому течению русского космизма.

Введение

В системе русского космизма значимое место занимают представления П. А. Флоренского (1882–1937), религиозного мыслителя и ученого-энциклопедиста. Он внес вклад и в обоснование русского космизма, его религиозно-философской ветви. Однако до настоящего времени космизм этого мыслителя не получил должного освещения в философской литературе. Так, в книге «Русский космизм: Антология философской мысли» (1993) опубликованы сокращенный вариант статьи Флоренского «Органопроекция» (1919), которая не имеет отношения к космизму, и его письмо В. И. Вернадскому (1863–1945) от 21.IX.1929. Но не каждому читателю этого письма будет понятен космизм его содержания. В труде «Грезы о земле и небе: Антология русского космизма» (1995) помещен отрывок из книги Флоренского «Детям моим. Воспоминания прошлых дней» (1916–1925) под названием «Особенное». В нем изложены заметки автора о природе Кавказа и некоторые его детские восприятия окружающего мира.

Космические воззрения Флоренского не стали предметом исследования и освещения и современными философами. Например, в четвертом томе «Новой философской энциклопедии» (М., 2001) в статье «Флоренский П. А.» не сказано ни слова о его причастности к русскому космизму. В весьма обширной сводке сведений о приверженцах этого течения русской мысли, которые содержатся в труде Б. М. Владимирского и Л. Д. Кисловского «Путиями русского космизма» (2011), приводятся только несколько положений из упоминавшегося письма Флоренского Вернадскому.

Все отмеченное свидетельствует о наличии существенного пробела в постижении одной из важных сторон теоретического наследия видного представителя русской мысли – П. А. Флоренского. На ликвидацию этого пробела и ориентирована настоящая статья. При этом первостепенное значение будет иметь выявление истоков и внимания Вернадского к Флоренскому.

П. А. Флоренский – «сильная и оригинальная личность» (В. И. Вернадский)

В 1900–1904 гг. Флоренский был студентом физико-математического факультета Московского университета. Лекции по курсу «Минералогия» студентам этого факультета читал профессор В. И. Вернадский. Он принимал и экзамен по данному курсу у студента Павла Флоренского. Так началось их знакомство, а потом и дружеские отношения, длившиеся до дня гибели Флоренского в 1937 г. После окончания университета Флоренский продолжил свое образование в Московской духовной академии, а по завершении обучения (1908) стал там преподавателем философских дисциплин. С этого времени начинается и становление его как религиозного философа. В 1911 г. он принял

священство. Его искания в области религии и философии были выражены в книге «Столп и утверждение истины» (1914). В последующих трудах он заявил о себе как о видном религиозном мыслителе и ученом-энциклопедисте. Флоренский оставил заметный след в философии математики, истории философии, искусствоведении, богословии, литературоведении и т. д. С 1921 по 1933 г. Флоренский являлся научным сотрудником Государственного экспериментального электротехнического института. За весь период работы в нем опубликовал свыше 225 статей технического содержания. После ареста в 1933 г. публикация его трудов была прекращена.

Вся многогранная творческая деятельность была предметом внимания и Вернадского. Так, в дневниковой записи от 27 февраля 1921 г. находим упоминание о книге Флоренского «Столп и утверждение истины» (1914): «Книга кажется очень интересной. Я страшно ценю самостоятельное творчество, какую бы форму оно ни принимало. Здесь чувствуется сильная и оригинальная личность» [1, с. 194].

Много лет спустя такая оценка этой работы Флоренского повторяется Вернадским и в его письме от 21 мая 1943 г. президенту АН СССР В. Л. Комарову: «Флоренский... теолог и философ, очень выдающийся человек, кончивший математический факультет, в советское время долго заведовал какой-то лабораторией... Это редкое совмещение богослова и экспериментатора и математика указывает на его талантливость. Я помню, когда я был еще профессором в Москве, его диссертация в Духовной Академии – Столп и утверждение истины – произвела огромное впечатление. Я прочел потом эту книгу и нахожу ее чрезвычайно интересной» [1, с. 194]. Чем же могла заинтересовать Вернадского вышеназванная книга Флоренского? Видимо, уже первыми страницами, на которых описываются особенности наступающей осени: «В ветреных вихрях кружились и змеились по земле золотые листья. Стаями загуляла птица. Потянулись журавли, заиграли вороны да грачи. Воздух напитался прохладным осенним духом, запахом увядающих листьев» [2, с. 10]. В такую пору душа человека стремится к постижению истины как знания о сущности природы и других вещей, осмыслению «единства Истины, Добра и Красоты», как процесса познания – «реального единения познающего и познаваемого» [2, с. 10]. Для сознательного материалиста Вернадского все они имели значимость, «вписывались» в его мировоззрение и нашли свое воплощение в его научных и философских трудах.

«Оригинальной» была и идея космизма, которую обосновывал Флоренский. Она в корне отличалась от космических воззрений Вернадского, который, однако, не отвергал содержания космических представлений своего ученика. В чем же выражалась особенность идей Флоренского относительно системы «космос – биосфера – человек»? Имело ли место влияние Вернадского на становление отмеченных идей? Эти вопросы будут предметом нашего анализа. Но их анализ будет плодотворным только при выявлении предпосылок идей космизма у русского мыслителя Флоренского.

«Все микрокосмическое – макрокосмично, все макрокосмическое – микрокосмично» (П. А. Флоренский)

При поиске ответов на поставленные вопросы следует иметь в виду, что первоначально свои космические воззрения Флоренский разрабатывал опираясь на многие идеи и положения первых представителей религиозно-философской ветви в русском космизме – Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева. Так, в лекции «Макрокосм и микрокосм» (1917) он подвергает уничтожающей критике существующую цивилизацию за порождение ею хищнического отношения человека к природе. Причем осуществляется все это в «духе Федорова»: «Трижды преступна хищническая цивилизация, не ведающая ни жалости, ни любви к твари, но ищущая от твари лишь *своей* корысти, движимая

не желанием помочь природе проявить сокрытую в ней культуру, но навязывающая насильственно и условно внешние формы и внешние цели» [3, с. 440].

Столь же очевидно и влияние представлений Соловьева о необходимости утверждения нравственного отношения человека к природе на соответствующие воззрения Флоренского. Последний практически повторяет суждения своего предшественника: «Человеку-мужу надлежит любить мир-жену (природу. – П. К.), быть с нею в единении, возделывать ее и ходить за нею, управлять ею, ведя ее к просветлению и одухотворению и направляя ее стихийную мощь и хаотические порывы в сторону творчества, чтобы явился в твари ее изначальный космос» [3, с. 440]. Отмеченные представления Федорова и Соловьева были существенными элементами их космических идей. Подробно содержание этих представлений раскрывалось нами в книге «Природа и нравственность» [4, с. 123–130].

В этой же лекции Флоренский формулирует и свое видение отношения человека к природе, космическую выраженность своего мировоззрения. Для него «Человек и Природа взаимно подобны и внутренне едины. Человек – малый мир, *микрокосм*. Среда – большой мир, *макрокосм*» [3, с. 441]. Он говорит о том, что и человека можно называть «макрокосмом», а природу «микрокосмом», т. к. они «бесконечны» в своей организации. К тому же человек есть «часть природы» и «равномошен со своим целым». То же самое можно сказать и о природе. Она есть «часть человека». Так понимал этот космист соотношение человека и природы в свой ранний период творчества.

Конкретно о связи своих космических представлений и идеями Федорова и Соловьева Флоренский говорит в лекциях, прочитанных в Москве в 1918–1920 гг., которые составили содержание труда «Философия культа», впервые опубликованного в 1977 г. В этом труде его понимание культа как единства материального и духовного мира описывается в «терминологии *общего дела* Н. Ф. Федорова» [5, с. 157]. Здесь же подчеркивается солидарность идей Флоренского с положениями концепции всеединства Соловьева и его символизмом. Более того, Флоренский называет и себя сторонником символизма: «Я всегда был символистом» [6, с. 154], – говорил он, но уже в другой работе. Он входил в число представителей второй волны молодых символистов (Блок, Белый, Вяч. Иванов и др.), дружил с Андреем Белым, печатался в существовавших в начале XX в. «символических» журналах России. Эти поэты являлись и представителями литературно-художественной ветви в русском космизме.

Но символизм Флоренского существенно отличался от идей как первых представителей символизма (Соловьев, Брюсов и др.), так и символистов второй волны. В отличие от них философ Флоренский обращает внимание на онтологическую сторону символа. Для него первостепенное значение имело выявление объективного в символе. Он подчеркивал, что его «ум всегда был занят познанием конкретного» [6, с. 154]. Причем эта специфичность символа четко проявляется в обосновываемом им содержании культа.

Он, следуя традиции русской религиозной философии, раскрывает особенности культа (таинства, богослужения, обрядности), его место в русском православии. При этом Флоренский отмечает, что в культе должна «освящаться» и «вся природа, во всех ее явлениях». «Она вся, – писал он, – вводится в культ и через культ соотносится с человеком в его собственной человеческой жизни» [5, с. 299–300]. В силу этого и во всех «культовых действиях» человека должна осуществляться его связь с «жизнью природы» и «перекристаллизироваться в культе». Именно в нем «все микрокосмическое – макрокосмично, все макрокосмическое – микрокосмично» [5, с. 300]. В процитированном суждении фиксируется единство микрокосма и макрокосма как двух форм бытия. В нем выражается и космизм мышления его автора. Для подтверждения ска-

занного обратимся к анализу представлений Флоренского о сущности понятия «макрокосм».

У Флоренского это понятие использовалось для обозначения природных объектов и их «бесчисленных проявлений» [5, с. 278]. Они же являлись и зеркалом или символом макрокосма, Вселенной, мира в целом. Такие объекты были предметом его внимания и любви уже с самого раннего детства. Он чувствовал даже воздействие этого мира на свое тело. Оно, «как залив или бухта, отражает каждую волну великого океана, космоса». Причем каждая часть космоса «со всех сторон» влияет на его тело. Вот почему и в «теле своем мы ощущаем весь космос» [6, с. 428, 429]. Все отмеченное и определило внимание Флоренского к космосу. В труде «Детям моим. Воспоминанья прошлых дней» он писал, что его «единственной возлюбленной была Природа». Далее он называет объекты природы, которые были предметом его особой любви: «Любил он воздух, ветер, облака, родными ему были скалы, близкими к себе духовно ощущал минералы, особенно кристаллические, любил птиц, а больше всего растения и море» [6, с. 70].

Флоренский пытался видеть объекты в их взаимосвязи и зависимости от природы как целостного образования. Он чувствовал, что «минералы, различные природные явления, в особенности многие цвета, запахи и вкусы были пронизаны глубинной энергией природы...» [5, с. 89]. Но эта «энергия» не фиксировалась органами чувств, а потому истинное понимание природы может дать только наука. Эту возможность науки Флоренский видел в том, что «научное познание устанавливает общность, где ее раньше не было видно, разыскивает промежуточные явления между крайностями, мостит мосты для перехода через дотолу непроходимые бездны, вообще смазывает четкую раздельность мира, притупляет пафос различия» [6, с. 87].

Но все вышесказанное не означает принижение Флоренским чувственного восприятия природы. Он демонстрирует исключительную наблюдательность при общении с природой, при этом формулируя и некоторые теоретические выводы. Подтверждением сказанному могут быть его оценки природы Кавказа, где прошло его детство: «Кто не видывал собственными глазами лесов Черноморского побережья (Кавказа. – П. К.), и в особенности аджарских, тому трудно дать представление о преизбытке растительной жизни, делающей здешние заросли сплошным клубком сплетающихся между собой стволов, гибких стеблей, растительных плетей, веток. Растения тут громоздятся друг на друга; разные виды плюща снизу доверху обрастают стволы каштанов, ясенев, дубов, диких яблонь и груш и т. д.» [6, с. 108].

Раскрытие многообразия и единства растительного мира Аджарии продолжается Флоренским и далее. Особенно впечатляюще описывается «преизбыток» цветоносных растений, их «безмерное благоухание». Все это описывалось в 1923 г. в труде Вернадского «Биосфера» (1926) отмеченный переизбыток жизни выражается научными понятиями: «растекание жизни», «полнота жизни», «давление жизни», концепцией «геохимической энергии жизни в биосфере». Так независимо друг от друга эти мыслители сходным образом характеризовали природу.

П. А. Флоренский отмечал и то, что его переход к пониманию многообразия и единства природы произошел под влиянием постижения трудов Лапласа и Лайеля, Дарвина и Геккеля. Их воззрения на природу «заняли прочное место в его душе». Более того, «глубоко затаилось в душе восприятие мира как живого и духовного, вся естественная символика природы, все волнения, нравственные и нежные» [6, с. 165]. Эти представления не могла поколебать в нем даже церковь. Он признавался, что «догматические понятия церкви остаются на периферии» его сознания и мировоззрения, в то время как «глубокая душевная жизнь руководится материализмом, эволюционизмом и механизмом» [6, с. 165].

Несомненно, эти методологические установки формировались у него под влиянием естественнонаучных знаний о природе. В этой связи он вынужден был констатировать и то, что в его «душевной жизни образовалась трещина, начало возникать раздвоение, трещина стала шириться и впоследствии привела к большому кризису» [6, с. 165].

«Созвучность» и различие идей В. И. Вернадского и П. А. Флоренского относительно космизма

На наш взгляд, «раздвоение» и «расширение трещины» в мировоззрении Флоренского в значительной степени было связано с восприятием положений труда Вернадского «Биосфера». В 1929 г. в одном из писем Вернадскому он писал, что научная концепция биосферы в корне изменила его представления о Космосе. Для него стало ясным, что Космос «не ограничивается» пределами существующей биосферы. Ее бытие находится в тесной связи с бытием Солнца и другими объектами Космоса. А раскрытые Вернадским место и роль живого в структуре биосферы Флоренский считает «событием огромной важности в истории общественного сознания». Для него «явления жизни» стали «космической категорией» [1, с. 197]. Но Флоренский не только анализирует основные идеи Вернадского о биосфере, но и высказывает и свои оригинальные мысли относительно сущности живого, биосферы и ее эволюции.

Так, он обращает внимание на своеобразие явлений жизни, на недопустимость использования метафизического подхода к постижению сущности живого и выводимости явлений жизни из «наивных моделей механики». Биосферная выраженность жизни свидетельствует о коренном отличии живого от неживого. Он указывает на возможность практического использования знаний о строении и организации живого в промышленных технологиях, выражая уверенность и в том, что промышленность будущего «станет биопромышленностью», а физика и химия под влиянием биологии «будут перестроены». Предвидение русского космиста в наши дни стало реальностью. Биотехнологии становятся факторами научно-технического прогресса многих видов материального производства, а биология вошла в число лидеров современного естествознания. Современные процессы биологизации и экологизации смежных с биологией дисциплин есть реальное подтверждение их «перестройки».

П. А. Флоренский высказал и оригинальную мысль относительно роли духовного фактора в преобразовании «вещественных образований» биосферы в качественно новое состояние – пневмосферу. Он полагал возможным признать положение о «существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т. е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа» [1, с. 198]. Причем этот «круговорот» несводим к «общему круговороту жизни». Он обращал внимание и на «особую стойкость вещественных образований» биосферы, «проработанных духом», допускал наличие таких образований и в Космосе в виде «особой сферы вещества». Аналогом такого вещества он считал «предметы искусства».

В процитированных суждениях Флоренский демонстрирует свое понимание будущего биосферы. Он не принимает положений Вернадского о роли человечества и научного знания в эволюции биосферы в новое состояние, которое в конце 30-х гг. его учитель назвал ноосферой. Флоренский остается приверженцем той позиции, которую он изложил еще в 1917 г. в лекции под названием «Макрокосм и микрокосм». В ней не признается значимость научных истин, т. к. они «весьма недолговечны... и чрезвычайно субъективны» и могут применяться лишь в отдельных областях и ветвях дисциплин. Напротив, «истины и символы религии всечеловечны и всеисторичны, в основе своей вселенски понятны и вселенски же приемлемы, оставаясь устойчивою осью истории...» [3, с. 442]. Они не могут «сдуваться вихрями времени». Далее выража-

ется уверенность, что если изложенные им мысли «будут обоснованы на признаниях религии и поэзии, то навсегда этим мыслям обеспечена современность и всякая живая душа найдет в себе им отклик, тогда как обоснования естественно-зрительные уже лет через двадцать будут наивны и приблизительны, как смешная старомодная шляпа» [3, с. 442]. Такая судьба, по убеждению Флоренского, ожидает естественнонаучное знание.

У Флоренского «символом религии» выступает «дух». Именно он будет «вовлекать» все материальное биосферы, в том числе и живое, в свой «круговорот» и обеспечит становление качественно нового состояния биосферы – пневматосферы. Но это духовное образование. Практически в те же годы подобные мысли высказывал и видный французский ученый и теолог П. Тейяр де Шарден.

В. И. Вернадский не стал комментировать вышеизложенные мысли Флоренского о будущем биосферы. В ответном письме от 13 октября 1929 г. Вернадский пригласил его на свой доклад «Изучение явлений жизни и новая физика», с которым он выступал в Московском обществе испытателей природы 16 октября 1929 г. В письме выражалась и уверенность в том, что их беседа позволит «ослабить то противоречие, которое наблюдается между научным представлением о Космосе и философским или религиозным его постижением» [1, с. 199]. Нам неизвестно, имела ли место встреча и беседа этих мыслителей. Но доклад Вернадского был опубликован в виде статьи в 1933 г. Потом он неоднократно переиздавался под первоначальным названием.

В статье не только подтверждаются положения труда «Биосфера» о земном и космическом проявлении жизни: «Живое вещество создается и поддерживается на нашей планете космической энергией Солнца. Оно составляет на ней неразделимую часть земной коры – биосферы, неразрывную часть ее (организованности)» [7, с. 98]. В ней подчеркивается и возрастающая роль человека и его разума в изменении природных процессов, их ускорении: «С появлением на нашей планете одаренного разумом живого существа планета переходит в новую стадию своей истории» [7, с. 99]. Здесь еще не дается название этой «новой стадии». Только в конце 30-х гг. она получает название «ноосферы».

Идея «ослабления противоречия между научным и религиозным постижением Космоса» не могла не понравиться Флоренскому. Несколько позже в письме из Соловецкого лагеря сыну Кириллу от 8–17 февраля 1935 г. он писал о Вернадском: «Большинство мыслей, им высказанных, очень созвучны мне, я думаю о том же, хотя подходил с несколько иных отправных пунктов» [Цит. по: 8, с. 616]. В чем же конкретно проявляется «созвучие мыслей» Флоренского и Вернадского? Как следует понимать «иные отправные пункты» воззрений Флоренского?

Внук П. А. Флоренского доктор геолого-минералогических наук П. В. Флоренский данное «созвучие мыслей» видит в содержании понятия «пневматосфера». По его мнению, П. А. Флоренский «синтезировал в едином понятии свои религиозно-философские и естественно-научные воззрения» [8, с. 616]. С этим выводом можно согласиться только с учетом того, что естественнонаучные воззрения П. А. Флоренского были «своими», они не в полной мере «созвучны» биосферным идеям Вернадского, его космизму. Прежде всего это «несозвучие» касается трактовок биосферы. По Вернадскому, биосфера есть материальная, космоземная оболочка нашей планеты. У Флоренского биосфера «проработана духом», следовательно, в ней содержится и что-то нематериальное.

Для понимания сущности различий космических идей этих мыслителей следует воспроизвести, хотя бы кратко, становление и эволюцию их космизма. Так, космизм Вернадского стал формироваться в результате восприятия им религиозно-философских представлений Федорова и Соловьева, «космической поэзии» В. Брюсова и А. Блока, естественнонаучного космизма профессора Московского университета физика Н. А. Умова.

Космизм был условием и предпосылкой и его учения о биосфере и ноосфере. Более подробно обсуждаемая тема раскрывалась нами в специальной работе [9, с. 13–22].

Становление и эволюция космических воззрений Флоренского начинается с принятия им представлений о Космосе Федорова и Соловьева, продолжается через освоение биосферных идей Вернадского и завершается религиозной концепцией пневматосферы. В этом отношении он был прав, когда говорил только о «созвучии» своих космических воззрений с научно обоснованным космизмом Вернадского.

«Созвучие» идей учителя и ученика проявлялось не только в их воззрениях на биосферу и ее эволюцию, но и по другим проблемам. Так, в уже упоминавшейся статье внука Флоренского отмечается, что в архиве Вернадского имеется письмо Флоренского, направленное своему учителю, от 4 апреля 1936 г. В нем содержатся представления Флоренского о «значении асимметрических явлений в процессах, происходящих в биосфере, о пространстве – времени» в ней [8, с. 616]. В 1930-е гг. проблемы пространства и времени в неживой и живой природе, особенностей симметрии в них занимали внимание и Вернадского. Его суждения по этим вопросам отражались в соответствующих трудах ученого этого времени. В настоящее время они переизданы и составили основное содержание работы [7].

В. И. Вернадского и П. А. Флоренского объединяло и стремление постичь Истину, Добро и Красоту в окружающем их мире. Обосновываемые ими идеи космизма способствовали единению течений русского космизма в целостную концепцию и возвышению этого направления русской мысли. Но этот процесс в значительной мере определялся идеями и действиями Вернадского. Его учение о переходе биосферы в ноосферу – вершина естественнонаучного и философского творчества космиста. Ему удалось вскрыть космопланетарную роль научной мысли и труда человека как новой геологической силы, единство природных и социальных законов эволюции, возможности человека и человечества управлять природными и социальными процессами. Им выявлено единство и взаимосвязь традиционно обособленных течений в русском космизме. Его учение о биосфере и ноосфере есть конкретное выражение целостности русского космизма и основание космической идеи. Из всего сказанного становится понятным и то, почему он поддержал космическую идею своего ученика.

Переписка Вернадского с Флоренским велась с 1927 по 1935 г. Флоренский получал от Вернадского его печатные научные работы. Причем все это делалось и тогда, когда Флоренский находился в заключении. Он был одним из первых мыслителей, который видел глубину постижения земного и космического миров своим университетским профессором, поистине космическую выраженность его научного и философского творчества. В письме к своему сыну Кириллу от 29 января 1935 г., отправленному из Соловецкого лагеря, он писал: «Постарайся получить от Владимира Ивановича указания по работам, он единственный у нас ученый, мыслящий глубоко в области круговорота веществ в земной коре и один из самых глубоких натуралистов нашего времени в мировом масштабе» [1, с. 203].

К. П. Флоренский (1915–1982) с 1935 по 1942 г. являлся сотрудником Биогеохимической лаборатории АН СССР, которой руководил Вернадский. Переписку с ним учитель его отца вел даже тогда, когда Кирилл находился в действующей армии на фронте. К. П. Флоренский в 1960–70-е гг. провел большую работу по изданию рукописных трудов своего отца и Вернадского. В частности, он подготовил к изданию рукопись работы Вернадского «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», которая готовилась им в годы войны. В 1965 г. под редакцией К. П. Флоренского она была опубликована. Себя он называл «ближайшим учеником» Вернадского [10, с. 16]. Кирилл был и последним учеником Владимира Ивановича.

В. И. Вернадского и П. А. Флоренского разделяла солидная разница в возрасте (19 лет), положение в научном сообществе. По-разному они понимали и трактовали будущее биосферы. В основе их творчества были разные философские основания. Но имела место и общность их судьб в определенные периоды жизни. Так, в годы гражданской войны «Вернадский испытал нечеловеческие трудности, два раза стоял на грани жизни и смерти, большевики вели его на расстрел» [11, с. 74]. В начале 1926 г. Вернадский под личную гарантию безопасности, данную наркомом здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко, вернулся в СССР из Парижа, где с 1922 г. читал лекции в Сорбонне и вел научные исследования. Однако в 1933–34 гг. он вновь стал объектом внимания, но уже советских чекистов. Были арестованы и осуждены его ближайшие соратники (Б. Л. Личков и др.), которым приписывалась вина за участие в созданной Вернадским враждебной стране партии [12, с. 920–930].

П. А. Флоренский первый раз был арестован в 1928 г. и выслан в Нижний Новгород, но в том же году благодаря хлопотам Е. П. Пешковой был освобожден и возвратился в Москву. Здесь вновь продолжилась его работа в уже упоминавшемся институте. Второй раз он был арестован в 1933 г. и осужден на 10 лет заключения, а в 1937 г. расстрелян большевиками.

Заслуживает внимания и следующий факт, о котором пишет П. В. Флоренский. Оказывается, П. А. Флоренский писал письма Вернадскому «не непосредственно, а через свою жену и сыновей» – будущих геологов Василия Павловича и Кирилла Павловича [8, с. 616]. Видимо, так Вернадский ограждался от внимания чекистов. Подробно содержание переписки Вернадского с семьей Флоренского освещается в работе [13, с. 80–98].

Заключение

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что при перечислении тех областей знания, в развитие которых внес вклад П. А. Флоренский, следует говорить и о его причастности к обоснованию русского космизма. Он развивал религиозно-философские воззрения на сущность космизма. Тем самым было продемонстрировано, что и в XX в. это течение русской мысли может обогащаться воззрениями мыслителей, придерживавшихся разных философских оснований. Об этом следует говорить и студентам в процессе преподавания им различных гуманитарных дисциплин, и прежде всего философских.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Переписка В. И. Вернадского и П. А. Флоренского // Новый мир. – 1989. – № 2. – С. 194–203.
2. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – 490 с.
3. Флоренский, П. А. Сочинения : в 4 т. / П. А. Флоренский. – М. : Мысль, 1991. – Т. 3. – 621 с.
4. Карако, П. С. Природа и нравственность / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2013. – 244 с.
5. Флоренский, П. А. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / П. А. Флоренский. – М. : Мысль, 2004. – 685 с.
6. Флоренский, П. Детям моим. Воспоминания. Из Соловецких писем. Завещание / П. А. Флоренский. – М. : Моск. рабочий, 1992. – 560 с.
7. Вернадский, В. И. Труды по философии естествознания / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 2000. – 504 с.

8. Флоренский, П. В. Судьба двух идей / П. В. Флоренский // В. И. Вернадский: pro et contra : антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет / под ред. А. Л. Яншина. – СПб. : РХГИ, 2000. – С. 613–618.

9. Карако, П. С. Предпосылки и сущность космических воззрений В. И. Вернадского / П. С. Карако // Весн. МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітар. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2018. – № 1. – С. 13–22.

10. Флоренский, К. П. От редактора / К. П. Флоренский // Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 2001. – С. 13–17.

11. Назаров, А. Г. Космизм в идее ноосферы В. И. Вернадского / А. Г. Назаров // Вестн. Междунар. Акад. наук (Рус. секция). – 2008. – № 1. – С. 73–76.

12. Аншин, Ф. Д. «Российская национальная партия» – зловещая выдумка советских чекистов / Ф. Д. Аншин, В. М. Алпатов // Вестн. РАН. – 1994. – № 10. – С. 920–930.

13. Переписка В. И. Вернадского с семьей Флоренских // Вопр. истории естествознания и техники. – 1988. – № 1. – С. 80–98.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.12.2019

Karako P. S. Pavel Florensky as the Representative of Religious and Philosophical Movement of Russian Cosmism

In this article we reveal the features of ideas of Pavel Florensky on Nature, biosphere of the Earth and their cosmic manifestation. The religious obsession of his cosmism. The role of cosmic ideas of Vladimir Vernadsky on the formation of Florensky's cosmism is emphasized. Attention is drawn to the similarities and differences of spiritual searches of these thinkers. It is concluded that Florensky was involved in the religious and philosophical movement of Russian cosmism.

УДК 608.1:111

А. А. Заздравнов¹, О. И. Заздравнова²¹д-р мед. наук, проф. каф. общей практики – семейной медицины и внутренних болезней
Харьковского национального медицинского университета²д-р филос. наук, проф. каф. философии, исторических и социальных дисциплин
Харьковского национального аграрного университета
e-mail: Turisst@meta.ua**CREDO А. ШВЕЙЦЕРА: АПОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ
В ПРИКЛАДНОЙ БИОЭТИКЕ БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ**

Рассмотрены этико-философские аспекты онтологического феномена Credo. Показана инновационность эоцентрического Credo А. Швейцера – благоговения перед жизнью – в сравнении с антропоцентрическими мировоззренческими принципами предшествующих философов и мыслителей. Жизнь, согласно А. Швейцера, является подарком природы, и все живое развивается по природным законам. Человеческий разум своим появлением обязан этим же законам и не вправе противостоять им. В этике благоговения перед жизнью человек, как и всякое живое существо, – самодовлеющая целостность. Но при этом уникальность человека не отрицает того, что все виды живой природы равноценны по своей сущности: жизнь каждого растения и животного неповторима и уникальна. Биоэтика благоговения перед жизнью является актуальной этической концепцией и задает программу жизни индивида в форме его непосредственных действий как представителя человеческого рода, осознающего свою связь с флорой и фауной планеты.

Credo – исповедание, символ веры, к которому приходит далеко не каждый человек, а лишь способный подняться на уровень рефлексивного знания относительно смысла своего бытия и назначения. Из этого следует, что абсолютное большинство людей не испытывают необходимости в Credo, позволяя себе довольствоваться здравым смыслом и интуицией в выборе вариантов поведения в многосложных жизненных коллизиях. Именно на этой основе формируется и закрепляется иллюзия человеческой свободы в выборе поступков и чувство самоудовлетворения как умение беззаботно жить. Предметы природы представляются завершенными, а деятельность человека имеет целью избирательное включение их в повседневный обиход. При этом универсум природы сужается до пределов непосредственных компонентов хозяйственной жизни. И в этих границах человек – хозяин положения, он чувствует себя раскованно, уверенно осуществляет жизненный цикл своих функций.

Анналы человеческой истории отнюдь не изобилуют именами тех, кто оказался в состоянии вырваться из-под гнета повседневных забот и перестал ощущать себя только элементом хозяйственного механизма. Именно этим людям суждено обретать чувство человеческого достоинства и подтверждать его своими поступками, открывая тем самым высокое назначение человека и смысл его бытия. Их символ веры, Credo, базируется на различных основаниях, но вектор у них один – духовный рост индивида в практике добродетельной жизни. Credo Сократа (469–399 гг. до н. э.) «Познай самого себя» сопрягается с естественной тягой индивида овладеть искусством добродетельной жизни. Credo Эпикура (342–270 гг. до н. э.) «Обратись к себе самому, особенно если ты вынужден жить в толпе» призывает индивида «освободиться раз и навсегда из тюрьмы наших житейских забот и от политики». В своем Credo «Верую, потому что абсурдно» К. С. Тертуллиан (160–220) настоятельно рекомендует верующему индивиду избегать искусов светской культуры, превращающей человека в суетного искателя богатства и славы, а обратиться к вере как к кладезю сокровенных истин относительно смысла человеческого бытия и назначения человека. Императивную природу Credo предельно четко обозначает М. Лютер (1483–1546): «На том стою и не могу иначе». И вдруг среди

этих антропоцентрических по сути своей девизов ярко вспыхивает совершенно иное, принципиально отличное от них эоцентрическое Credo А. Швейцера (1875–1965): «Я жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая тоже хочет жить» [1, с. 217].

Феномен Credo онтологичен постольку, поскольку отражает пути выживания человека и человечества в современном мире в условиях антропологического кризиса. Сегодня прослеживается тенденция девальвации настоящего в угоду будущему, действия опережают мысль. Ценить сущее – означает признание за ним определенной ценности, как ценности бытия жизни. Сущее образует фундамент будущего, комплекс исходящих начал, на котором только и возможно воспроизводство жизни. В этическом отношении это означает осознание индивидуальной ответственности перед будущими поколениями людей и природой. И Credo А. Швейцера как нельзя лучше отражает понимание этой ответственности.

Рассмотрим Credo А. Швейцера, опираясь на его личные воспоминания и размышления. А. Швейцер родился «в период духовного упадка человечества». Своей эпохе он ставит «медицински точный диагноз»: она обречена на гибель уже потому, что в ней деградированы этические ценности. В этом нет ничего странного и исключительного: «В юности человек впервые сталкивается с глобальными вопросами человеческого бытия, на которые мучительно искали ответа его предки и которые с фатальной неизбежностью возникают перед его потомками: “Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?”». “И особую эмоциональную окраску для молодых людей приобретают размышления над триадой: “Кто я? Для чего я? Куда мне идти?”. Каждый человек отвечает на эти “вечные” вопросы по-разному. Но ориентирами в его размышлениях, как правило, является система идеологических ценностей того общества, к которому он принадлежит, и той эпохи, в которой он живет. Он может разделять господствующие идеи своего времени, может отвергать их, но полностью абстрагироваться от них ему не дано» [2, с. 232].

Отношение людей к этим вопросам отнюдь не однозначно. Большая часть человечества, погруженная в ежедневные заботы относительно физического выживания, не испытывает особого желания задумываться над подобными вопросами, считая их безобидной блажью, нелепой причудой отдельных индивидов, настоятельно рекомендуя им «выкинуть блажь из головы» и заняться «делом». А. Швейцеру повезло: с самого детства его ближайшее окружение настоящим, достойным человека делом считало не рутинную физическую или канцелярскую работу, а именно труд – «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [3, с. 436]. Труд – это процесс, составляющий содержание всей человеческой истории: труд создал, создает и будет создавать человека. Этический ригоризм протестантизма, способствуя формированию таких черт личности, как трудолюбие, честность, доброжелательность, образует благоприятную среду для выявления и развития внутренних способностей и потенций молодого А. Швейцера.

Блестящий гастролирующий органист, музыковед, глубокий теолог, оригинальный философ, врач, организатор медицинской службы в экстремальных условиях, лауреат Нобелевской премии мира... Список можно продолжать. Но это будет позже. А в молодости А. Швейцер задается поиском того критерия, который, будучи положенным в основу шкалы человеческих ценностей, способствовал бы облагораживанию человека, насыщению духовностью всего жизненного процесса. Реальная «польза» духовности начинает рассматриваться им в ключе обеспечения индивида полной свободой принятия жизненно важных решений безотносительно к сложившимся жизненным обстоятельствам. К последним А. Швейцер относит, прежде всего, такие, которые касаются проблем смысла и назначения человеческого существования, идеалов и целей бытия индивида. Другими словами, констатирующая индивида духовность презентуется

ему как представителю человеческого рода, который может свободно распоряжаться своей судьбой в плане быть или не быть человеком. Отсюда установка на ответственное отношение к жизни и принятие решений, способствующих естественной коэволюции живых организмов. Универсум внешней среды вовлекается во внутренний мир индивида, благодаря чему реализуется самоидентичность человека, его свобода во всех жизненных ситуациях. А. Швейцер отмечает, что «пронзительность» экологических проблем, увеличивающийся разрыв между социально значимым и социально сущностным усложняет жизнь человека. Ставится под сомнение однозначность позитивной оценки его способности преобразовывать окружающий мир в направлении, благоприятном для собственного существования и эволюции. Отсюда исходит настоятельная необходимость пересмотра моральных качеств индивида и выдвижение на первый план таких компонентов, как долг, ответственность, взвешенность, мудрость, способность адекватно понимать и оценивать окружающую реальность.

А. Швейцер приходит к выводу, что в жизненно важных ситуациях позиция индивида определяется не столько материальными условиями его жизнедеятельности, сколько уже сложившимися духовно-нравственными установками. Именно их индивид нередко чисто интуитивно самостоятельно выбирает как наивысшие человеческие ценности, возводя в статус критериев и норм собственного поведения, пропуская «через моральное сито» каждый свой поступок. Уникальность каждого индивида порождает массу вариантов оценки событий и мотивации поступков. В этой связи вопиюще аморальным видится лозунг тоталитарного общества: «У нас незаменимых людей нет». Напротив, современная наука и общественная практика утверждают: «Нет двух людей одинаковых, как нет двух одинаковых лиц. Про лица это все знают. Но наследственность каждого человека, его генотип – это тоже “лицо”, только проявляется оно в ходе развития человека. Неодинаковость генотипов, неодинаковость наследственных задатков и их комбинаций – это принципиальный факт, на котором основывается принцип неисчерпаемого наследственного разнообразия человечества» [4, с. 20].

Смысл человеческой жизни, согласно А. Швейцеру, изначально, с рождением не задается. Он приобретается в процессе человеческого осуществления жизни и познается в процессе ее осмысления. Человеческая жизнь сама по себе не обладает никаким смыслом, кроме того, какой сознательно или стихийно придает ей индивид способами своего бытия. Сам индивид распоряжается смысловым содержанием жизни: он может наделить ее своим человеческим смыслом, а может и отнять его, ввергаясь в бессмысленное существование – прозябание. Позволим себе привести цитату из научно-фантастического романа: «Значительную часть своей жизни он прожил, как и большинство других, *не замечая ее*. Даже поиски в космосе не часто наполняли его душу *благоговением* (курсив наш. – А. З., О. З.). А между тем, как удивительна жизнь, вся ее совокупность!» [5, с. 109].

Жизнь в понимании А. Швейцера – это подарок природы, и все живое развивается по природным законам. Человеческий разум своим появлением обязан этим же законам, а потому он не вправе «вставать в позу» перед законами природы. Когда человек преобразует мир «под себя», бесконечно стремясь к повышению материальной комфортности жизни, то, по большому счету, это мир изменяет сам себя при помощи нашего разума. Важно осознать, что человек не властелин мира, а его порождение. Явное заблуждение творцов этических систем в том и состоит, что они преследуют цель подчинить мир разуму, когда на самом деле разум изначально подчинен миру: мир изменяет себя при посредстве разума. Жизнь, считает А. Швейцер, самая большая ценность. Только она дает миру смысл. Она священна, ее надо беречь. Каждая форма жизни поддерживает другую. Более того, некоторые формы дополняют друг друга. Кто знает, какие возможности кроются в них. Поможем одной – будут развиваться другие.

В диалектико-материалистической философии жизнь определяется как «форма существования материи, закономерно возникающая при определенных условиях в процессе ее развития» [6, с. 186]. Развернутое определение жизни в русле этой философии принадлежит Ф. Энгельсу: «Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования состоит, по своему существу, в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел» [7, с. 82]. Из этого адепты марксизма заключают, что наивысшей формой живого на Земле является человек, способный не только противостоять природе, но и поставить ее себе на службу. Сугубо физиологический подход к пониманию жизни в какой-то мере уравнивает все живое. Но в данном случае напрочь отсутствует основание благоговения низшего перед высшим. Благоговение, по А. Швейцеру, не может быть внешне обусловленным, оно спонтанно, но до поры до времени не проявляет себя среди естественных состояний человека, таких как бодрствование, сон, сновидения, грезы.

Этическое учение А. Швейцера в своей основе исходит из факта целесообразной организации мира, высшим проявлением и подтверждением которой является наличие разнообразных формобразований. Специфика природных явлений, их разнообразие и совершенство демонстрируют глубинные связи и взаимоотношения в ритмике бытийных процессов. Человеческая деятельность целесообразна постольку, поскольку следует ритмам природы. В этом случае достоинством человека становится признание целесообразности Универсума – исчерпывающего мысленного отображения единства и целостности мира. Оно становится возможным только тогда, когда человек начинает осознавать собственные цели, т. е. на уровне рефлексивного сознания обнаруживать в природных явлениях «человекообразные» связи и отношения. Признание наличия цели в эволюции Универсума служит обоснованию единства человека и природы, единства, которое обнаруживает человек как субъект, осознающий целевые векторы собственной эволюции. Природная целесообразность являет себя только человеку, уже включившему теорию и практику целеполагания в содержание своей жизнедеятельности.

Целесообразная сущность природы свидетельствует о ценности бытия как такового. Из факта признания целесообразности в онтологической структуре мира следует и признание нравственной ответственности человека. Человек как высший результат целенаправленных «трудов» природы должен прийти на помощь, а не быть ее разрушителем. Сущее, преходящее, мелькающее в ритмике природных процессов становится предметом личной ответственности. В силу того что эта ритмика задает основные ориентиры человеческой жизнедеятельности, то именно преходящее вызывает у человека чувство благоговения, ибо им определяется ценность самого бытия. Ценить сущее означает признавать за ним особую ценность как ценность бытия жизни. Недаром А. Швейцер свой основной труд назвал «Благоговение перед жизнью».

В этике благоговения перед жизнью имплицитно присутствует установка персонализма относительно понимания реальности как множества одухотворенных существ, связанных в гармоничную целостность. При этом каждое существо проявляет себя как фундаментальный принцип бытия, в котором волевая активность связывается с непрерывностью существования, т. е. с жизнью. Эта установка явно не укладывается в русле традиционного научного знания, рассматривающего человека как часть природы или общества, только как особое биологическое существо или как атом социального бытия. Для А. Швейцера человек, как и всякое живое существо, – самодовлеющая целостность, индивид, утверждающий свою уникальность путем трансгрессивности, т. е. стремления к преодолению установленных границ, норм и правил. Но при этом мыслитель настаивает: вышеозначенная уникальность человека не может служить основанием для того, чтобы не признавать, что все виды живой природы равноценны по своей внутренней сущности; жизнь каждого растения и животного неповторима и уникальна, все они

дети одной матери – Земли. На этом и зиждется жизненное кредо философа – благоговение перед жизнью, которое он выразил в словах: «Я жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая тоже хочет жить» [1, с. 217]. Глубоко биоэтическое Credo А. Швейцера ориентирует человечество на осознание глубокого и естественного родства всех форм-образований земной жизни.

Credo А. Швейцера, обнаруженное в начале XX в., не укладывалось в рамки эпохи интенсивного освоения природной среды и острых социальных катаклизмов, потрясших мир в первой половине прошлого века. Сегодня в постиндустриальном обществе Credo А. Швейцера не перестает быть актуальным. Информационные технологии вознесли западную цивилизацию на небывалые высоты, но вместе с тем еще более увеличили разрыв со странами третьего мира, превратив их из сырьевых приделков в мировые свалки. Появилась новая форма международных экономических отношений – экспорт отходов. Не нужно быть экономистом, чтобы догадаться, откуда и куда идет данный «товар». Миллионы тонн списанной электроники из развитых стран ежегодно оседают в Гане, Нигерии, Индии. Сформировался эколого-географический парадокс: в реки Европы и Северной Америки возвращается атлантический лосось, а побережье Гвинейского и Бенгальского заливов завалены миллионами тонн пластика. Налицо успешно реализуемая попытка жить в «отдельно взятой» природе. А как же быть с другой жизнью, которая тоже хочет жить?

Социальные связи – внешний элемент человеческой природы. Индивидуальность – субстанциональная сущность человека, которая раскрывается в специфическом сочетании внутренних стремлений, склонностей, желаний. Обретение своего Credo А. Швейцером оценивается как нелегкий путь: «Тревога, волнение и горе временами отпускались мне в таком избытке, что, не будь мои нервы так крепки, я давно был бы раздавлен их тяжестью» [8, с. 349].

Credo А. Швейцера позволяет обходиться минимальным количеством установочных принципов, дабы избегать вероятных конфликтов между ними и облегчить разработку программы морального преобразования социума. Новизна и специфика этики благоговения перед жизнью состоят в том, что она преодолевает не только классовые, национальные и религиозные расхождения, но и антропоцентризм, ориентируясь как на общечеловеческие, так и на общие жизненные ценности, единые для человека и природы. Доминанта человеческих потребностей утрачивает свой статус. Солидарность человека и природы означает, что человеческие потребности перестают быть доминантными, доминирующим становится моральный фактор постольку, поскольку природа входит в пространство моральных ценностей.

А. Швейцер обращает внимание на внутренние моральные барьеры в социуме, которые запрещают ряд человеческих действий по отношению к природе. Человеческая деятельность оправдана лишь в том случае, когда осуществляется с учетом реакции природной среды на вносимые изменения. В первую очередь она не должна приводить к нарушению кругооборота веществ и природных циклов, а должна вписываться в законы функционирования каждого элемента флоры и фауны. Это становится возможным только в случае утверждения равноценности всех форм жизни, несмотря на явные расхождения в структурных элементах и уровнях их организации.

Моральный долг перед природой лежит на человеке. Принцип морального долга человека у Д. Андреева возводится в статус важнейшего атрибута: «На стадиях ниже человека и даже на ранних стадиях человечества этот принцип еще не был осознан; теперь же его можно формулировать с точностью уже довольно значительного приближения. Вот эта формула: начиная со ступени человека, долг существа по отношению к нижестоящим возрастает по мере восхождения его по дальнейшим ступеням» [9, с. 99]. Этим самым снимается противоречие в дискуссионном вопросе о равноценности всего

живого в силу уникальной внутренней целостности каждого существа. «Устанавливая наперед заданные различия в ценности между различными видами жизни, мы, в конечном счете, судим о них по тому, больше или меньше то расстояние, которое, как нам кажется, отделяет эти виды от нас, человеческих существ. Но это чисто субъективный критерий» [8, с. 341].

Пересмотр моральных качеств современного человека связан с выдвиганием на первый план таких компонентов, как ответственность, долг, мудрость, взвешенность, способность понимать и оценивать окружающую реальность. Здесь будет весьма уместным, как нам представляется, процитировать самого А. Швейцера: «Если ограничить область этического отношением человека к человеку, то все попытки прийти к основному принципу нравственного с абсолютно обязательным содержанием заранее обречены на неудачу... Если действительно существует основной принцип нравственного, то он не может не касаться отношения человека к жизни как таковой во всех ее проявлениях» [1, с. 148].

Осознание социальной ответственности индивида формируется в двух разнопорядковых актах сознания – выборе поступка согласно разумному основанию и выборе самого этого основания. И если первый акт сознания вполне может быть замкнут на рациональных (для данного времени и данного общества) формах освоения окружающей действительности, то второй предполагает известную самостоятельность индивидов в выборе ориентиров, которые далеко не всегда вписываются в рамки рациональности. Именно во втором случае весьма важно не скатиться на позиции личного произвола, безотносительного к требованиям общественной нравственности. А. Швейцер уповает на то, что осознание индивидом своей принадлежности к человеческому роду инициирует его к поступкам, одобряемым с позиций общественного интереса. И индивид берет на себя, по сути дела добровольно, две обязанности: во-первых, ответственность за возможное нарушение норм морали в сфере субъективной воли, а во-вторых, ответственность за возможное нарушение предписанной социальной нравственности. Таким образом, социальная ответственность индивида – это не внешний фактор его жизнедеятельности, а необходимое условие бытия социума. При этом, считает А. Швейцер, социальные связи и отношения представляют весьма важный, но при этом лишь внешний элемент человеческой природы. Индивидуальность же – субстанциональная сущность человека, которая раскрывается в специфическом сочетании внутренних стремлений, склонностей, желаний. Он пишет: «К этике относится переживание всех состояний и всех побуждений воли к жизни, ее желания, ее страсти полностью проявить себя в жизни, ее стремления к самосовершенствованию» [1, с. 218].

Конкретное содержание социальной ответственности индивида позволяет констатировать ее атрибутивный статус по трем основаниям.

Во-первых, уже на эмпирическом уровне социальная ответственность индивида демонстрирует свое наличное существование в виде как реальной, так и потенциальной ценности для каждого индивида и для всего социума.

Во-вторых, она выступает как важный фактор интеграции индивидов на основе постоянной координации своих интересов с интересами коллектива, общества, социума.

В-третьих, социальная ответственность локализована внутри общего потока социальной эволюции, представляя ее необходимую предпосылку. Для самого индивида, проникнутого чувством личной ответственности, вполне подходит универсальный императив: «Поступай всегда согласно максиме, исходя из которой ты мог бы предвидеть, что последствия будут приемлемы для всего сущего».

Биоэтика благоговения перед жизнью задает программу жизни индивида в форме его непосредственных действий как представителя человеческого рода, осознающего свою связь и зависимость от флоры и фауны планеты. А. Швейцер своим творчеством

и практической реализацией продемонстрировал жизнеспособность биоэтической модели благоговения перед жизнью и показал, что будущее мира зависит от уникальных человеческих личностей, ориентированных на торжество духовности. Ему открылись, как говорил в таких случаях Г. Честертон, Радость Служения и Благодать Труда в его многолетней подвижнической деятельности [10, с. 184].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью : пер с нем. / А. Швейцер ; под ред. А. А. Гусейнова и М. Г. Селезнева. – М. : Прогресс, 1992. – 576 с.
2. Голубкин, Ю. А. Из любви к истине / Ю. А. Голубкин // Лютер, М. Время молчания прошло : избранные произведения 1520–1526 / М. Лютер ; пер. с нем., ист. очерк, коммент. Ю. А. Голубкина. – Харьков : Око, 1992. – 352 с.
3. Энгельс, Ф. Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – 1955–1981. – Т. 20. – 1961. – С. 343–628.
4. Эфроимсон, В. П. На что надеемся, или Нужно ли растить гениев? / В. П. Эфроимсон, Е. А. Изюмова // Квинтэссенция : филос. альм. / сост. В. И. Мудрагей, В. И. Усанов. – М. : Политиздат, 1990. – 447 с.
5. Чед, О. Ветер времени : пер. с англ. / О. Чед // Фантастика, Приключения : сб. науч.-фантаст. произведений. – Ташкент : Изд-во лит. и искусства, 1989. – 336 с.
6. Философский энциклопедический словарь. – М. : Совет. Энцикл., 1983. – 840 с.
7. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – 1955–1981. – Т. 20. – 1961. – С. 3–340.
8. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью как основа этики миро- и жизнеутверждения / А. Швейцер // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности : сб. – М. : Прогресс, 1990. – 495 с.
9. Андреев, Д. Роза мира. Метафилософия истории / Д. Андреев. – М. : Русико, 1991. – 288 с.
10. Честертон, Г. К. Вечный человек / Г. К. Честертон ; пер. И. Косинского. – Чикаго : Slavic Gospel Press, 1989. – 280 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.02.2020

Zazdravnov A. A., Zazdravnova O. I. A. Schweitzer's Credo: An Apology of Individuality in the Applied Bioethics of Reverence for Life

Ethical and philosophical aspects of the ontological phenomenon of the Credo are considered in the article. The innovation of the ecocentric A. Schweitzer's Credo (Reverence for Life) is shown in comparison with the anthropocentric worldview principles of previous philosophers. Life, according to A. Schweitzer, is a gift of nature, and all living things develop according to natural laws. The human mind appeared as a result of these laws and has no right to oppose them. Human, like any living creature, is a self-sufficient integrity in the ethical model of Reverence for Life. The uniqueness of man does not deny that all kinds of wildlife are equal in essence: the life of each plant and animal is unique. The bioethics of Reverence for Life is an actual ethical concept. It forms the life program of an individual in the form of his direct actions as a representative of the human race, which is aware of its inextricable connection with the flora and fauna of the Earth.

УДК 130.3

Р. А. Смирнова*д-р филос. наук, доц., гл. науч. сотрудник
Института экономики НАН Беларуси
e-mail: smirnovasoc@yandex.ru***ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ
(ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

Предложен философский подход к интерпретации социализации, понимаемой не только как приспособление индивида к среде, адаптация к окружающим, но в большей степени как духовное становление его как личности, как социального субъекта, способного изменять себя и обстоятельства, т. е. саморазвиваться. На примерах исследования процесса формирования личностных качеств учеными обосновывается мысль, что такие фундаментальные факторы, как труд в коллективе, приобщенность к организационным формам деятельности на предприятии, общение и вся система отношений и связей, в которые включен человек, выступают не просто в качестве объекта непосредственной адаптации к ним, а как сфера формирования личностных качеств и самосознания.

Формирование личностных качеств социологи связывают с процессом социализации личности. При этом под социализацией понимается процесс адаптации человека в социуме, выработка способов формирования умений и социальных установок индивида, соответствующих социальным ролям, продолжающаяся всю жизнь под влиянием группового опыта. Выделяются этапы, формы, агенты социализации, но для социологического анализа присуще рассмотрение процесса влияния среды на человека, где делается акцент на усвоении норм и правил социальной жизни. Человек в этом ракурсе представляется пластичным объектом формирования со стороны окружающих: родителей, воспитателей, педагогов (на ранней стадии социализации), коллектива и референтной группы – на поздней стадии.

В отличие от социологического понимания социализации личности философский подход акцентирует внимание не только на приспособлении индивида к среде, адаптации к окружающим, но и на сложной работе над собой в процессе всей жизненной биографии, духовного становления его как личности, как социального субъекта, способного изменять себя и обстоятельства, т. е. саморазвиваться. Саморазвитие с точки зрения философии – это не просто следование выученным нормам и правилам. Это трудный этап самостроительства путем проб и ошибок, падений и душевного подъема, отчаяния и оптимизма, надежд и разочарований, любви и ненависти. Социализация как становление индивида как личности, его духовный рост не происходят путем приспособления и усвоения нужных ролей и получения желаемых статусов. Социализация есть результат его жизни со всеми трудностями и сложностями, встречающимися на пути самостроительства и формирования ценностных ориентаций. На наш взгляд, только такое понимание социализации личности может выявить сложности и проблемы, возникающие в процессе ее формирования, дать ответ на активно обсуждаемую в литературе проблему роли первичной и вторичной социализации в формировании ценностных установок личности.

В мировой науке процесс формирования ценностных ориентаций личности рассматривается с разных сторон. Значимое место занимает проблема возможности ранней и поздней социализации. Однако мнения ученых зачастую резко расходятся. В этом можно убедиться на примере анализа дискуссии философа Рена Лахмана с Инкельсом и Смитом [1]. В работе «Изменение и развитие основных и вторичных личностных ценностей рабочих промышленных предприятий» Р. Лахман дискутирует с интерпретацией данных, полученных Инкельсом и Смитом в 1974 г. Инкельс и Смит, изучая

процесс социализации промышленных рабочих развивающихся стран, пришли к выводу, что система современного промышленного предприятия создает новых людей, формирует новые личностные свойства [1, с. 566–580]. Лахман стоит на противоположной позиции, утверждая, что ранняя социализация влияет на изменение основных ценностных ориентаций, а поздняя – на изменение второстепенных (так называет их автор). А т. к. промышленное предприятие рассматривается как фактор поздней социализации, то предполагается, что влияние его на процесс социализации личности ничтожно мало и не затрагивает основных ценностных ориентаций. Философ пишет: «Модернизирующее влияние на ценностные ориентации, осуществляемые на ранних стадиях жизни, отличается от влияния на позднем этапе. В ранний период социализации основные ценности личности изменяются, а в поздней – не изменяются. Второстепенные ценности менее устойчивы к изменениям и поэтому менее стабильны, могут подвергнуться воздействию поздней социализации, современной по своей природе» [1, с. 566].

Проанализируем, в чем, по мнению Лахмана, заключается суть различных результатов, полученных Инкельсом и Смитом. Инкельс и Смит считают, что в любой период жизни, и особенно в начальном и среднем периоде зрелости, с людьми происходят вполне значительные перемены, а некоторые из них настолько глубоки, что их можно квалифицировать как радикальные изменения личности. Однако они отмечают, что такое изменение личности происходит не само по себе, а лишь в исключительных случаях, при определенных обстоятельствах. Внезапное столкновение с новым социальным контекстом может вызвать существенные изменения духовного мира личности. Согласно их концепции, такими обстоятельствами в развивающихся странах может быть развитие промышленности, которое способно изменить ориентации работающих на промышленных предприятиях.

Лахман же, предполагая, что ранняя и поздняя социализация вызывает изменения личности на разных уровнях, считает, что «в раннем детстве изменяются сами свойства личности (или способы поведения), в то время как на поздних стадиях жизни изменяются их представления, в особенности изменяются отношения и мнения. Эти два уровня следует считать основными (сердцевидными) и второстепенными (периферийными) свойствами системы ценностей, и эту концептуальную схему следует применять к исследованию перемен на индивидуальном уровне» [1, с. 575]. В качестве основных свойств личности (свойства, способы поведения) в теории Лахмана выступают общие умственные процессы: повышенная познавательная гибкость, готовность к новым опытам и их восприимчивость; личностные свойства: чувство собственного достоинства, властность или чувствительность; социальные ценности: способность к политической ориентации и участию в политике, степень автономности личности по отношению к традиционным источникам влияния и т. д. (показателями явились отцовское воспитание, образование, этничность, религиозность, степень урбанизма). Второстепенные свойства личности выступают в виде представлений, проявлений, мнений.

Эксперимент по выявлению влияния на ценностные ориентации различных факторов, в том числе факта работы на промышленном предприятии, проводился на фабричных рабочих (экспериментальные группы) и на земледельцах и городских рабочих, не занятых в промышленности (две контрольные группы). Интервьюировались и анкетировались мужчины от 18 до 32 лет. Показателями поздней социализации выступают: трудовой опыт, подверженность средствам массовой информации, урбанизм – количество лет, прожитых в городе, и количество опыта городской жизни.

Учитывая различия основных и второстепенных духовных ценностей в разных странах, Лахман для оценки духовных особенностей каждой из них (их четыре: Аргентина, Индия, Израиль, Чили) отбирал жюри – «судей» (экспертов), рожденных в этой стране. Для этого, как правило, приглашались студенты, обучающиеся в зарубежных

універсітэтах – індыйскія і аргенцінскія ў амерыканскіх універсітэтах, ізраільскія і чільійскія – ў універсітэтах Ізраіля. В выніку працы «судей» была разрабавана шкала цэннасцей, выбраных судзьямі ў якасць асноўных і вторасценных. Крытэрыем для такога адбору была прынята важнасць тых ці іншых цэннасцей і адношэнняў для людзей.

Апрацоўка даных, згодна Лахману, пацвердзіла яго мысль аб тым, што «поздняя сацыялізацыя не аказвае незалежнага ўплыву на асноўныя цэннасці. Відзімае ўплыванне поздняй сацыялізацыі аказваецца опасрэдаваным ўплываннем ранняй сацыялізацыі. Ранняя сацыялізацыя аказвае непасрэднае ўплыванне на развіццё як асноўных, так і вторасценных цэннасцей. Поздняя сацыялізацыя не аказвае ніякага ўплыву на змяненне асноўных цэннасцей і аказвае вельмі невялікае незалежнае ўплыванне на змяненне вторасценных цэннасцей» [1, с. 575]. А ўтверджэнне аб тым, лічыць Лахман, што асновополагаючыя сацыяльныя змяненні асобы праходзяць пад ўплывам сацыяльных працэсаў ў зрелы перыяд жыцця (Інкельс і Сміт), не пацвердзілася.

Учыны ўравае вывад, што атрыманыя вынікі сведчаць аб дыферэнцыраваным ўплыве працэсаў ранняй і поздняй сацыялізацыі на змяненне асноўных і вторасценных цэннасцных арыентацый, а таксама зніжаюць ступень важнасці ўплыву прамысловага прадпрыемства як фактара поздняй сацыялізацыі. Па яго меру, «памешчэнне рабочых, у якіх адсутнічае неабходная цэннасцная арыентацыя, ў сярэду сучаснай і складанай арганізацыі, якой з'яўляецца найноўшае прамысловае прадпрыемства, можа даць у выніку адчуждэнне такіх рабочых, а не іх далейшае сацыяльнае развіццё» [1, с. 578].

Конечна жэ, і ў гэтым Лахман прав: сам па сабе труд на фабрыцы ці заводзе без канкрэтнага аналізу сацыяльных адношэнняў, спосаба прадукцыі, сацыяльна-політычнай арыентацыі развіваючайся краіны, яе культурнага ўзрўня, рэлігіі і т. п. застаецца абстрактным паняццём і не можа быць паказателем росту асобы. Паэтым неабходна ўчытываць асабнасці ўзрўня эканамічнага развіцця развіваючыхся краінаў, складанасць сацыяльна-эканамічных адношэнняў іменна тых краінаў, якія сталі аб'ектам існавання Лахмана. Развіваючыся краіны, прадставленыя ў існаванні, неаднародны і сутэсна адрываюцца як па эканамічным, так і па сацыокультурным паказателем.

І ўвоўне, існаванне працэса сацыялізацыі прамысловага рабочага ў ходзе трудовай дэятельнасці ўзможна ліш пры ўчыце асноўных сацыяльных і культурных сувязей, ў якія ён ўключен. Т. к. адны і тэ жэ ўзрўні тэхнікі і тэхналогіі аказываюць разлічнае сацыяльнае ўздэяванне на рабочага ў рамках разлічных аўбшчэстваных сістэм, то аналіз асноўных сацыяльных сувязей, ў якія «пагружаецца» рабочы прамыславых прадпрыемстваў развіваючыхся краінаў, пазволіт выявіць асабнасці палажэння рабочага і яго міравоззренческую і сацыяльна-псіхалогіческую эвалюцыю.

Аднако ўжэ на ўзрўне выбара аб'екта існавання Лахман, не отрицаю сацыяльную дыферэнцыацыю расмаатрываемаў краінаў, не дае садрыватэльнага аналізу іх асабнасцей, ўчытываючага ўсю савакупнасць аўбшчэстваных адношэнняў. Неабходнасць садрыватэльнага аналізу існаваных працэсаў трыбае ўчыта сістэмы сацыяльных сувязей на ўсіх ўзрўнях: на ўзрўне краіны, горада, прамысловага прадпрыемства, сям'і, рэлігіі, обычаев і т. д. В гэтым случае неабходна ўчытываць якасвеннае разлічце форм сацыяльнасці, прысушых краінам с доіндустрывальным, капіталістычэскім і посткапіталістычэскім ўкладом.

Лахман аналізавал цэннасцныя арыентацыі рабочых разлічных прадпрыемстваў: і тых, якія ўключают 50 чалавек, і тых, дэ рабають большэ 1 000 рабочых, прадпрыемстваў ў малых горадах і ў горадах – прамыславых цэнтрах краіны. К сажаленню,

в исследовании ценностных ориентаций рабочих эти различия не учитываются. Но очевидно, что на предприятиях, в которых работает 50–100 человек, и особенно в малых городах, преобладает технология доиндустриального и раннеиндустриального типа. Труд здесь зачастую напоминает скорее простую кооперацию, чем мануфактуру. «По своему содержанию, – пишут Л. А. Гордон и А. К. Назимова, – работа здесь отличается консервативностью... в большинстве случаев имеет индивидуальный характер, коллективность проявляется, главным образом, в “артельной” организации» [2, с. 39].

Для рабочих таких предприятий характерны невысокая квалификация и культура, а также низкие условия производства и техники, им не свойственно развитое чувство ответственности, причастности к производству, автоматизм дисциплины. Что касается социально-политических качеств, то они в целом общественно пассивны, мало ориентированы на активность и инициативу в трудовой деятельности, больше зависят от религиозных, традиционных, этнических влияний, находятся под властью массового сознания, которое в развивающихся странах чрезвычайно противоречиво и сложно. Что касается рабочих больших городов и крупных предприятий, то они заняты в современном технически и технологически оснащенном производстве, где вся окружающая их среда, условия жизни способствуют тяге к более высокому уровню образованности, профессионализма. Жизненный опыт, интересы, потребности, моральные ценности связаны с трудовой деятельностью на предприятии. Работа на предприятии и жизнь в крупном городе с развитыми наукой и культурой меняют в корне традиционное мышление, уклад жизни, политические взгляды рабочих.

Промышленные рабочие малых городов и с малым количеством рабочих работают в условиях низкого уровня технической оснащенности, не требующих высокого профессионализма, ответственности, дисциплины. Эти факторы формируют иные социальные связи на предприятии, в быту, не предоставляют возможностей для повышения профессионального и культурного уровня рабочих.

Но даже в большом городе и на крупном предприятии состав рабочих неоднороден. Необходимо иметь в виду, что в отличие от индустриальных государств в большинстве развивающихся стран урбанизация предшествует индустриализации и вызывается не строительством заводов и фабрик, а по преимуществу аграрным перенаселением, голодом и недоеданием, надеждами найти работу и т. д. Если в странах Западной Европы, США и других высокоразвитых государствах города растут ввысь и вглубь, то в Латинской Америке, Азии и Африке они распространяются вширь, за счет районов трущоб, где живет от 20 до 50 % населения, которое так же, как и коренные горожане, пополняет своей рабочей силой промышленные предприятия. О моральных ценностях таких рабочих можно судить по высказыванию кенийского ученого Д. Мбити: «Этот внезапный отрыв от земли, с которой африканцы сращены мистическими связями, перенос в ситуацию, где прежнее корпоративное существование утрачивает свой смысл, породили обесчелоченных индивидов в шахтах, на фабриках и в городах. В этих переменах индивиды отсекаются от коллективистской морали, обычаев, от традиционной солидарности. Их вырывают с корнем, но не пересаживают на новую почву, позволяя им парить в воздухе. Они продолжают свое индивидуальное существование, но умирают для прежнего мира своих предков. Перемены наступают слишком внезапно, ввергая человека в потемки, к которым он совершенно не готов» [Цит. по: 5, с. 83–84].

Таким образом, на двух уровнях социальных связей – на уровне способа производства, присущего данной стране, и на уровне связей, определяющих место человека внутри социальной, профессиональной группы, – в исследовании Лахмана содержательный анализ не представлен. Как же учитывает философ многообразие связей и отношений на уровне микросреды, обуславливающей особенности личности и ее мировоззрение? Основными факторами, определяющими микросреду человека, Лахман назы-

вает отцовское воспитание, образование, домашнее поведение родителей и др., их же он считает показателями ранней социализации. Необходимо обратить внимание, что перечень представленных Лахманом факторов, определяющих социализацию личности, раскрывает процесс становления человека в индивидуально-психологическом, а не в личностном плане, что ведет к абсолютизации раннего детства. Психологические условия раннего детства, естественно, оставляют свой отпечаток на самосознании ребенка, но ребенку еще предстоит долгий путь превращения из индивида в личность. Путь приобретения им социальных качеств происходит на основе возникающих у него ценностных ориентаций, которые в дошкольном возрасте, да и позднее, присутствуют у ребенка не только в незаконченной, но и в неразвитой форме. Поэтому придание Лахманом самодовлеющего значения в формировании основных личностных качеств факторам первичной социализации, взятым в отрыве от социальных, является неоправданным.

В статье представлена социально не дифференцированная картина самосознания рабочих развивающихся стран. Автор недооценивает общественные отношения на макроуровне. Показательны в данном случае результаты исследований американской молодежи 1950–80-х гг. Общая тенденция американской молодежи 50-х гг. ничем не напоминала возникшего позже стремления отвернуться от мира взрослой жизни. Напротив, молодежь тех лет стремилась к взрослости, которая обещала принести независимость; для этого поколения будущее не таило в себе неясности и бессмысленности. Устремленность в будущее была характерной чертой мировосприятия молодых людей.

Мировосприятие молодежи двадцатью годами позже (когда социально-экономический кризис в обществе резко обострился) разительно отличается от соответствующих представлений сверстников 50-х гг. От былого оптимизма не осталось и следа. Представления американских юношей о себе в будущем окрашены мрачным пессимизмом. Причина пессимистических настроений – растущий страх остаться без работы, тем самым и безо всякой жизненной перспективы: «Многие молодые люди, попавшие в число безработных, говорят, что перестают ощущать свою индивидуальность. Им кажется, что все смотрят на них с пренебрежением, что они ни на что уже не способны. Не имея занятия, лишаются главной составляющей социальной идентичности, все их ожидания оказываются обманутыми и стремительно девальвируются» [3, с. 213].

Исследование американского ученого показало, насколько реальности общественной жизни не только ставят под угрозу профессиональное самоопределение молодежи, но и деформируют мировоззрение личности, т. е. так называемые основные свойства системы ценностей (повышенная познавательная гибкость, чувство собственного достоинства, властность, уверенность в себе, способность к участию к политике, творчеству), которые Лахман считает неизменными на протяжении всего жизненного пути личности.

В какой мере неизменно такое свойство личности, как «повышенная познавательная гибкость», показал еще в 30-е гг. XX в. на богатейшем экспериментальном материале психологических исследований советский психолог А. Р. Лурия [4]. Особенно интересно, что материал был собран автором в 1931–1932 гг., когда многие народы, в частности население Средней Азии, переживали период перестройки, связанный с ликвидацией неграмотности, переходом к новым формам хозяйства, с коренным переустройством всей жизни людей. Автор провел уникальное исследование того, как новые формы практической деятельности и общения приводят не только к расширению кругозора, но и к коренным изменениям структуры познавательных процессов. Лурия установил, что характерные особенности исторически складывающихся форм психической жизни человека заключаются в том, что соотношение этих форм с действительностью все больше зависит от сложных видов общественной практики, опосредуется системой орудий, с помощью которых человек воздействует на среду, и вещей, которые являются

продуктом жизни прежних поколений и в окружении которых формируется психика человека. Особое значение в этом процессе имеет та система языка, в которую «погружен» человек. «Именно в условиях сложных видов общественной практики, считает автор, создаются новые мотивы деятельности, появляются новые задачи, новые способы активного отражения действительности» [4, с. 20].

Лурия проводил исследование на нескольких группах населения, из которых фактически ни одна не получила сколько-нибудь высокого образования, тем не менее они существенно отличались одна от другой и по характеру практической деятельности и способу общения, и по культурному кругозору:

1) женщины-ичкари, живущие в отдаленных кишлаках, неграмотные и не вовлеченные в какую бы то ни было общественную жизнь;

2) дехкане (крестьяне) отдаленных кишлаков, продолжающие вести индивидуальное хозяйство, не вовлеченные в общественные формы труда и неграмотные;

3) женщины – слушательницы кратковременных курсов, готовивших воспитательниц детских садов (в своей массе они оставались малограмотными);

4) представители колхозного актива и молодежи, прошедшей кратковременные курсы (они вели активную работу в колхозе в качестве председателей, членов правления колхозов и бригадиров, имели достаточный опыт в планировании хозяйства, распределении труда, общались с другими членами колхозов, и кругозор их был значительно шире, чем кругозор дехкан-единоличников, однако их школьное образование было кратковременным – многие из них оставались еще малограмотными);

5) студентки, принятые в педагогический техникум (после 2–3-летнего пребывания в школе шли на курсы: образовательный ценз их был относительно невысок).

Только у последних трех групп населения имелись условия для коренных психологических сдвигов: появились новые, прежде не существовавшие мотивы деятельности, формы приобщения к культуре и овладения теми средствами культуры (граммоты, знаний), которые раньше были им чужды; возникли ранее не существовавшие формы отношений, которые с переходом к новым формам хозяйства вносили в жизнь человека новые ценности, которые становились базой для поиска своего жизненного пути и личностного самостроительства.

Исследования А. Р. Лурии показали, что даже относительно простые процессы восприятия цветовых оттенков (опыты с клубками шерсти) и геометрических форм в значительной степени зависят от характера практики субъекта и его культурного уровня. У испытуемых первых двух групп еще обнаруживается явное преобладание тех форм отражения действительности, которые вытекают из непосредственной наглядно-действенной практики, в то время как у остальных испытуемых обнаруживаются более сложные, опосредованные формы психической деятельности. Опыт с такими познавательными процедурами, как способность к абстракциям и обобщениям, умозаключениям и выводу, рассуждению, решению задач и воображению, показали, что они являются не неизменными «свойствами ума», а результатом личностного роста. При этом исследователь замечает, что «переход от наглядно-действенных форм обобщения к отвлеченным, категориальным происходит легко, что даже кратковременное обучение и активная работа в коллективном хозяйстве, приводящая к организованному общению с людьми, к совместным обсуждениям хозяйственных вопросов и участию в общественной жизни, вносят коренные изменения в способы мышления, делают доступными теоретические операции, прежде не входившие в практику людей и поэтому им недоступные» [4, с. 88].

Но Лурия не останавливается на изучении исторического развития познавательных процессов, его интересуют также гораздо более фундаментальные сдвиги человеческого самосознания, заключающиеся в создании систем, способных отражать

не только внешнюю действительность, но и мир социальных отношений, а в конечном счете собственный внутренний мир, сформированный в отношении к другим людям. Речь идет о мировоззрении и возможностях его формирования и развития. Психолог считает, что особую, решающую роль для развития самосознания играют «коллективные формы деятельности, занимающие ведущее место и принимающие форму осознанных, плановых отношений при переходе к коллективным формам хозяйства: совместное планирование, обсуждение эффективности работы бригад, оценка эффективности своего труда и т. п. Роль коллективного хозяйства в формировании самосознания можно назвать одним из фундаментальных факторов, которые отчетливо выступили в нашем исследовании» [4, с. 151].

Исследование Лурии показало, что если деятельность организуется так, что «подключает» человека к разным видам общественных отношений – производственным, гражданским, социальным, политическим и т. д., тогда она служит делу развития личности. Но если она организована таким образом, что отгораживает человека от тех или иных общественных отношений, она тормозит его развитие. При этом система отношений и связей, в которые включен человек, выступает не просто как объект непосредственной адаптации к ней, а как сфера формирования личностного самосознания. Лишь в процессе самосознания и самооценки человек начинает действовать осознанно, он активно включается в систему социальной жизнедеятельности, осознает причины, сущность и последствия этой деятельности. Так формируется целостная система реального мировоззрения, включающая не только навыки, установки, но и знания, убеждения, ценности, мнения и т. д., система, лишь во всей своей целостности и единстве детерминирующая творческие проявления человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lachman, R. Modernity change of Core and Periphery Values of Factory Workers / R. Lachman // Human Relationess. – 1983. – Vol. 36, № 6. – P. 566–580.
2. Гордон, Л. А. Технический прогресс и социальное развитие рабочего класса / Л. А. Гордон, А. К. Назимова // Вопр. философии. – 1984. – № 7. – С. 39.
3. Бернс, Р. Развитие Я-концепция и воспитание / Р. Бернс. – М. : Прогресс, 1986. – С. 213.
4. Лурия, А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов / А. Р. Лурия. – М. : Наука, 1974. – 172 с.
5. Ерасов, В. С. Массовое сознание в развивающихся странах : содержание и динамика сдвигов / В. С. Ерасов // Вопр. философии. – 1981. – № 9. – С. 83–84.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.03.2020

Smirnova R. A. Factors of Formation of Personal Qualities (Philosophical Analysis)

The author suggests a philosophical approach to understanding socialization, which is understood not only as an individual's adaptation to the environment and to others, but his spiritual development as a person, who becomes a social subject that can change it self and circumstances. On the examples of studies of personal qualities formation by the American and Russian scientists the author substantiates the idea that fundamental factors such as work in team, inclusion in the organizational forms of activity at the enterprise, communication and the whole system of relationships and connections enable people to act not just as the object of a direct adaptation, but as a sphere of formation of personal qualities and self-awareness.

УДК 14:378

А. В. Климович¹, С. А. Жук²¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²магистрант каф. всеобщей истории

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

e-mail: ¹ksisa@yandex.by; ²sergej.zhuk.98@mail.ru**ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВИВШИЕ ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ
«КОНЦА ИСТОРИИ» Ф. ФУКУЯМЫ**

Осуществлена типологизация групп факторов, оказавших определяющее воздействие на концепцию «конца истории» (философская идея о возможности конца истории; процессы и события середины 1970-х – начала 1990-х гг.; процесс модернизации и научно-технологический прогресс). «Конец истории» определяется как триумф идеи свободы во всемирно-историческом процессе в либерально-гегельянском понимании.

И единственно рискуя жизнью, можно получить свободу.

Только таким образом проверяется и доказывается, что природа самосознания по сути своей не есть всего лишь форма существования, не есть всего лишь непосредственная форма, в которой оно впервые является.

Г. Гегель

Жизнь можно отдать только за свободу.

Это единственный вариант не отдать ее ни за что.

А. Камю

Введение

В 2019 г. исполнилось 30 лет с момента публикации статьи Ф. Фукуямы, которая была напечатана в специализированном журнале «National interest» [1, с. 134]. Статья имела эффект взрыва парадигмы: она была переведена на многие языки, в том числе и на русский, была опубликована в журнале «Вопросы философии» в 1990 г.; на статью были написаны сотни рецензий, в которых критиковались как постулирование проблемы, так и пути ее решения; также было опубликовано несколько книг, в которых детально анализировалась философская и методологическая позиция Ф. Фукуямы. Более подробно свои взгляды философ изложил в книге «Конец истории и последний человек» [2]. Но несмотря на ряд расхождений в обосновании необходимости и неизбежности наступления «конца истории», предложенных в этих публикациях, представляется возможным рассматривать их как единый взгляд на природу, специфику и закономерности всемирно-исторического процесса. Так, в статье «Конец истории?» Ф. Фукуяма рассматривает процесс достижения конца истории исключительно с философских и методологических позиций Г. Гегеля и его комментатора А. Кожева. В этой книге Фукуяма обращается к закономерностям развития политических систем, науки, экономики, к этике трудовых отношений, а также к культуре потребления. Однако именно человек как субъект всемирно-исторического процесса, «криейтор» его смыслов находится в центре внимания философа: тимос, жажда признания, а значит и стремление к свободе первичны по отношению к политическому, экономическому, социальному и культурно-духовному развитию. Таким образом, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. воззрения Ф. Фукуямы на философию истории и социальную философию не претерпели значительных трансформаций.

С другой стороны, неоднозначность восприятия в научной среде «конца истории», провозглашенного Ф. Фукуямой, значительная зависимость многочисленных критиков и оппонентов философа от собственных философских и методологических позиций привела к парадоксальной ситуации в научном дискурсе: концепция «конца истории» живет в независимом от системы взглядов автора мире. Фактически «конец истории» в научном дискурсе стал идеологемой и мифологемой, и предлагаемой в качестве знамени «цивилизации свободы», и низвергаемой с философского пьедестала как символ имперской парадигмы Запада. Следовательно, происходит как минимум смешение Фукуямы-философа и Фукуямы-политика и идеолога геостратегии США, что четко проявляется в российском научном дискурсе, в котором ученый довольно часто именуется одним из идеологов униполярного мира [3, с. 128, 129, 132; 4, с. 203–205; 5, с. 145, 147]. Мы можем соглашаться или не соглашаться с выводами, к которым пришел Ф. Фукуяма, однако необходимо понять условия и причины, которые привели его к провозглашению конца истории. Это позволит более полно и системно рассматривать его философию в контексте социогуманитарного знания в целом. Таким образом, целью статьи является характеристика основных групп факторов, оказавших влияние на формирование концепции «конца истории» Ф. Фукуямы. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) охарактеризовать воздействие идеи «конца истории» на формирование философского мировоззрения Ф. Фукуямы;
- 2) оценить конструкт «конец истории» Фукуямы в контексте геополитических трансформаций середины 1970-х – начала 1990-х гг.;
- 3) проанализировать видение Фукуямой процессов научно-технического и модернизационного развития как основу его аргументации наступления «конца истории».

Влияние философской идеи о «конце истории» на взгляды Ф. Фукуямы

Идея конца истории неразрывно связана с попытками построения модели универсальной истории, которая своими корнями восходит к христианской историософии, а именно к работам Аврелия Августина и ряда других богословов, творивших в парадигме неоплатонической традиции. Основной особенностью универсальной истории является попытка найти общую закономерность в развитии человеческих обществ, и для этого могут отбрасываться наименее важные факты, события, персоналии, которые не укладываются в предложенную модель развития всемирно-исторического процесса. Другими словами, универсальная история – это не история универсума, а поиск наиболее общих смыслов и идей истории. Для христианской историософии всемирно-исторический процесс безусловно телеологичен. В христианской интерпретации универсальной истории вся мировая история провиденциальна, ее смыслом и назначением является подготовка к Страшному суду [6]. Идеи Аврелия Августина были развиты и дополнены Фомой Аквинским, который отмечал, что в «конце истории» будет создана такая форма государства, где все будут счастливы и не будет неравенства. Очевидно, что это общество «радости в Боге». Христианская модель универсальной истории в значительной степени повлияла на концепции философии истории И. Канта и Г. Гегеля. Кант сформулировал задачу по написанию универсальной истории, которая была реализована Гегелем. Г. Гегель не верил, будто исторический процесс будет продолжаться бесконечно, а считал, что этот процесс придет к концу с установлением свободных обществ в реальном мире [7, с. 145]. И если для «раннего Гегеля» периода «Феноменологии Духа» идеал свободного общества – конституционная монархия по примеру наполеоновской Франции, то для «позднего Гегеля» – Пруссия Гогенцоллернов, что позволило не единожды обвинить философа в идеологическом обосновании «немецкого национализма» и прусского «помещичье-юнкерского строя». Однако философ говорит все же не о конце,

а о результате и смысле истории. Конечно, немецкий мыслитель не утверждал, что прекратится поток событий, связанных с рождениями, смертями, общественной деятельностью человечества или что будет достигнут предел фактических знаний о мире. Причем Гегель считал, что весь всемирно-исторический процесс – это воплощение Абсолютного духа [8, с. 8]. Народы являются его носителями, каждый из них выполняет свою функцию в истории (успешно или нет). И именно философия Гегеля стала той основой, на которой Ф. Фукуяма строил свой вариант «конца истории».

Ф. Фукуяма в целом принимал аргументацию процесса перехода к истории в понимании К. Маркса (формирование коммунистического общества) и окончания «предыстории», однако утверждал, что не коммунизм, а либеральная демократия является концом истории. Именно либерально-демократический строй общества позволяет наиболее эффективно обеспечивать потребности человека в материальных и духовных благах, максимально (до разумных пределов) гомогенизирует общество, создает общество среднего класса, не позволяет функционировать таким институтам как партократия.

Нельзя не упомянуть о «сценарии» конца истории, предложенном В. Соловьевым: история ведет скорее к отрицательному концу – к образованию всемирной империи, извращенному образу теократии, во главе которой стоит Антихрист. Внешне она будет совершенной, лишь немногие не подчинятся господству Антихриста [9, с. 124–130]. Но данный подход к пониманию конца истории не был известен Ф. Фукуяме, как и вся русская религиозная философия рубежа XIX и XX вв.

Фукуяма не мог не знать о концепциях «конца истории», которые разрабатывались в постмодернистской философии, в частности о видении постистории Ж. Бодрийяром. Так почему же Фукуяма выбрал именно гегельянство и либерально-демократическое понимание конца истории? Очевидно, философ не мог оперировать христианским пониманием конца истории ввиду своих убеждений, сформировавшихся как в либеральной христианской среде (отец был протестантским богословом), так и в силу полученного образования в ведущих вузах США и Франции. Фукуяме глубоко чуждо понимание конца истории Аврелия Августина и Фомы Аквинского; не являются близкими для него и неотомизм с тейярдизмом. Будучи глубоко светским западным человеком, Фукуяма не может принимать категорию Бога в качестве универсального референта в процессе построения собственной концепции. Поэтому можно с уверенностью сказать, что «точка Омега» бесконечно далека от американского философа.

Постмодернистская философия также не смогла стать методологической основой концепции конца истории Ф. Фукуямы. Будучи хорошо знакомым с основными работами и самими представителями постмодернизма, Ф. Фукуяма, однако, не мог согласиться с рядом положений этой философии, в частности, ему глубоко чужда идея о делигитимизации и десакрализации идеалов модерна (в том числе о конце великих нарративов), таких как прогресс, истина, порядок, технонаука и др. Провозглашенный Ф. Фукуямой «конец истории», на наш взгляд, является примером великого нарратива, великого мифа, не обращенного в прошлое, настоящее или будущее, а вневременного и внепространственного. Исходя из этого, для американского философа является чуждой идея о восприятии мира как текста, сложной семиотической системы: дискурс состоит из дискурса, понятие – из понятий, знак – из знаков. Вместе с тем Ф. Фукуяма в своих работах в той или иной степени реализует важный постмодернистский принцип ризомы, который у него сводится к тем или иным формам индетерминизма, опыту построения нелинейных структур развития всемирно-исторического процесса, например метафора каравана.

Постмодернистская философия, разработанные в ней модели конца истории (например, концепция постистории Ж. Бодрийяра) противоречат пониманию конца истории Фукуямой в таких важнейших аспектах, как осмысление категории свободы: в постмодернизме следует говорить о смерти свободы, которая заменяется массивом

знаков, текстов, симулякров и симуляции, формирующих гиперреальность, которая, подобно «призраку» Ж. Деррида, ни существует, ни не существует; для Фукуямы же свобода – важнейшая категория, весь всемирно-исторический процесс может рассматриваться как обретение человечеством истинной свободы, во имя которой строятся и разрушаются империи, создаются религиозно-этические учения, гибнут на эшафотах и в печах крематориев люди, строятся и разрушаются стены, подобно Берлинской, ставятся памятники героям и тиранам. Ф. Фукуяма соглашается со многими выводами Г. Гегеля о всемирно-историческом процессе как обретении человеком свободы. На Востоке свободен только один, в античной цивилизации свободными являются лишь некоторые, и только в германо-христианском мире свобода осознается как неотъемлемое достояние всех. Фукуяма согласен с первым и вторым положением, однако для него царство Свободы – это не конституционная монархия, а либеральная демократия, именно в ней и только в ней человек может реализовать свой потенциал. И если для Гегеля смысл и результат истории – битва при Йене (1806), когда армия Наполеона (образ грядущего мира) разбила прусские войска (образ уходящего мира), то для Фукуямы – это 1989 г. Фукуяма считает, что конец истории в гегельянском понимании возможен, только с той разницей, что смысл всемирно-исторического процесса заключается не в воплощении Абсолютного Духа (в том числе и в наилучшей форме правления), а в полной и окончательной победе либеральной демократии в качестве единственной магистральной альтернативы развития мира. Также необходимо отметить, что американский философ подчеркивает огромное значение «духа 1776 г.» и «духа 1789 г.» в достижении конца истории: именно тогда была сформулирована и реализована в рамках политической практики идея построения либеральной демократии. Однако философ не идет по пути А. Кожева и не называет все дальнейшие процессы «подчисткой арьергардов» [10, с. 41].

К сожалению, Ф. Фукуяма не изложил систематически своих взглядов на историю XIX – первой половины XX в., однако его методологические и философские подходы дают возможность сделать вывод, что процесс утверждения идеи либеральной демократии не был простым. Она распространилась в XIX в. по Западной Европе и Северной Америке и к началу XX в. была готова продолжить свое триумфальное шествие, однако в результате Первой мировой войны не только возник кризис идеи либеральной демократии, но и произошло формирование глобальных вызовов либеральной демократии – фашизма и коммунизма. Следовательно, XX в. – это не арьергардные бои истории, а великое противостояние за «конец истории».

Вместе с тем Ф. Фукуяма делает еще один акцент на жажде признания, идее, восходящей к Платону, которая диалектически связана с идеей свободы. И если мы будем рассматривать «конец истории» в качестве универсального референта, то события 1776 г. и события 1789 г. можно считать эпифанией, а события 1989 г. – явлением Бога миру «во славе своей».

Однако почему Ф. Фукуяма выбрал именно континентальную философскую традицию? Ведь в англо-саксонской политической философии значительное место уделяется вопросам демократии, либерализма, идеальных форм правления. Напомним, что именно идеи английских философов XVII в. Дж. Локка и Т. Гоббса легли в основу построения американской государственности. Признавая их роль в аргументации и обосновании либеральной демократии, Ф. Фукуяма отдает предпочтение гегельянству. Представляется, что такой выбор связан со следующими причинами.

1. Широкая известность идей английских философов в научном дискурсе, что предопределило основательное осмысление их идей и, в свою очередь, не давало серьезных возможностей для оригинальных трактовок и интерпретаций их философских и политических взглядов.

2. Рациональная и материалистическая методология англо-саксонской школы политической философии, не позволяющая корректно вводить такие конструкты, как «конец истории».

3. Технологическое восприятие англо-саксонской школой такой категории, как «свобода».

По определению Гоббса, любой человек, действиям которого не мешают физические ограничения, будет считаться «свободным». Но в тех пределах, в которых человек имеет физическую или животную природу, он не может быть рассматриваем иначе, как набор потребностей, инстинктов, желаний и страстей, взаимодействующих весьма сложным, но, в конечном счете, механическим образом, который и определяет поведение личности. Таким образом, голодный и промерзший человек, как пишет Фукуяма, разыскивающий пищу и кров для удовлетворения естественных потребностей, свободен не более чем медведь или даже камень: он просто более сложная машина, запрограммированная более сложным набором правил [2, с. 74]. И тот факт, что в своем поиске еды и крова он не встречает физических ограничений, создает лишь видимость, но не реальность свободы.

Ф. Фукуяма в конце 1980-х – начале 1990-х гг. заложил именно категорию свободы в основу построения концепции «конца истории». Англо-саксонское утилитарное и «технологическое» понимание свободы в общественном контексте, акцент на свободу человека экономического (например, в контексте взглядов Г. Саймона) слабо коррелировали с гегельянской философией. Либеральная демократия, конечно, может быть описана с помощью категорий либеральной экономики и либеральной политики и в рамках англо-саксонского подхода в политической философии, однако результат подобного осмысления – теория модернизации (теория модернизации утверждает, что промышленное развитие следует логически последовательной закономерности роста и в свое время создаст единообразные социальные и политические структуры, объединяющие разные культуры и страны). Ф. Фукуяма признает достаточный эвристический потенциал данной концепции (например, благодаря ей возможно объяснить высокую эмпирическую корреляцию между современным обществом и либеральной демократией). Однако без обращения к «человеческой» природе человека вся англо-саксонская политическая философия не может понять глубинных причин развития всемирно-исторического процесса. Ф. Фукуяма доказывает, что стремление к либеральной демократии заложено в природе человека, а значит, процесс достижения точки «конца истории» является обязательным для всех обществ. Концептом, связующим либеральную экономику и либеральную политику, является тимос и жажда признания, которые были обоснованы Платоном, Кантом, Гегелем, Кожевым. Тимос Платона и жажда признания Г. Гегеля, который считал, что именно такая жажда признания наряду со стремлением к свободе является двигателем истории, а это позволяет обосновывать «конец истории» с идеалистических позиций. Сам Ф. Фукуяма часто смешивает философские концепции Платона, Г. Гегеля, А. Кожева, что приводит к невероятной путанице. Поэтому в контексте социальной философии Ф. Фукуямы тимос и жажда признания являются категориями одного порядка.

Можно утверждать, что эффект новизны применения идеалистической философии в ее довольно радикальном варианте в англо-саксонской политической философии, а также глобальные геополитические трансформации конца середины 1970-х – начала 1990-х гг. предопределили успех провозглашения «конца истории».

Влияние глобальных событий, процессов и геополитических трансформаций середины 1970-х – начала 1990-х гг. на провозглашение Ф. Фукуямы конца истории

Любые исследования в области философии истории предполагают обращение к историческим процессам и событиям. Неслучайно Гегель провозгласил свой «конец истории» после битвы при Йене (1806) [7, с. 102]. Ф. Фукуяма, идя по стопам учителя, также привязывает провозглашение своего конца истории к глобальным геополитическим трансформациям. Американский философ считает, что «конец истории» возможен только тогда, когда альтернативы мирового развития, бросившие вызов либеральной демократии, повержены и более не являются угрозой, а также отсутствуют фундаментальные противоречия в самой победившей модели развития. Таким образом, завершается идейное развитие человечества, устанавливается последняя форма правления и наступает конец истории. И если фашистская альтернатива развития была ликвидирована силой оружия, то коммунистическая продолжала быть актуальной практически до конца существования СССР. Фашизм и коммунизм являются продуктами европейского модерна, которые восстали против своего родителя, стремились до неузнаваемости изменить облик Европы и мира. Фукуяма согласен с мнением, сложившимся в историографии, что фашизм является наиболее радикальной формой правой диктатуры, правой тоталитарной альтернативой глобального развития. Его уничтожение не отменило существования правых авторитарных режимов, как связанных с фашизмом (франкистская Испания, Португалия эпохи Салазара-Каэтану), так и не связанных с ним (например, правые военные диктатуры в Латинской Америке). Однако, как отмечает Ф. Фукуяма, правая авторитарная и тоталитарная альтернатива не может сформировать глобальной альтернативной повестки мирового развития [2, с. 47].

Для большинства европейских и американских интеллектуалов эпохи биполярного мира гегельянское понимание всемирно-исторического процесса казалось архаичным и не отвечающим требованиям современного для них мира. Подобную позицию можно свести к формуле «коммунизм – это всерьез и надолго», а значит, с ним придется жить не только нам, но и последующим поколениям. Следовательно, с Советской мир-империей необходимо вести диалог, поддерживать глобальный баланс сил: коммунизм можно ненавидеть, но с ним приходится считаться. Среди ученых, поддерживавшихся таких взглядов, стоит выделить основателей школы реализма в международных отношениях Дж. Кеннана и Г. Моргентау, представителей неореализма (К. Уолтц, Р. Арон и даже З. Бжезинский в 1970-е – начала 1980-х гг.). Вместе с тем в западной науке существовало мнение об идеологической выхолощенности СССР, который воспринимался прежде всего как геополитический субъект (именно геополитический субъект, а не идеологический противник), с которым ведется экзистенциальное противостояние. Так, и сам Ф. Фукуяма в докторской диссертации, посвященной советской геостратегии на Среднем Востоке в 1970-е гг., воспринимал СССР в качестве прежде всего геополитического субъекта, но тем не менее отмечал, что идеология играла важную роль в формировании и реализации геостратегии СССР [11]. Таким образом, Фукуяма считал вызовом либеральной демократии не столько коммунистическую идею Маркса, которая уже не была опасна для западного общества, сколько саму советскую мир-империю, фактически реально существующую модель марксизма, значительно отличавшуюся от интеллектуальных футурологических построений К. Маркса, В. Ленина, однако легитимизируемую и «освящаемую» их именами и социально-философскими учениями. СССР воплощал в себе идею коммунизма. В одном из интервью середины 2000-х гг. Фукуяма говорил, что «не будет «исламской современности», «западной современности», «китайской современности» [12]. СССР же, как виделось Ф. Фукуяме, создавал альтернативную модель современности и, соответственно, являлся препятствием триумфу либеральной демократии. Таким образом, не конвергенция мировых систем, а только

конец коммунистической идеи и ее геополитического воплощения мог стать основанием провозглашения конца истории.

Вместе с тем для провозглашения конца истории был необходим триумф либеральной демократии во всем мире, который заключался в следующем: в экономических и политических успехах стран либеральной демократии, процессах демократического транзита, кризисе советской мир-империи. Следует выделить такие процессы и события, которые оказали наибольшее влияние на воззрения Ф. Фукуямы и стали эмпирической основой аргументации провозглашения конца истории:

1. Процессы демократического транзита в странах Южной Европы, Латинской Америки, Азии, Африки начиная с середины 1970-х гг. Этот процесс, связанный с кризисом авторитаризма и коммунизма, в работах С. Хантингтона определяется как третья волна демократизации, которая характеризуется всеобъемлющим охватом, чередованием кризисов и периодов экономического роста, оказывающих непредсказуемое влияние на монополию власти авторитарного режима, спецификой культурной и региональной локализации [13, с. 42]. Для третьей волны характерно и то, что большинство молодых демократий так и не консолидировались, что способствовало появлению гибридных демократий. Ф. Фукуяма солидаризируется с мнением С. Хантингтона о природе процессов демократизации в этот период, однако отвергает теорию волн демократизации в целом. Первым примером перехода от правого авторитарного режима к демократическому стал демократический транзит в Португалии в 1974 г., который достиг своего пика в конце 1980-х гг. Также необходимо отметить, что одной из важных причин этих демократических революций стало стремление человека к свободе и жажде признания.

2. Уничтожение правой альтернативной магистрали глобального развития, причем как ее европейской, так и азиатской ветви. По мнению Ф. Фукуямы, наиболее важным является не столько уничтожение этой парадигмы, сколько успешная интеграция ее ядра в контекст либеральной демократии. Сложно не согласиться с тем, что ФРГ к 1980-м гг. являлась либеральной демократией. Япония также стала флагманом либеральной демократии в Азии, несмотря на ряд региональных и культурных особенностей. Тем не менее для Японии характерны основные признаки либерально-демократического строя. Даже несмотря на постоянное нахождение у власти ЛДПЯ, режим здесь остается демократическим, даже в рамках довольно критичного подхода процедурной демократии Й. Шумпетера. Таким образом, эти процессы позволили Ф. Фукуяме сделать вывод о возможности интеграции в либерально-демократическую парадигму обществ, имеющих культурную традицию, отличную от западной.

3. Форсированное развитие стран Азии в 1970-е – 1980-е гг. Оно привело к появлению такого феномена, как «азиатские тигры», и стало возможным только тогда, когда были созданы условия для развития рыночной экономики, причем они создавались именно авторитарными режимами, которые впоследствии совершили демократический транзит. Этот процесс захватил практически все азиатские страны, пожелавшие принять рыночные принципы и полностью влиться в глобальную капиталистическую экономическую систему. Успех этого мероприятия, как отмечает Фукуяма, дал понять, что бедная страна, не имеющая других ресурсов, кроме трудолюбивого населения, может к своей выгоде воспользоваться открытостью международной экономической системы [2, с. 267]. Многие из быстро развивающихся стран Восточной Азии, будучи экономически либеральными, не приняли призыва к политической либерализации. Однако в долгосрочной перспективе, по мнению Ф. Фукуямы, они не смогут сформировать альтернативную модель современности, более того, социальные и политические структуры и институты будут все больше сближаться с либерально-демократическими. Отсутствие реформ на Ближнем Востоке Ф. Фукуяма объясняет особым статусом региона как основной ресурсной базы Запада.

4. Экономические реформы в КНР. Они позволили говорить о расширении географического присутствия идеи либеральной демократии, хотя и в очень ограниченном количестве: «Но сила либеральной идеи не была бы столь впечатляющей, не затронула она величайшую и старейшую в Азии культуру – Китай» [1, с. 148]. Конечно, о либеральной демократии в понимании Ф. Фукуямы в КНР говорить нельзя, однако мягкий авторитаризм в условиях экономического роста и достижения развитой индустриальной или постиндустриальной стадии может трансформироваться в либеральную демократию. И даже события на площади Тяньаньмэнь не поколебали уверенность Ф. Фукуямы относительно конца истории. Несмотря на ужесточение режима, последовавшее после площади Тяньаньмэнь, китайское руководство согласилось с необходимостью рынков и децентрализации принятия экономических решений, а также тесной интеграции в систему мирового капиталистического разделения труда и проявило желание допустить большее социальное расслоение, сопровождающее возникновение технократической элиты. Отметим, что авторитарный режим может быть значительно более эффективным в экономической модернизации, чем либеральная демократия, однако именно последняя создает лучшие условия для экономического развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

5. Революции в Центральной и Восточной Европе. По мнению Ф. Фукуямы, именно революции в странах, которые являлись «витриной» советской мир-империи, говорят о дальнейшем воплощении идеи свободы во всемирно-историческом процессе. Этот триумф свободы стал результатом соревнования идеи либеральной демократии и коммунизма.

6. «Перестройка» в СССР. Ф. Фукуяма определял перспективы развития следующим образом: «Таким образом, Советский Союз находится на распутье: либо он вступит на дорогу, которую 45 лет назад избрала Западная Европа, либо, уверенный в собственной уникальности, застрянет на месте» [2, с. 303]. Однако, по мнению философа, выбор СССР не будет иметь значения для конца истории, т. к. либеральная идея уже победила. Для постисторического мира сделанный выбор будет иметь огромное значение, ведь, если учесть территорию и военную мощь Союза, он по-прежнему будет поглощать наше внимание, мешая осознанию того, что мы находимся уже по ту сторону истории.

Все вышеуказанные процессы и события явились эмпирическим обоснованием провозглашения конца истории Ф. Фукуямой. Наибольшее влияние оказали революции в Центральной и Восточной Европе (возвращение региона на путь либерально-демократического развития) и процессы демократизации и либерализации в СССР (поражение коммунистической альтернативы развития). Они стали триумфом либеральной демократии, символом победы идеи свободы. В статье 1989 г. основной причиной формирования и реализации на практике идеи либеральной демократии Ф. Фукуяма определял именно стремление к свободе. Тимос и жажда признания предопределили активизацию стремления к политическим и экономическим свободам. Но философ никогда категорично не заявлял о «конце истории», даже в работах конца 1980-х – начала 1990-х гг., всегда оставляя ряд возможностей для «перезапуска истории»: «Вполне возможно представить себе, что такие страны, как Перу или Филиппины, снова вернутся к диктатуре того или иного толка под давлением сокрушительных проблем, которые придется решать» [2, с. 106].

Вместе с тем события, связанные с ростом насилия, расширением локальных конфликтов, распространением радикальных идеологий и др., вынудили Ф. Фукуяму несколько «смягчить» конец истории. Среди них особенно стоит выделить рост национализма в СССР и затем на постсоветском пространстве (умеренный национализм воспринимается Фукуямой положительно и, по его мнению, позволяет более эффективно бороться с левой альтернативой глобального развития, однако радикальный национализм не может быть принят либерально-демократическим миром), акты геноцида

в бывшей СФРЮ, популяризацию идеологии радикального исламизма и международный терроризм. Таким образом, философ определяет две угрозы, которые необходимо ликвидировать либерально-демократическому миру: национализм и религиозный фундаментализм. Однако ни первое, ни второе явление не могут стать альтернативами постисторической цивилизации в силу невозможности сформировать глобальную и универсальную альтернативу развития.

Таким образом, осмысление процессов и событий середины 1970-х – начала 1990-х гг. стало той эмпирической базой, которая позволила Ф. Фукуяме на основе философских и методологических позиций гегельянства провозгласить конец истории. Впрочем, философ делает вывод, что победу одержала не столько либеральная практика, сколько либеральная идея. Иными словами, для очень большой части нашего мира не существует идеологии с претензией на универсальность, которая могла бы бросить вызов либеральной демократии, и универсального принципа легитимности иного, нежели суверенитет народа. В этих событиях философ определяет ключевой составляющей именно стремление к свободе, а не экономические, культурные или политические причины. Стремление к свободе, проявляемое в тимосе, в борьбе за жажду признания, а главное, примеры их реализации в общественном, политическом и культурном развитии позволили философу говорить о триумфе либеральной демократии.

Видение Фукуямой процессов научно-технического и модернизационного развития как основа его аргументации наступления «конца истории»

В 1989 г. в статье «Конец истории?» Фукуяма аргументировал конец истории исключительно с позиций идеализма, что создавало дополнительные возможности для критики его позиции. Однако уже в книге «Конец истории и последний человек» (1992) философ расширяет содержательное поле аргументации и обращается к закономерностям социально-экономического и научного развития.

Научный метод, открывший дорогу европейскому модерну и индустриальному обществу, создал условия для актуализации категорий равенства и свободы. Научный метод на первом этапе стал предварительным условием для индустриализации, которая порождает, в свою очередь, такие социальные явления, как урбанизация, бюрократизация, ломка широких семейных и племенных связей и рост уровня образованности, а на втором этапе стал самостоятельным фактором развития. По мнению философа, господство современной науки над человеческой жизнью вряд ли можно обратить вспять при каких-либо предвидимых обстоятельствах, даже самых экстремальных. Поэтому неслучайно одну из глав книги Ф. Фукуяма назвал «Победа видеомэгнофона» [2, с. 198]. Научно-технический прогресс позволяет создавать условия для того, чтобы население жило по максимально высоким стандартам жизни, является довольно значительным «искусшением» для исторического мира.

Но Ф. Фукуяма отмечает, что сам по себе научный метод и технология нейтральна и не способствуют достижению либо отсрочке или отмене конца истории. И. де Сола Пул (Ithiel de Sola Pool), с которым соглашается Ф. Фукуяма, относительно роли и места научно-технологического прогресса в становлении (прежде всего, в процессе демократического транзита, выражаясь категориальным аппаратом С. Хантингтона) либеральной демократии говорит, что результаты научно-технологического прогресса в виде распространенных технологий оказали значительное влияние на ускорение процессов демократического транзита и укрепление институтов гражданского общества. Эти технологии автор называет «технологиями свободы», т. к. их внедрение создает условия для демократических преобразований [14, с. 6, 8]. Наиболее характерный пример для современного мира (де Сола Пул сформулировал эти идеи в 1980-е гг.), на наш взгляд, это социальные сети, которые сыграли значительную роль в событиях Арабской весны, гражданских противостояниях последнего десятилетия на постсоветском пространстве, в Западной

Европе и США. Для Ф. Фукуямы такими технологиями стали телевидение, радио (например, вещавшие на территории СССР и Центральной и Восточной Европы «Радио Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна» и др.), бытовые приборы (телевизоры, видео-магнитофоны, персональные компьютеры, СВЧ-печи и др.), получившие распространение в Западной Европе и США и создававшие притягательный образ Запада.

Вместе с тем философ неизбежно формулирует вопрос: научно-технологический прогресс – это добро или зло для человечества? Ф. Фукуяма в своих работах не дает определенного ответа на этот вопрос, однако анализирует практически все его аспекты. И вывод очевиден. Наука и техника стали немаловажным фактором формирования облика современного общества и сыграли значительную роль в переходе к тому состоянию во всемирно-историческом процессе, который определяется как «конец истории».

Однако наука, научно-технологический прогресс сами по себе каким-то неизбежным путем не ведут к капитализму в сфере экономики или к либеральной демократии в политике. Созданные наукой условия для модернизации значительно ускорили процессы индустриализации, а также иные процессы, с ними связанные, прежде всего, в социально-политической сфере. Все это порождает некоторые единообразные изменения в различных странах и культурах. Вместе с тем либеральная демократия формирует довольно широкий коридор для модернизации. Важно, чтобы модернизация создавала свободный рынок как институт и экономику свободного рынка в целом, динамичную индустриализацию и постиндустриализацию, способствовала укреплению демократических институтов. По мнению Фукуямы, именно модернизация создает условия для реализации идеи свободы во всемирно-историческом процессе. У обществ, по мнению философа, есть некоторая свобода в том, до какой степени можно регулировать и планировать капиталистическую экономику. Тем не менее осуществление модернизации экономики под давлением технологии создает для развитых стран серьезные стимулы принять основные условия универсальной капиталистической культуры экономики, допустив достаточную экономическую конкуренцию и рыночное ценообразование. Таким образом, развитие научно-технологического прогресса и успешные процессы модернизации сыграли определенную роль как в утверждении Ф. Фукуямой «конца истории», так и в расширении базы его аргументации. В дальнейшем Ф. Фукуяма продолжил изучение роли этих явлений в современном мире и в середине 2000-х гг., именно процессы модернизации определил в качестве основного фактора развития обществ.

Заключение

Необходимо выделить три группы факторов, которые дали основание Ф. Фукуяме провозгласить конец истории:

- 1) философская идея о возможности конца истории;
- 2) процессы и события середины 1970-х – начала 1990-х гг.;
- 3) процесс модернизации и научно-технологический прогресс.

В результате осмысления факторов, оказавших влияние на формирование концепции «конца истории» Ф. Фукуямы, сделаны следующие выводы.

1. Теоретико-методологической и философской основой провозглашения конца истории Ф. Фукуямой стало наследие Г. Гегеля, воспринятое сквозь призму учения А. Кожева.

2. История XX в. в понимании Ф. Фукуямы – это глобальное «соревнование» идеологий коммунизма, фашизма и либеральной демократии.

3. Процессы демократического транзита в странах Центральной и Восточной Европы, а также Перестройка в СССР оказали определяющее воздействие на формирование концепции «конца истории» Ф. Фукуямы.

4. Научно-технологический прогресс и процессы модернизации для Фукуямы конца 1980-х – начала 1990-х гг. сами по себе не являются определяющим фактором

для достижения «конца истории», однако создают значительную «ресурсную» базу для подобного транзита.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопр. философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
2. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2007. – 588 с.
3. Дугин, А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России / А. Дугин. – М., 1998. – 398 с.
4. Мухаев, Р. Т. Геополитика : учеб. пособие / Р. Т. Мухаев. – М. : Юнити-дана, 2007. – 623 с.
5. Нартов, Н. А. Геополитика : учеб. пособие / Н. А. Нартов. – М. : Юнити-дана, 2009. – 544 с.
6. Августин, Аврелий. О граде Божьем [Электронный ресурс] / Аврелий Августин // Православ. энцикл. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/. – Дата доступа: 01.02.2019.
7. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 480 с.
8. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1992. – 386 с.
9. Соловьев, В. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории [Электронный ресурс] / В. Соловьев. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/soloviev/trirazgov/index.html>. – Дата доступа: 01.03.2018.
10. Kojeve, A. Introduction to the Reading of Hegel / A. Kojeve. – New York : Basic Books, 1969. – 208 p.
11. The Soviet Union and Iraq since 1968, Rand research report, 1980 // Rand Corporation [Electronic recourse]. – Mode of access: <https://www.rand.org/content/dam/rand-pubs/notes/2007/N1524.pdf>. – Date of access: 02.02.2019.
12. Не конец истории [интервью с Ф. Фукуямой] [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/643994>. – Дата доступа: 01.02.2019.
13. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М. : РОССПЭН, 2003. – 368 с.
14. Sola Pool, I. de. Technologies of Freedom / I. de Sola Pool. – Cambridge : Harvard/Belkman, 1983. – 284 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.02.2020

Klimovitch A. V., Zhuk S. A. Factors of Formation of the Concept of «The End of History» by F. Fukuyama

The article analyzes the factors influenced on the formation of the concept of «The end of history» by F. Fukuyama. Typologization of the groups of factors that had a decisive influence on this concept (the philosophical idea of the possibility of the end of history; processes and events of the mid-1970s – early 1990s; the theory of modernization and the formation of the scientific method) is carried out. «The end of history» is defined as the triumph of the idea of freedom in the world-historical process in the liberal-Hegelian sense.

УДК 101.8

А. А. Лагуноўская

канд. філас. навук, дац., дац. каф. паліталогіі і сацыялогіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна
e-mail: helenlaguna@yandex.ru

**ДУХОЎНА-МАРАЛЬНЫЯ КАШТОЎНАСЦІ ХРЫСЦІЯНСТВА
ЯК АСНОВА МІЖАСОБАСНАЙ КАМУНІКАЦЫІ**

Аналізуецца сістэма духоўна-маральных хрысціянскіх каштоўнасцей як аснова працэсу міжасобаснай камунікацыі ў кантэксце сучаснай сацыяльнай прасторы як на узроўні ўзаемаадносін індывіда з канкрэтнай сацыяльнай рэчаіснасцю, так і чалавека з чалавекам. Даследуецца месца і роля духоўных каштоўнасцей хрысціянства ў фарміраванні маральнай свядомасці і маральнай дзейнасці сучаснага беларускага грамадства. Духоўна-маральныя каштоўнасці хрысціянства як аснова міжасобаснай камунікацыі раскрываюць адносіны чалавека з сацыяльнай прасторай (біблейскія заповедзі, хрысціянскі духоўна-маральны ідэал, прынцыпы паводзін, зносіны і дзейнасці, нормы і ацэнкі) і выказваюць асабістае стаўленне чалавека да чалавека (любоў як галоўнае маральнае пачуццё і стан, духоўна-маральныя мэты, матывы, устаноўкі і каштоўнасці арыентацыі). Каштоўнасць любові – аснова сістэмы хрысціянскіх каштоўнасцей, закліканая выконваць ролю апэратара, які выбудоўвае перспектывы для сацыяльнай практыкі ў сучасных умовах.

Уводзіны

Важнейшай сацыяльна-філасофскай праблемай, якая вызначае ўзаемаадносіны паміж сацыяльным светам і чалавекам, з'яўляецца духоўнае жыццё чалавека, дзе асноўную ролю адыгрываюць тыя базавыя экзістэнцыйная (сэнсажыццёвая) каштоўнасці, якія ляжаць у аснове чалавечага існавання. Хрысціянства зыходзіць з разумення каштоўнасці як абсалютнага добра, якое мае значнасць у любым стаўленні і для любога суб'екта незалежна ад канкрэтнага гістарычнага перыяду. Цэнтральнай ідэяй хрысціянства з'яўляецца ідэя «запавету», якая злучае разам «Стары завет» і «Новы завет» і пазначае ўзаемнае абяцанне вернасці саюза, які Бог заключае са сваімі выбраннікамі. Новы завет (Саюз) Бога з людзьмі рэалізуецца праз вялікую місію і крыжовую смерць (з наступным Уваскрасеннем Ісуса Хрыста) як аснову хрысціянскага светапогляду. Богачалавечая сутнасць Ісуса выяўляецца як увасобленае Боскае Слова (Логас). Гэты Логас уяўляе сабой пачатак усіх пачаткаў (спачатку было Слова) і часоў. Такая трактоўка адкрывае прастору для дыялогу Бога з чалавекам, чалавека з Богам і чалавека з чалавекам у імя духоўнага самавыхавання чалавека. Траістасць дыялогу хрысціянства – аснова сучаснай культуры, якая вызначае асноўныя напрамкі і шляхі развіцця сучаснага дыялогу, нацэленага на ўзвышэнне духоўнага пачатку ў чалавеку. Традыцыйна духоўны пачатак асобы звязваюць з сацыяльным і творча-стваральным характарам яе жыццядзейнасці, з уключэннем чалавека ў свет культуры.

На сучасным этапе развіцця грамадства ўзмацненне маральнага нігілізму, паварот да эгаізму і страта значнасці маральных нормаў савецкага перыяду спрыяюць узнікненню каштоўнаснага вакууму і паслабленню ролі духоўна-маральных каштоўнасцей у рэгуляванні паводзін, што можа прывесці да дэстабілізацыі грамадства. У пошуках шляхоў выхаду з крызісу ў грамадскай свядомасці ўкараняецца ідэя, што асноватворным сродкам яго пераадолення з'яўляецца ўдасканаленне духоўнага свету чалавека. На гэтым фоне погляды дзяржаўных дзеячаў, палітыкаў, дзеячаў культуры, філосафаў і навукоўцаў усё часцей звяртаюцца ў бок традыцыйных каштоўнасцей, якія існавалі на працягу доўгага гістарычнага перыяду, і перш за ўсё каштоўнасцей хрысціянства. Асэнсаванне хрысціянскай спадчыны ў фарміраванні маральнай культуры сучаснага беларускага грамадства і магчымасцей яго выкарыстання ў індывідуальнай і сацыяльнай практыцы з'яўля-

еще актуальной задачей. Каштоўнасці хрысціянства як аснова міжасобаснай камунікацыі ў найбольшай меры выказваюць менталітэт народа, замацаваныя стагоддзямі вышэйшыя духоўна-маральныя прынцыпы яго быцця.

Духоўна-маральныя каштоўнасці хрысціянства як аснова міжасобаснай камунікацыі

У хрысціянскай філасофіі духоўнасць – гэта самае высокае, канчатковае, абсалютнае, да чаго імкнецца асоба, што адлюстроўваецца на яе індывідуальнай дзейнасці і сацыяльнай практыцы. С. Л. Франк піша: «Бог ёсць нешта большае і іншае, чым толькі творчая першакрыніца быцця, менавіта ёсць разам з тым увасобленая талентам святасць, ідэальны пачатак унутранай дасканаласці як бы духоўнай празрыстасці і апраўданне ўсякага быцця» [6, с. 287]. Духоўнасць як супрацьстаянне чалавека быццю, як характарыстыка свядомасці, якая выходзіць за свае межы і накіравана да сферы трансцэндэнтнага ў маральным дачыненні, паўстае як накіраванасць чалавека і грамадства да дасканаласці (да развіцця). Духоўна-маральныя асновы хрысціянства як веравучэння і практыкі, з аднаго боку, узводзяць розум чалавека да ўзвышанага (ідэя Бога), а з другога – звяртаюцца да праблемы штодзённасці, што выяўляецца ў формах маральных паводзінаў. Такім чынам, адбываецца пастаянная карэляцыя «трансцэндэнтнае – іманентнае». Калі духоўнасць характарызуе вышэйшыя, «вертыкальныя» памкненні асобы, то маральнасць – сфера яе «гарызантальных» памкненняў, адносін з людзьмі і грамадствам.

Паміж паняццямі «духоўнасць» і «маральнасць» існуе не толькі семантычная, але і анталогічная сувязь: нормы і прынцыпы маральнасці атрымліваюць ідэйнае абгрунтаванне і выражэнне ў ідэалах добра і зла, якія з’яўляюцца катэгорыямі духоўнасці. Згодна з прынцыпам рэвеляцыянізму, крыніцай для пазнання духоўнасці і маральнасці з’яўляецца Біблія, што прызнаецца ўсімі хрысціянскім канфесіямі: праваслаўем, каталіцызмам, пратэстантызмам. Таксама агульнай асаблівасцю веравучэння названых хрысціянскіх канфесій (і тым, што адрознівае іх ад іншых рэлігій) з’яўляецца вера ў Тройцу і богачалавецтва Ісуса Хрыста, хоць і з некаторымі асаблівасцямі.

Фундаментальная, зыходная і непрымірымая супярэчнасць у дачыненні соцыуму да хрысціянства – гэта, па меркаванні Ф. М. Дастаеўскага, «шуканне Бога». З пазіцыі тэалогіі Бог – гэта Абсалют, *causa sui* (прычына самога сябе), субстрат існага. Адсюль Тэртуліян: «Веру, бо абсурд». Але ўжо Тамаш Аквінскі: «Верыць, каб ведаць, ведаць, каб верыць». З пазіцыі сацыяльнай філасофіі неабходна прызнанне свабоднага выбару чалавекам Бога як найвышэйшай каштоўнасці, прымат веры ў яго. Гэта экзістэнцыяльнае пытанне, звязанае з праблемай неадпаведнасці паміж існым і належным, непаўнотой асабістага жыцця і ўніверсальнасцю жыцця агульначалавечага [2, с. 328]. У адпаведнасці з хрысціянскай філасофіяй асэнсаванне праблемы духоўнасці ажыццяўляецца на аснове ўніверсальнай сістэмы маральных каардынат, увасобленых у абсалют. Аднак хрысціянства як індывідуальная і сацыяльная практыка не здабыло б сусветнага прызнання, калі б зводзіла паняцце «духоўнасць» да пэўнага рэлігійнага зместу. Асаблівы сацыякультурны статус духоўнасці з’яўляецца вынікам здольнасці чалавека канстытуваць сябе як адмысловы суб’ектыўны сусвет засяроджвання каштоўнасцей. Каштоўнасцае стаўленне асобы да свету, соцыуму і самой сябе вызначае кантынуум сацыякультурнага поля значнасці, бо каштоўнасці не існуюць так, як існуюць рэчы. Яны надзелены значэннем, г. зн. нешта значаць. Каштоўнасці хрысціянства як сацыякультурны феномен, выяўляючы велізарны культурны вопыт чалавецтва пры ўсёй яго разнастайнасці і плённасці, выступаюць у якасці агульнага арыенціра ў пэўных умовах, які выбудоўвае перспектывы для міжасобаснай камунікацыі і сацыяльнай практыцы.

У працэсе фарміравання свядомасці, пачуццяў, учынкаў маральна актыўнай і суцэльнай асобы, якая спалучае індывідуальныя і сацыяльныя інтарэсы ва ўсіх сферах

сваёй жыццядзейнасці, хрысціянскія каштоўнасці выступаюць як ацэнная падстава. Як маральныя арыенціры-рэгулятывы, каштоўнасці хрысціянства злучаюць у сабе духоўна-маральныя каштоўнасці і практычныя нормы, канстытуіруючы адносіны чалавека з навакольным светам, асабістае стаўленне чалавека да сацыяльнай рэчаіснасці і перш за ўсё да бліжняга – любога іншага чалавека, які апынуўся побач у дадзены канкрэтны момант. Сістэма хрысціянскіх каштоўнасцей выступае ў якасці маральнага ідэалу і ўзору паводзінаў у шматграннай міжасобаснай камунікацыі ў кантэксце розных аб'ектыўных і суб'ектыўных умоў. Духоўна-маральныя каштоўнасці хрысціянства, якія выказваюць стаўленне асобы да свайго ўнутранага свету, спрыяюць маральнай рэфлексіі, арыентаванай на развіццё індывідуальнага, інтымнага жыцця верніка. Такое стаўленне асобы да самой сябе выяўляецца і вызначаецца ў працэсе яе дзейнасці па асваенні сацыяльнай прасторы, праз ацэнку ўласных учынкаў у святле высокага хрысціянскага ідэалу. У гэтым сэнсе каштоўнасці хрысціянства непарыўныя з маральнымі паводзінамі.

Модус маральнага стаўлення чалавека да знешняга (прыроднага і сацыяльнага) свету хрысціянства як веравучэнне і практыка вызначае праз біблейскія заповедзі, хрысціянскі духоўна-маральны ідэал, прынцыпы паводзін, зносін і дзейнасці, нормы і ацэнкі. А. Тойнбі сцвярджае, што паводзіны чалавека будуць злом, калі ён спрабуе ператварыць сябе ў самы цэнтр Сусвету і ў сэнс яго існавання. Але ў яго ёсць альтэрнатыва паспрабаваць паслужыць інтарэсам Сусвету, а не сваім уласным, і тады яго паводзіны будуць дабрадзейнымі [5, с. 367]. Выкананне евангельскіх заповедзяў дае чалавеку магчымасць зрабіць маральны выбар у экзістэнцыяльных сітуацыях, скіроўвае чалавека да абмежавання ўласных эгаістычных жаданняў дзеля добра блізкага, спрыяе раскрыццю здольнасці любіць: «Заповедзі: не чужалож, не забівай, не крадзі, ня сьведчы ілжыва, не пажадай чужога і ўсе іншыя ляжаць у гэтым слове: любі блізкага твайго, як самога сябе» (Рым.: 13, 9). Галоўнае адрозненне духоўна-маральнай рэгуляцыі сацыяльных адносін у рэчышчы традыцыйных канфесій ад іншых этычных сістэм пачынаецца з дэтэрмінацыі любога ўшчамлення свабоды і інтарэсаў блізкага, парушэння яго права на годнасць.

Каштоўнасці Старога завету дэтэрмінуюць адносіны чалавека з навакольным светам і як маральныя арыенціры-рэгулятывы сцвярджаюць пэўныя канструктыўныя сацыяльныя формы паводзін, зносін, дзейнасці. Таліён быў накіраваны на забеспячэнне сацыяльнай стабільнасці і не ўключаў уяўленні пра асабістую адказнасць. Старазаветны прынцып адплаты «пералом за пералом, вока за вока, зуб за зуб: як ён зрабіў пашкоджанне на целе чалавека, так і яму трэба зрабіць» (Лявіт: 24, 20) (менавіта пашкоджанне за пашкоджанне, а не забойства вінаватага) накіраваны на ўстанаўленне справядлівасці і зацвярджэнне каштоўнасці чалавечага жыцця ва ўмовах Старажытнага свету. Неабходна патлумачыць, што, выносячы маральнасць за межы індывіда, хрысціянства атаясамлівае яе з бажанствам, тым самым надаючы ёй аб'ектыўны, агульнаабавязковы змест, не ўключаючы ўяўленняў канкрэтнага чалавека аб асабістай адказнасці.

У напружаных умовах карэнных сацыяльных перамен маральныя арыенціры-рэгулятывы Новага завету пастуліруюць цяперашняе і пакору, у адрозненне ад Старога завету, які выступае за актыўнасць чалавечых дзеянняў. Пацвярджаючы старазаветныя каштоўнасці, Новы завет дапаўняе яго прынцыпова новымі маральнымі палажэннямі, якія адрозніваюць хрысціянскую мараль ад традыцыйных нормаў агульначалавечай маралі. Каштоўнасці Новага завету твораць адносіны чалавека да сацыяльнай рэчаіснасці і да самога сябе, заснаваныя на прынцыпе ахвярнай любові і добразычлівага стаўлення да ўсіх людзей: «Вы чулі, што сказана: любі блізкага твайго і ненавідзь ворага твайго (Лявіт: 19, 17–18). А я кажу: любіце ворагаў ваших (Мф.: 5, 21)». Для разумення любові да ворагаў выкарыстана грэчаскае слова *агапэ*, якое раскрывае стаўленне, вышэй за псіхалагічную прыхільнасць: яно знаходзіцца ў іншай, духоўнай

плоскасці. Хрысціянскае паняцце аб «агапэ» (каханне сыходнае, ахвярнае) як духоўным яднанні, накіраваным на ўсіх людзей, на любога блізкага, зрабіла духоўна-маральны пераварот у свядомасці чалавецтва.

Каштоўнасць ахвярнай любові сцвярджаецца ў Новым Запавеце як аснова ўсіх астатніх каштоўнасцей, квінтэсенцыя духоўнасці і маральнай дасканаласці чалавека. Пакутлівая смерць Богачалавека ў імя выратавання чалавецтва з'яўляецца найвышэйшай прайвай Боскай любові да людзей. Найвышэйшая праява любові чалавека да людзей: «Няма больш за тую любоў, як калі хто пакладзе душу сваю за сяброў сваіх» (Ян.: 15, 13).

Духоўна-маральны ідэал, увасоблены ў Ісусе Хрысце як прыкладзе маральнай дасканаласці, накіроўвае яго паслядоўнікаў на перамены ў духоўнай сферы: «Будзьце дасканалымі, як дасканалы Айцец ваш нябесны» (Мф.: 5, 43). Гэты прыклад Ён прадставіў хрысціянам як асноўную і самую галоўную заповедзь: «Любі Госпада Бога твайго... палюбі блізкага твайго, як самога сябе; на гэтых дзвюх заповедзях грунтуецца ўвесь закон і прарокі» (Мф.: 33, 37–40). Важную ролю ў пераўтварэнні «абстрактна-тэарэтычнай мадэлі» маральных паводзінаў у «жыццёва-практычнае ўтварэнне» адыгрывае яе рэпрэзентацыя ў жыцці і смерці Ісуса Хрыста. Творчае развіццё і квінтэсенцыя евангельскіх маральных прынцыпаў у асобе Ісуса арыентуе чалавека (групу, супольнасць) на кардынальныя перамены ў сферы духоўнай жыццядзейнасці. Пры гэтым галоўны акцэнт у маральна-стваральнай дзейнасці робіцца на развіцці здольнасці асобы адрозніваць добро і зло як добраахвотны, свядомы працэс яе свабоднага выбару [4, с. 227–233]. Такім чынам, сістэма каштоўнасцей хрысціянства як аснова маральных паводзінаў накіроўвае сваіх прыхільнікаў на змяненне і самазмяненне, а кіраванне гэтым працэсам ажыццяўляецца не столькі «звонку», але перш за ўсё «знутры», г. зн. без апоры на знешнія санкцыі, страх пакарання або грамадскай думкі, бо выказвае стаўленне асобы да самой сябе і свайго ўнутранага свету. Каштоўнасць любові да бліжняга – любога іншага чалавека, які апынуўся побач у дадзены момант часу, – як і памяркоўнасць, з'яўляецца падставай хрысціянскай маральнасці: «Цярпенне ж павінна мець дасканаласць дзеянне, каб вы былі дасканалыя ва ўсёй паўнаце, бязь ніякай пахібы» (Як.: 1, 4).

Дасягненне хрысціянскага ідэалу прадугледжвае рэалізацыю чалавекам у сваім штодзённым жыцці маральных формаў паводзінаў, зносін і дзейнасці, абвешчаных у заповедзях. Прынцыпы паводзінаў, зносін і дзейнасці раскрываюць выпрацаваныя ў духоўнай спадчыне хрысціянства і прадстаўленыя ў яго практыцы патрабаванні, якія датычацца маральнай сутнасці чалавека, мэты і сэнсу яго жыцця і характару ўзаемаадносін паміж людзьмі. Хрысціянскі гуманізм, увасоблены ва ўніверсальным прынцыпе любові да бліжняга, складае аснову маральнага абсалюту. На працягу многіх стагоддзяў ён прадстаўляў духоўны стрыжань развіцця еўрапейскай цывілізацыі. «Сцвярджанне ідэі абсалютнага і яго ідэальна ўзорнай прысутнасці на вяршыні расплывістай у бясконцай вышыні каштоўнаснай іерархічнай лесвіцы духоўнасці, – адзначае А. С. Майхровіч, – прапаноўвала зусім новы прынцып і маштаб разумення і самога духу, а таксама свету і чалавека ў іх ідэальна сутнасным вымярэнні і будучым існаванні» [3, с. 18]. Дадзены сэнсаўтваральны прынцып хрысціянства дазваляе звязаць пэўную сукупнасць фактаў, ведаў або асобных ідэй і выступае арыенцірам для інтэрпрэтацыі штодзённых значэнняў індывідуальнай і сацыяльнай практыкі, ажыццяўлення міжасобаснай камунікацыі на маральнай аснове.

Хрысціянскі ідэал, заповедзі, прынцыпы паводзін, нормы і ацэнкі як духоўныя законы маральнага ўдасканалення карэктуюць светапоглядныя ўстаноўкі асобы, адлюстроўваючы структурныя сістэмныя сувязі паміж унутраным светам чалавека і навакольным для яго сацыяльным светам, паміж самімі людзьмі. Гэтыя каштоўнасці хрысціянства нацэлены на ўзгадненне паўсядзённых асабістых і грамадскіх інтарэсаў і ствараюць умовы для зніжэння негатыўных паводнінних інтэнцый чалавека, нягле-

дзячы на тое, што не фіксуюцца ў законах, г. зн. у адрозненне ад палітыкі і права яны не інстытуцыянаваныя. Ігнараванне глыбінных памкненняў духоўнага пачатку асобы да развіцця ў адпаведнасці з духоўна-маральнымі прынцыпамі спараджае скажэнне ўнутранага свету чалавека, якое ў філасофіі хрысціянства традыцыйна называецца грахам. На думку С. Л. Франка, прызнанне рэальнасці граху не прадугледжвае свядомых рэлігійных перакананняў, адпавядаючы паняццю «маральнае зло». Сістэма хрысціянскіх каштоўнасцей дае чалавеку магчымасць пастаяннага распазнання маральнага зла, дзеянне якога ў парадку антагенетычным (у індывідуальным духоўным развіцці) і ў парадку філагенетычным (у гістарычным развіцці чалавецтва) ажыццяўляе пэўныя псіхалагічныя, духоўныя і нават фізічныя змены ў прыродзе чалавека і сацыуму [6, с. 290]. Маральнае зло дысбалансуе, уносіць дысгармонію ва ўнутраны свет асобы, аказвае ўплыў на падзеі, якія адбываюцца ў яе разумовых, валявых і пачуццёвых працэсах. У маральных адносінах разбуральны характар для самой асобы і яе акружэння маюць зайздрасць, нянавісць, прагнасць, жорсткасць і іншыя дэструктыўныя праявы чалавечай прыроды. Такого роду пагрозы, паступова назапашваючыся, здольныя ператварыцца ў магутную сілу, якая выходзіць за межы ўнутранага свету чалавека, і стаць сур'ёзнай небяспекай як для жыцця яго самога, так і для функцыянавання розных грамадскіх структур, грамадства ў цэлым. Калі ў светапоглядзе чалавека адсутнічае арыентацыя на духоўныя каштоўнасці, то ён асуджаны на маральную дэградацыю і ўзмацненне дэструктыўных працэсаў у сістэме яго сацыяльных адносін.

Катэгорыя «адказнасць» паўстае як умова пераходу ад асабістай веры чалавека да яго індывідуальнай і сацыяльнай дзейнасці («Вера без спраў мёртвая» (Як.: 2, 20)). Таму найважнейшым фактарам устойлівага сацыяльна-эканамічнага і духоўнага развіцця краіны з'яўляецца функцыянальная здольнасць чалавека спасцігаць вартасці любові, кахання, добра, творчасці, засвойваць запаведзі, якія сталі часткай агульначалавечага вопыту, які злучае людзей у адзіную супольнасць [1, с. 122]. Працэс сацыяльнай камунікацыі павінен ажыццяўляцца на аснове агульначалавечых хрысціянскіх каштоўнасцей, г. зн. таго гуманістычнага духоўнага вопыту, які не парушае ні правы вернікаў, ні правы атэістаў. Для гэтага неабходна далейшае развіццё сацыяльнай практыцы, арыентаванай на айчынныя каштоўнасці і інтарэсы, а таксама пабудова адэкватных міжнародным стандартам этнаканфесійных адносін.

Заклучэнне

Аналіз духоўна-маральных каштоўнасцей хрысціянства як асновы міжасобаснай камунікацыі дазваляе зрабіць шэраг высноў.

Неабходна звярнуць увагу на немагчымасць прамалінейнага разумення хрысціянскіх нормаў, кіраўніцтва хрысціянскімі прынцыпамі. Гэта звязана з тым, што характар і формы іх рэпрэзентацыі ў індывідуальнай і сацыяльнай практыцы могуць мяняцца, што абумоўлена інварыянтнасцю вырашэння праблемы сэнсу і праблемы разумення хрысціянскіх каштоўнасцей як узору паводзін і духоўна-маральнага ідэалу.

В. Франкл у сваёй працы «Чалавек у пошуках сэнсу» пастуліруе немагчымасць аўтаматычнага выканання хрысціянскіх устаноў і іх рэалізацыі па-за кантэкстам, без уліку рэальных абставін, без сэнсавай расшыфроўкі асобай кожнай канкрэтнай маральнай максімы. В. Франкл абгрунтоўвае, што кожная сітуацыя нясе ў сабе свой сэнс, розны для розных людзей, але для кожнага ён з'яўляецца адзіна праўдзівым. Менавіта духоўнасць адкрывае для асобы доступ да бясконцасці сапраўдных і магчымых досведаў адрознівання сэнсаў. Не толькі ад асобы да асобы, але і ад сітуацыі да сітуацыі гэты сэнс мяняецца. Каб зразумець гэта, дастаткова задумацца над запаведдзю Майсея «не забі», асэнсаваць заклік Хрыста ў Нагорнай пропаведзі «любіце ворагаў вашых» і да т. п. Невырашальная праблема абсалютызму, які патрабуе, каб усе

людзі заўсёды прытрымліваліся адных і тых жа прынцыпаў, нормаў паводзін, незалежна ад звычаяў, культуры і сацыяльных умоў, заключаецца ў тым, што на практыцы яго нельга правесці паслядоўна і да канца як спосаб дзеянняў, прыдатны да ўсіх выпадкаў жыцця. Хрысціянская этыка не з'яўляецца жорстка абсалютнай, і таму паводзіны, нацэленыя на выкананне заповедзі «не хлусі», будуць непрымальнымі з пункту гледжання заповедзі «не забі», калі праўда падставіць чалавека пад удар забойцы. Тут неабходна ўлічваць ідэйны характар хрысціянскіх прынцыпаў, ацэнак і пастаноў, уласцівы наогул любым культурным нормам. Гаворка ідзе пра ідэальны момант тых і іншых, які дзейнічае як «рэгулятыўная ідэя», але літаральна (абсалютна) невыканальны. Адноснае, канкрэтызаванае сэнсамі выкананне хрысціянскіх канонаў прадугледжвае дасягненне рэальных мэтай пры руху да ідэалаў, «межаў». Пры гэтым «інтэрвальнасць» чалавечых адносін з'яўляецца важным фактарам, які абумоўлівае асаблівасці духоўна-маральнай рэгуляцыі індывідуальных і сацыяльных паводзінаў прыхільнікаў традыцыйных хрысціянскіх канфесій. Адзін тып адносін накіроўваецца пераважна меркаваннямі карысці, іншы тып адносін – загадам доўгу, найвышэйшы тып адносін – вышэйшымі чалавечымі пачуццямі, любоўю.

Духоўна-маральныя каштоўнасці хрысціянства як аснова міжасобнай камунікацыі раскрываюць адносіны чалавека з сацыяльнай прасторай (біблейскія заповедзі, хрысціянскі духоўна-маральны ідэал, прынцыпы паводзін, зносін і дзейнасці, нормы і ацэнкі) і выказваюць асабістае стаўленне чалавека да чалавека (любоў як галоўнае маральнае пачуццё і стан, духоўна-маральныя мэты, матывы, устаноўкі і каштоўнасныя арыентацыі). Каштоўнасць любові разумеецца як аснова сістэмы хрысціянскіх каштоўнасцей, закліканая выконваць ролю апэратара, які выбудоўвае перспектывы для дыскурсіўных практык. Рэпрэзентацыя каштоўнасці любові ва ўмовах канкрэтнай сацыяльнай рэчаіснасці адыгрывае важную ролю ў пераўтварэнні тэарэтычнай мадэлі маральных паводзінаў у жыццёва-практычную ўстаноўку, бо абстрактны знешні свет любіць значна лягчэй у параўнанні з канкрэтным чалавекам, які апынуўся побач у дадзены момант часу, да якога неабходна праявіць любоў. У жыццядзейнасці сучаснага беларускага грамадства любоў да суайчыннікаў, суграмадзян і дзяржавы з'яўляецца духоўнай асновай развіцця Беларусі.

Каштоўнасць любові, якая выказвае асабістае стаўленне чалавека да сацыяльнай рэчаіснасці, як структураўтваральная каштоўнасць хрысціянскага светапогляду надае любому чалавеку магчымасць выбару ў яго асабістых рашэннях. Сапраўдная глыбокая вера патрабуе ад індывіда актыўнага намагання, жыццёвага падзвіжніцтва, а часам і самаахвяравання дзеля служэння ідэалу любові. Гэтую ідэю раней паслядоўна развівалі І. Я. Глін, М. А. Бярдзьеў. Калі індывід намагаецца творча прытрымлівацца духу веравучэння, то яму даводзіцца кіравацца не самімі па сабе хрысціянскімі патрабаваннямі, а канкрэтызаваным сэнсам гэтых патрабаванняў, індывідуальнымі матывамі, адаптаванымі да ўнікальных праблемных сітуацый, асобнымі праграмамі паводзінаў. А гэта прадугледжвае адбор, інтэрпрэтацыю фундаментальных рэлігійна-маральных патрабаванняў, «прывязку» іх да рэальных жыццёвых выпадкаў. Таму, адзначаў Ф. Скарына, чалавек адказны за любы свой учынак. Кожны індывід павінен прыняць вольны «ўдзел у прагрэсіўным існаванні чалавецтва» (У. Салаўёў). Сучасны этап развіцця маральнай культуры сучаснага беларускага грамадства накіраваны на фарміраванне свядомых, адказных і творчых адносін асобы да сацыяльнай рэчаіснасці і ўласных магчымасцей і прадугледжвае сімвалічна-камунікатыўны разгляд каштоўнасцей хрысціянства, якія аб'ядноўваюцца ў адзінае цэлае на змястоўна-сэнсавым узроўні.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Лагуновская, Е. А. Ценности христианства в формировании нравственной культуры современного белорусского общества / Е. А. Лагуновская. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2011. – 147 с.
2. Левяш, И. Я. Христианская идея: утрата и воскрешение смысла / И. Я. Левяш // Культурология. – Минск : ТетраСистемс, 1998. – С. 324–375.
3. Майхрович, А. С. Поиск истинного бытия и человека. Из истории философии и культуры Беларуси / А. С. Майхрович. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 247 с.
4. Павловская, О. А. Христианская мораль как фактор духовного развития личности / О. А. Павловская // Человек в условиях социальных трансформаций / Т. И. Адуло, О. А. Павловская. – Минск, 2006. – С. 220–234.
5. Тойнби, А. Избери жизнь: диалог Арнольда Дж. Тойнби и Дайсаку Икеды / А. Тойнби. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 446 с.
6. Франк, С. Л. Реальность и человек / С. Л. Франк. – СПб. : РХГИ, 1997. – 448 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.03.2020

Lahunouskaya A. A. Spiritual and Moral Values of Christianity as the Basis of Interpersonal Communication

The article analyzes the system of spiritual and moral Christian values as the basis for the process of interpersonal communication in the context of modern social space at the level of the individual's relationship with the concrete social reality, and man with man. Explores the role and place of spiritual values of Christianity in the formation of moral consciousness and moral activity of the modern Belarusian society. Spiritual and moral values of Christianity as the basis of interpersonal communication reveal man's relationship with the social space (Biblical commandment, Christian spiritual and moral ideal, principles of behavior, communication and activities, norms and evaluation) and express personal comments the relation of man to man (love as the main moral sense and state, spiritual and moral goals, motives, attitudes and value orientations). The value of love is understood as the basis of the system of Christian values, designed to fulfill the role of the operator, which builds Prospects for social practice in modern conditions.

УДК 1(091)

Н. И. Кулак

*аспирант 2-го года обучения каф. философии культуры
Белорусского государственного университета,
преподаватель каф. философии и политологии
Белорусского государственного медицинского университета
e-mail: kulak.nikita@inbox.ru*

РЕЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ Г. ГЕГЕЛЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Рассматривается процесс становления идеи материалистического понимания истории в трудах Г. В. Плеханова в контексте философии Г. Гегеля, идеалистическая система которого послужила основанием для формирования материалистического монизма. Анализируется степень влияния философии немецкого мыслителя на философию и мировоззрение Г. В. Плеханова. Показано, что Г. В. Плеханов опирался на методологические принципы историко-философской концепции Г. Гегеля. Диалектический метод был воспринят Плехановым при изучении социально-политических проблем. Отмечен вклад Г. В. Плеханова в развитие и популяризацию учения Г. Гегеля в среде представителей русской философии конца XIX – начала XX в.

Введение

В 2020 г. мировое сообщество отмечает 250-летие со дня рождения Г. Гегеля. Творчество мыслителя олицетворяет собой крупное философское течение, изучение которого, пройдя сквозь исторические этапы, остается актуальной исследовательской задачей. В русской философии обращение к творчеству Г. Гегеля имеет определенную традицию, расцвет которой пришелся на вторую половину XIX в. В книге русского и немецкого философа Д. И. Чижевского «Гегель в России» [1] имеется ряд сюжетов, в которых автор анализирует отношение русских мыслителей к творчеству немецкого философа. В разделе «Русские слушатели Гегеля» представлена целая плеяда мыслителей: Н. В. Станкевич, М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, И. С. Тургенев, А. И. Герцен. В разделе «Гегель и политические радикалы» отмечены Н. Н. Страхов, С. С. Гогоцкий, Б. Н. Чичерин, Н. Г. Дебольский, П. А. Бакунин. К сожалению, в этом списке русских гегельянцев Г. В. Плеханов отсутствует. Возможно, дистанцирование творчества Г. В. Плеханова от философии Г. Гегеля с привязкой его лишь к системе Маркса – Энгельса оказалось главным исследовательским акцентом, что ограничило процесс понимания истории философии Г. В. Плеханова.

В действительности, одним из первых русских мыслителей конца XIX в., предпринявших попытку показать важность, сильные и слабые стороны идеалистической системы, был Г. В. Плеханов. В его философской концепции творчество Г. Гегеля занимает видное место. Будучи сторонником материалистического понимания истории, он проводит критический разбор философских систем представителей идеализма, в центре которых находится историко-философская система Г. Гегеля. Для Г. В. Плеханова немецкий мыслитель является человеком, «которому бесспорно и всегда будет принадлежать одно из самых первых мест в истории мысли» [2, с. 439].

Целью статьи является обоснование философских взглядов Г. В. Плеханова не только как последователя классического марксизма в лице К. Маркса и Ф. Энгельса, но и как сторонника идеалистической философии Г. Гегеля.

Интерес русского философа к Г. Гегелю и К. Марксу реализуется через формулу «или-или» и концепт «и-и» в контексте диалектико-материалистической методологии.

Научный руководитель – А. А. Легчилин, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

Результаты исследования могут быть использованы при разработке историко-философской концепции Г. В. Плеханова. Г. В. Плеханову принадлежит ряд работ, в которых популяризируется философия Г. Гегеля. Ярче всего отражено отношение Г. В. Плеханова к Г. Гегелю в работе «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», опубликованной на немецком языке в журнале «Die Neue Zeit» (1891). Благодаря работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1894) русская публика узнала о необходимости гегелевского диалектического метода для понимания исторического процесса. В работе выдвигалась идея о взаимовлиянии материализма и идеализма, при этом автор считал материализм более высокой ступенью развития. А в работе «От идеализма к материализму. Гегель и левые гегельянцы. Давид-Фридрих Штраус. Братья Бруно и Эдгар Бауеры, Фейербах» (1915) происходит преломление его методологического кредо. «Материализм воскрес, – декларирует Г. В. Плеханов, – обогащенный всеми приобретениями идеализма – важнейшее из них есть диалектический метод» [3, с. 604].

Г. В. Плеханов, будучи сторонником материалистического понимания истории в духе К. Маркса и Ф. Энгельса, по-своему осмыслял учение Г. Гегеля и его место в своем мировоззрении. Г. В. Плеханов высоко оценивает достижения немецких идеалистов, в частности диалектический метод, который представляет «самое главное научное орудие, которое досталось в наследство от немецкого идеализма его преемнику, современному материализму» [2, с. 444]. Г. В. Плеханов подчеркивает, что диалектика была известна и до Г. Гегеля, но именно благодаря ему она становится инструментом познания, который стал и его ключевым методом в творческом развитии. Она заключается в критической переработке предшествующих идей для создания новых, поскольку прошлые системы могут останавливать прогрессивное развитие, влиять на общественное бытие, экономическую жизнь, прогресс в науке.

Это заключение Г. В. Плеханова следует не из симпатий к К. Марксу и Ф. Энгельсу, а приверженности логике Г. Гегеля, которой он великолепно владел. В «Науке логике» Г. Гегель достаточно четко обозначил знаменитую триаду, которая, как заметил современный исследователь гегельянства Д. Карлсон, приобрела популярную схему «тезис – антитезис – синтез» благодаря Г. Хлабениусу в 1837 г. [4, с. 23]. Г. В. Плеханов прибегает к неогегельянскому схематизму и использует прием антитезы в историко-философском процессе. В частности, он стремился доказать, что философия в каждую эпоху становится отрицанием идей предшествующих эпох. Например, если одни французские философы XVIII в. были атеистами, их последователи, французские утописты XIX в., уже склонны к мистике. Эта нестандартная точка зрения на творчество Г. Гегеля привлекла к Г. В. Плеханову не только сторонников, но и многочисленных оппонентов. В данном контексте интересной является работа «От идеализма к материализму. Гегель и левые гегельянцы. Давид-Фридрих Штраус. Братья Бруно и Эдгар Бауеры, Фейербах». В ней Г. В. Плеханов рассматривает достижения Г. Гегеля как фундамент, на котором построилась вся материалистическая теория: «Гегель сравнивает силу диалектики с божьим всемогуществом. Диалектика есть та общая непреодолимая сила, против которой ничто устоять не может» [5, с. 641].

Согласно Г. В. Плеханову, философия Г. Гегеля имеет две стороны – прогрессивную, которая связана с методом, и консервативную. Следуя за ходом мыслей русского философа, можно предположить, что консервативная сторона, которая обогащалась со временем за счет прогрессивной, становилась причиной отвлеченных от идеализма рассуждений. «Гегель временами как будто сам чувствовал бессодержательность ссылки на всемирный дух, и тогда он, “абсолютный идеалист”, делал неожиданные экскурсии в область материалистического объяснения истории» [6, с. 665]. Стоит отметить, что подобные высказывания встречаются во многих работах. В них Г. В. Плеханов, с одной стороны, подчеркивает роль и значение Г. Гегеля не только для немецкой, но и для мировой философии, выделяя его диалектический метод и идеалистическую

систему, с другой – хочет показать слабость гегелевской системы, ошибку в рассмотрении разума как абсолютной силы и подчеркивает правоту Э. Бауэра, утверждающего, что абсолютного разума нет. Стоит добавить, что Г. Гегель рассматривал все явления с точки зрения процесса возникновения и уничтожения (*das Werdens* – становление).

Транслируя основные гегелевские постулаты на описание общества, Г. В. Плеханов отмечал слабость идеалистической критики в понимании освободительного движения пролетариата, замечая, что «гораздо большую силу понимания показал... Фейербах; но замечательно, что в его лице немецкая философия разрывала с идеализмом и становилась материалистической» [6, с. 667]. В своей концепции Г. В. Плеханов отводит Л. Фейербаху особое место, поскольку тот, «бывший сначала восторженным учеником Гегеля, впоследствии заметил эту слабую сторону идеалистического монизма, и тогда он стал материалистом» [7, с. 670]. Схожий путь прошел и сам Г. В. Плеханов.

Рассматривая процесс влияния методологии Г. Гегеля на мировоззрение Г. В. Плеханова, необходимо учитывать также роль и место в этом становлении представителей русской литературы, которые были воспитаны на гегелевской философии и которыми в дальнейшем восхищался сам Г. В. Плеханов. В первую очередь следует отметить Н. Г. Чернышевского и В. Г. Белинского. В статье «Гром не из тучи» (1901), которая оставалась долгое время неизвестной для русского читателя, Г. В. Плеханов рассуждает о гегелевской диалектике, акцентируя внимание на уважении Н. Г. Чернышевского и В. Г. Белинского в адрес Г. Гегеля. В. Г. Белинский, по мнению Г. В. Плеханова, усвоил ключевые постулаты идеалистической системы, положив их в основу всего своего творчества, оставаясь его последователем долгие годы. «Сочинение Чернышевского “Эстетические отношения искусства к действительности” посвящено было критике эстетической системы известного немецкого писателя Фишера, который был чистым гегельянцем. Если Чернышевский считал нужным открыто заявить о том, что он в своем сочинении вовсе не становится во враждебное отношение к Фишеру, то это значило, что он считал вредным распространение в русской читающей публике враждебное отношение к философской системе Гегеля» [8, с. 686]. В этих словах четко прослеживается оборонительная позиция автора даже от самых незначительных нападков в адрес гегелевской системы. Обращение к творчеству русских писателей неслучайно, поскольку фигуры Н. Г. Чернышевского и В. Г. Белинского являются ключевыми в мировоззренческой системе Г. В. Плеханова и предположительно именно их творчество, обогащенное философией Г. Гегеля, и послужило истоком знакомства Г. В. Плеханова с идеями немецкого мыслителя.

Г. В. Плеханов известен как последователь материалистического понимания истории, сторонник учения Маркса – Энгельса. В той же статье «Гром не из тучи» он писал, что «взгляды автора “Капитала” были естественным развитием взглядов Фейербаха, который был учителем Чернышевского в философии и который сам был учеником Гегеля. Маркс понимал, что (говоря словами Чернышевского) в философии Гегеля заключались зародыши и той теории, которую он старался построить сам; что он только развивал существенно важные моменты, которые находили место и в гегелевской философии, но в противоречии с другими понятиями, которым она (философия Гегеля) приписывала более важности и которые ему (Марксу) казались не выдерживающими критики» [8, с. 687]. Взяв эти слова за отправную точку, можно увидеть, как происходило философское становление Г. В. Плеханова, под воздействием каких факторов формировалась его историко-философская концепция. Большинство современных авторов показывают русского философа яркой и ключевой фигурой марксизма. Однако достаточно ли этих «убедительных» аргументов в его критическом характере именно благодаря только философии К. Маркса? В начальный период творческого становления («догегелевский») отчетливо доминирует точка зрения отвлеченного «или-или». Применительно к данной теме это можно выразить следующим образом: или идеалистиче-

ская система Г. Гегеля, или материалистическая система К. Маркса. При более глубоком постижении диалектики Г. Гегеля тональность меняется: «Гегель любил повторять, что при ближайшем рассмотрении идеализм оказывается истиной материализма» [6, с. 647]. Таким образом, ключевую роль в становлении философии и мировоззрения Г. В. Плеханова играла фигура Г. Гегеля, а под воздействием К. Маркса, давшего характеристику общественным явлениям на тот момент, эти идеи становятся ключевыми в понимании современного общества.

Рассмотрим этот подход более детально. Приведем строки из воспоминаний А. В. Луначарского «Несколько встреч с Георгием Валентиновичем Плехановым», впервые опубликованных в журнале «Под знаменем марксизма» (1922). А. В. Луначарский подчеркивает, что огромное влияние на него имели беседы с Г. В. Плехановым, посвященные таким философам, как Фихте, Шеллинг и Гегель. Он пишет: «Я, конечно, уже тогда превосходно знал, какое огромное значение имеет Гегель в истории социализма и насколько невозможно правильное историческое понимание марксистской философии истории без хорошего знакомства с Гегелем. Позднее Плеханов укорял меня в одном из наших публичных диспутов за то, что я не проштудировал как следует Гегеля. Бесконечно жаль, что Плеханов только бегло высказался по поводу великих идеалистов. Знал он их чрезвычайно основательно, даже до удивительности точно, и мог бы написать книгу о них, конечно, не менее блестящую, чем его книга “О материалистических предшественниках марксизма”... Уму Плеханова его вечные друзья Гольбах и Гельвеций из предшественников марксизма были роднее, чем великие идеалисты. Но глубоко погрешил бы против Плеханова тот, кто подумал бы, что другой мощный корень марксизма им игнорировался» [9, с. 33].

Полемизуя с рядом русских и западноевропейских мыслителей, Г. В. Плеханов часто критикует их за стремление подвести учения модных писателей под теоретический марксистский фундамент. Автор указывает, что «не Мах, не Авенариус, не Виндельбанд, не Вундт, даже не Кант должны вести нас в святилище философской истины, а Энгельс, Маркс, Фейербах и Гегель. Только от этих учителей узнаем мы то, что нам нужно» [10, с. 484]. Становится очевидным, что в своей истории философии Г. В. Плеханов чаще всего выступает как сторонник К. Маркса и Г. Гегеля, а порой ставит их в один ряд при анализе некоторых философских персоналий и общественных явлений. Возможно поэтому в специфических работах, посвященных Г. В. Плеханову, например в книге «Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин)» (2013), можно встретить обвинения в недостаточной разработанности его методологии: «конкретные политические и тактические ошибки Плеханова во многом связаны с недостатками именно его *методологии*» [11, с. 115]. Точнее, не недостатки методологии, а, напротив, более тонкое философское понимание сути диалектической методологии. Яркий пример – спор Г. В. Плеханова и Э. Бернштейна по поводу закона противоречия и исключенного третьего: «Трудно возразить что-нибудь против этого правила. А если оно верно, то формула “*да-нет и нет-да*” кажется совершенно несостоятельной, и нам остается лишь смеяться над нею, по примеру г. Бернштейна, да разводить руками по поводу вопроса о том, каким образом такие несомненно глубокие мыслители, как Гераклит, Гегель и Маркс, могли находить ее более удовлетворительной, чем формулу: “*да-да и нет-нет*”, прочно основывающуюся на вышеуказанных законах мышления. Этот роковой для диалектики вывод кажется неотразимым» [12, с. 77–78].

Как мы уже заметили, свойственный Плеханову принцип исходить не из формулы «или-или» (или Гегель, или Маркс, третьего не дано), а из гармоничного сочетания «и-и» (и материализм и идеализм), где уже нет тотального противостояния, воспринимался, возможно, как ошибка или несоответствие его материалистическому методу, в котором соединяется несоединимое, как это реализовано в самой философской системе Г. Гегеля. В «Науке логики» он четко об этом пишет: «Вместо того чтобы гово-

рять согласно закону исключенного третьего (который есть закон абстрактного рассудка), мы скорее должны были бы сказать: все противоположно. И в самом деле нигде: ни на небе, ни на земле, ни в духовном мире, ни в мире природы – нет того абстрактного “или-или”, которое утверждается рассудком... Противоречие – вот что на деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить. Правильно в этом утверждении лишь то, что противоречием дело не может закончиться и что оно (противоречие) снимает себя само через себя» [13, с. 279–280]. Г. В. Плеханов именно из этих постулатов исходил в своем мировоззрении.

Возможно, именно эти слова Г. Гегеля имел в виду Г. В. Плеханов, когда рассуждал о диалектическом методе: «Кто рассуждает отвлеченно, тот рассуждает по формуле отвлеченного *или-или* (*entweder – oder* Гегеля)... На первый взгляд может показаться сомнительным само существование людей, рассуждающих по формуле отвлеченного *или-или* (война *или* пагубна, *или* плодотворна), но на самом деле таких людей до сих пор очень много, а до Гегеля их было еще больше. Точка зрения отвлеченного *или-или* свойственна не только неопытной “юности”, можно указать замечательные исторические эпохи, в продолжение которых все мыслящие люди, за самыми немногими исключениями, стояли на этой точке зрения и очень удивились бы, если бы им сказали, что она неудовлетворительна» [8, с. 688–689]. Его призывы к постижению философии Г. Гегеля связаны с тем, что тогда в Европе они не были широко распространены. В то время господствовала идея возврата к философии И. Канта. Так, один из теоретиков II Интернационала В. Адлер вовсе допускал возможность замены материалистической основы научного социализма кантовской.

Г. В. Плеханов был, бесспорно, материалистом, но его материализм по богатству своего содержания не был столь ортодоксален, как у его оппонентов. Он содержал попытку взаимного соединения идеалистической философии Г. Гегеля и материалистической философии К. Маркса под эгидой последнего для создания нового материализма, обладающего революционной силой и способного справиться со всеми вызовами со стороны противников системы «Гегель – Маркс». Отсюда подлинная эволюция его взглядов – это путь от изначального разграничения (или идеалистическая философия Гегеля, или материалистическая философия Маркса), которая трансформируется в формулу: и идеализм Г. Гегеля, и материализм К. Маркса. Теоретически в концепции философа все соответствовало марксизму в том виде, в котором он был сформулирован в западноевропейских странах. Возможно, поэтому марксизм Плеханова представлял собой, по словам Н. Бердяева, «крайнюю форму русского западничества», своего рода «книжно-кабинетное истолкование марксизма» [Цит. по: 14, с. 443]. Эти обстоятельства и стали отправным пунктом Г. В. Плеханова в стремлении выйти из ортодоксальной замкнутости русского марксизма, представив его в статусе прогрессивного новатора, а для некоторых русских марксистов «ахиллесовой пятой» его мировоззренческой концепции.

Заклучение

Г. В. Плеханов в статье «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» пишет: «В качестве идеалиста, Гегель не мог смотреть на историю иначе, как с идеалистической точки зрения» [2, с. 438]. В свою очередь, К. Маркс, продолжает философ, не мог смотреть на историю иначе как с материалистической точки зрения. Несмотря на то, что Г. В. Плеханов анализирует социально-философские и политические вопросы с позиций материалистического объяснения истории, этот принцип исследования является для него центральным, но не единственным. Это стремление следовать принципу, который Г. В. Плеханов адресует Г. Гегелю: «Сократ – герой, так как он сознательно познал и высказал высший принцип. Высший принцип имеет абсолютное право... Таково вообще положение героев во всемирной истории: через них восходит новый мир» [2, с. 419]. Г. В. Плеханов стремился к созданию нового, философской системы

объединяющей в себе сильные стороны идеализма и материализма. Таким образом, Г. В. Плеханов не гегельянец, но учится у Г. Гегеля и воспринимает из его системы отдельные элементы не понаслышке, видя в них ценные мотивы своей философской мысли. Философия Г. Гегеля приобретает у Г. В. Плеханова иную ценность и значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чижевский, Д. И. Гегель в России / Д. И. Чижевский. – СПб. : Наука, 2007. – 411 с.
2. Плеханов, Г. В. К шестидесятой годовщине смерти Гегеля / Г. В. Плеханов // Избр. филос. произведения : в 5 т. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956. – Т. 1. – С. 422–451.
3. Плеханов, Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / Г. В. Плеханов // Избр. филос. произведения : в 5 т. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956–1958. – Т. 1. – 1956. – С. 602–701.
4. Carlson, D. Commentary on Hegel's Science of Logic / D. Carlson. – New York : Palgrave MacMillan, 2007. – 617 с.
5. Плеханов, Г. В. От идеализма к материализму. Гегель и левые гегельянцы. – Давид-Фридрих Штраус. – Братья Бруно и Эдгар Бауеры, Фейербах / Г. В. Плеханов // Избр. филос. произведения : в 5 т. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956–1958. – Т. 3. – 1957. – С. 639–686.
6. Плеханов, Г. В. Материалистическое понимание истории / Г. В. Плеханов // Избр. филос. произведения : в 5 т. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956–1958. – Т. 2. – 1957. – С. 634–668.
7. Плеханов, Г. В. О книге Масарика / Г. В. Плеханов // Избр. филос. произведения : в 5 т. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956–1958. – Т. 2. – 1957. – С. 669–681.
8. Плеханов, Г. В. Гром не из тучи / Г. В. Плеханов // Избр. филос. произведения : в 5 т. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956–1958. – Т. 2. – 1957. – С. 682–701.
9. Луначарский, А. В. Воспоминания и впечатления / А. В. Луначарский. – М. : Совет. Россия, 1968. – 201 с.
10. Плеханов, Г. В. Первые фазы учения о классовой борьбе / Г. В. Плеханов // Избр. филос. произведения : в 5 т. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956–1958. – Т. 2. – 1957. – С. 454–503.
11. Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / под ред. А. В. Бузгалина, Б. И. Пружинина. – М. : РОССПЭН, 2013. – 591 с.
12. Плеханов, Г. В. Предисловие переводчика ко 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» / Г. В. Плеханов // Избр. филос. произведения : в 5 т. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956–1958. – Т. 3. – 1957. – С. 67–88.
13. Гегель, Г. Наука логики / Г. Гегель // Энциклопедия философских наук : в 3 т. / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1974–1977. – Т. 1. – 1974. – 452 с.
14. История России, XX век. Как Россия шла к XX веку. От начала царствования Николая II до конца Гражданской войны (1894–1922) / под ред. А. Б. Зубкова. – М., 2020. – Т. 1. – 992 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.03.2020

Kulak N. I. Reception of the Philosophical Ideas of G. Hegel in the World View of G. V. Plekhanov

The article discusses the process of formation of the idea of a materialistic understanding of history in the works of G. V. Plekhanov in the context of the philosophy of G. Hegel, whose idealistic system served as the basis for the formation of materialistic monism. Based on the main works of the Russian philosopher, the degree of influence of the philosophy of the German thinker on the philosophy and worldview of G. V. Plekhanov. It is shown that G. V. Plekhanov relied on the methodological principles of the historical and philosophical concept of G. Hegel. The dialectical method for him was a valuable motive for philosophical thought in the implementation, including socio-political problems. The contribution of G. V. Plekhanov in the development and popularization of the teachings of G. Hegel among representatives of Russian philosophy of the late nineteenth and early twentieth century.

УДК 101.1:316+314.015

М. А. Гуцалюк

соискатель каф. философии

Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

e-mail: gma82@list.ru**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ
В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЭТНОСОВ**

Рассматривается общественно-политический феномен «мультикультурализма». Исследуется связь этого явления социальной и политической жизни с демографическими процессами. Большое внимание уделяется анализу реального состояния наиболее мультикультурных обществ современности. Поясняется явление сегрегации как альтернативы мультикультурализму. Представлена авторская точка зрения на то, как связаны между собой демографические процессы и мультикультурализм. Особо пристально изучается проблема миграции этносов, наций, рас. Рассматриваются основные виды миграции. Феномен мультикультурализма оценивается отрицательно, поскольку не является естественным для природы человека и навязывается ему представителями политической элиты. Тем самым нарушается баланс естественного порядка вещей, что крайне отрицательно сказывается на демографически-популяционных характеристиках социума. Выделены социально-философский и демографический аспекты мультикультурализма. Особенностью работы является ее междисциплинарный характер.

Введение

В настоящее время в абсолютном большинстве стран мира (особенно это касается Европы и Северной Америки) господствует точка зрения, согласно которой разные культуры, расы, этнические группы, в том числе группы меньшинств, заслуживают особого признания их различий в рамках доминирующей культуры общества. Впервые термин возник в Канаде в 60-е гг. XX в. для обозначения состояния этнокультурного, расового, религиозного разнообразия населения страны. Официально он был признан в 1971 г., явившись при этом своеобразным актом признания государственными институтами неэффективности ассимиляционной политики, направленной на гомогенизацию культурно-многообразного населения страны [1, с. 189]. Весьма часто эта точка зрения предстает как господствующая в социуме или политическом истеблишменте идея, теория. Также нередко можно слышать утверждение, что речь идет о некоей духовной ценности (иногда даже «догме»), до конца не осмысленной и не осознаваемой, принимаемой в качестве значимой на основании иррациональных мотивов человеческой психики. К таким мотивам можно отнести: эстетическое стремление к разнообразию, нацеленность на получение нового, ранее не известного опыта, толерантность как привычная норма жизненного уклада и др. Отрицательное отношение к феномену мультикультурности в современном мире чаще всего не приветствуется (особенно в странах с либерально-демократическими режимами).

Однако критическое отношение к действительности, которое всегда было признаком научного знания, исходит из принципа сомнения, равно как и скрупулезного анализа любого феномена. Как правило, объективный исследователь, не желая склоняться к односторонним взглядам, признает, что любой предмет исследования имеет (потенциально или реально) свои положительные и отрицательные стороны. А задача научного познания состоит в том, чтобы, взвешивая аргументы за и против, установить собственное (максимально приближенное к объективному знанию) видение проблемы.

Научный руководитель – Ч. С. Кирвель, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Целью исследования является анализ влияния феномена мультикультурализма на социальную реальность, особенно на демографическое развитие и безопасность этнических общностей. Мы попытаемся установить, будет ли такое влияние носить положительный, конструктивный характер и в чем именно это может заключаться, либо ориентация на мультикультурные ценности ведет скорее к социальной деструктивности и кризису. В этом случае также не обойтись без конкретизирования полученных выводов. В связи с поставленной целью большую значимость приобретает рассмотрение феномена мультикультурности в тех странах и регионах, где он получил наиболее широкое распространение и влияние.

Главным методологическим принципом исследования выступает примордиалистский подход. Основа данного подхода – представление об этносах как о сообществах, соединенных кровно-родственными (биологическими) связями, а фундаментом этих связей является понятие расы. Применительно к настоящему исследованию это означает, что автор рассматривает социальные и демографические процессы через призму устойчивых – биологических и расовых – закономерностей бытия. Таким образом, феномен социальной реальности рассматривается более целостно и системно – в социобиологическом смысле, где общественные и демографические процессы исследуются на междисциплинарном уровне.

Мультикультурализм в социальной реальности

Одна из главных теоретических основ мультикультурализма – идея *сосуществования* на одной территории представителей различных рас, национальностей, этносов и религий. Иногда это явление называют *толерантностью* или *терпимостью*. Сам термин получил широкое распространение в нормативно-правовых документах XVI–XVII вв. в связи с религиозным расколом Европы [2, с. 45]. По всей видимости, его интегрирование в право и (позже) в науку имело своей целью, насколько возможно, «смягчить» и «нивелировать» негативные последствия религиозных конфликтов в ту эпоху, когда конфликты, как правило, порождали социальный хаос и многочисленные войны.

«Как только некоторые страны, – писал Монтескье, – пришли к законам о допущении многих религий, они должны были обязать их проявлять взаимную толерантность... Поэтому целесообразно, чтобы законы об этих различных верованиях не только способствовали тому, чтобы они не доставляли беспокойства государству, но и чтобы они поддерживали мир в отношениях между собой» [Цит. по: 2, с. 45]. Таким образом, задуманный из гуманистических соображений, термин все более терял свой узко правовой и философский статус, постепенно, по мере распространения идей либерализма приобретая характер социальной нормы и морального закона – уже не только в отношении к религии, а гораздо шире – в отношении к другим расам, этносам и культурам, т. е. приобретая свой современный смысл.

По этой причине мультикультурализм отвергает концепцию «доминирующей» культуры общества или этноса. Подразумевается что любая культура, этническая или расовая группа имеет равные с другими группами права, независимо от своей численности или длительности проживания на конкретной территории. Не существует «своих» или «чужих» земель – вся планета общая.

Для мультикультурной парадигмы мышления не существует также проблемы межэтнической (межнациональной) инкультурации или ассимиляции в отношении отдельно взятых стран и регионов. Ассимиляция, или «ассимиляторство», рассматривается как однозначно отрицательное явление, как попытка избежать культурного разнообразия со стороны политической элиты или тех слоев населения, которые стремятся оградить свои традиционные ценности от возможного влияния новоприбывших мигрантов [3].

Для любого сторонника мультикультурности в общественной жизни особое значение приобретают процессы миграции. В качестве некоего идеала здесь рассматривается феномен «открытого» для любых миграционных потоков общества. А противоположный, «негативный» пример олицетворяют общества «изоляционистского» типа.

«Необходимо распахнуть двери для всех, кто хочет стать членом нашего общества, – пишет Ч. Кукатас, – а степень ассимиляции должна определяться желанием и способностью каждого отдельного индивида» [Цит. по: 3]. И далее: «Проблема с изоляционизмом заключается в том, что такую политику трудно долгое время осуществлять на практике, поскольку она чревата издержками, неприемлемыми для большинства населения. Если цель такой политики – поддержание культурного единства, трудность заключается в том, что одного ограничения иммиграции (создания барьеров для людей, принадлежащих к конкретным культурным, этническим, религиозным или языковым группам, и даже полного запрета въезда в страну на постоянное жительство) для этого недостаточно. Помимо контактов с иммигрантами, существует много способов влияния иных культур на то или иное общество» [Цит. по: 3].

Можно утверждать, что мировоззренческая парадигма мультикультурного взгляда на общество представляет собой логическое развитие более глобальной модели либеральных ценностных установок как таковых. Равенство национальностей, этносов, религий и рас, их свободное сосуществование на планете без относительности к конкретным территориям стран очень напоминает постулаты либерализма, как классического, так и современного.

Невозможно отрицать и то положительное влияние на общество, которое имело место в результате развития некоторых либеральных идей. Особенно это касается сферы экономики – привлечение большого количества трудовых мигрантов для таких стран, как США, было фактором их экономического роста и процветания.

Трудно найти страну на карте мира, где бы либеральные идеи мультикультурного общества реализовались больше и сильнее, чем в США. Одна из первых в мире либеральных конституций была провозглашена именно в Америке. Население страны в трудах различных авторов часто сравнивали с «плавильным котлом» этносов, характеризуя американцев как «нацию мигрантов». Уже не одно десятилетие американцы всеми доступными средствами отстаивают внутри своей страны и за ее пределами эти идеи и принципы. Самое «открытое общество» в человеческой истории гордится своими достижениями в борьбе за демократию и права человека. Ни одна война, ни один военный конфликт с участием США не проходил без веры в то, что это совершается во имя свободы людей, борьбы за демократические принципы и права угнетенных. Будь то права чернокожих рабов в гражданской войне Севера и Юга или права немецких евреев, дискриминируемых правительством Рейха, Америка всегда не безучастна.

Но сами американцы живут (жили) по тем принципам, которые их страна так активно отстаивает столь продолжительное время? Многочисленные и недавние по времени факты свидетельствуют о том, что в США политика мультикультурного общества завершилась полным провалом и крахом. Даже не рассматривая обострившуюся с началом XXI в. проблему исламского терроризма, можно сказать, что не существует единой американской нации, но то, что ошибочно считалось таковой, на самом деле глубоко конфликтное, фрагментарное образование, раздираемое национальной и расовой враждой.

Например, напряженные отношения существуют между американцами европейского и африканского происхождения, по официально принятой в США терминологии – между «белыми» и «черными». Взаимное недоверие между ними часто приводит к росту уголовных преступлений на расовой почве. При этом преступления черных против белых значительно более частое явление. В 2005 г. анализ опросов жертв преступлений

показал, что лишь 3 % чернокожих стали жертвами белых преступников, в то время как черные в 45 % случаев совершали насилие против представителей белой расы и в 43 % – против других афроамериканцев. При этом, как отмечает Дж. Тэйлор, насилие белых против черных, такое как убийство Джеймса Берда в 1998 г., хорошо освещено СМИ, но расовые убийства, совершенные чернокожими, получают мало огласки [4, с. 230].

Браки между американцами европейского и африканского происхождения, положительно освещаемые в СМИ, по-прежнему редкое явление. Это же можно сказать и о других смешанных браках в США: в 2014 г. доля таких браков среди американских семей составляла лишь 8 %, в 2008 – 5,6 %, в 1980 – 2,6 % [4, с. 78]. Несмотря на незначительный рост за последние более чем 30 лет, общая тенденция неприятия смешанных браков американцами сохранилась. Криминальная статистика частично объясняет подобное положение дел: случаи убийств супругов в межрасовых браках в 7,7 раза чаще по сравнению с браками представителей одной расы [4, с. 127].

Сегрегацию (раздельное существование) можно констатировать и в отношении мест проживания. «В таких городах, как Нью-Йорк и Чикаго, – пишет Дж. Тэйлор, – черно-белое разделение мест проживания не изменилось с 1920 года» [4, с. 59]. Когда же по тем или иным обстоятельствам принцип сегрегации нарушается и однородное по расовому составу население становится смешанным, демографы прогнозируют рост проблем и напряженности [4, с. 61]. Насколько серьезными могут быть данные проблемы и напряженность, свидетельствует феномен, который американский демограф Уильям Фрей назвал «выталкивающим фактором»: как только происходила массовая миграция не белых граждан в места, традиционно населенные белыми американцами, абсолютное большинство последних просто переезжало в другие штаты, покидая тем самым свои привычные места жизни [4, с. 65]. Такова печальная участь многих городов, навсегда покинутых своими гражданами и ставших «городами-призраками» – полупустыми, опасными для жизни ввиду расцветшей преступности территориями. Наиболее яркий пример таких городов – Детройт, бывший крупный мегаполис и промышленный центр. Правда, существуют и другие объяснения процесса депопуляции в этом городе. Например, одно из них сводится к тому, что в силу экономических причин в Детройте были закрыты градообразующие автомобильные заводы, что привело к тотальному сокращению рабочих мест и миграции трудоспособного населения в другие города. Однако это объяснение может быть признано лишь отчасти: население некогда крупного города не может состоять из одних лишь рабочих заводов. Концепция У. Фрея представляется в этом случае более обоснованной.

Стремление к сегрегации наблюдается и при посещении церквей. Известно, что США – страна, где большинство граждан называют себя верующими (в основном христианами – протестантами, реже католиками). По данным одного американского исследования 2007 г., у 95 % церквей общины состоят не менее чем на 80 % из людей одной расы или этнической группы [4, с. 72].

Напряженные отношения между белыми и черными в США, по мнению Дж. Тэйлора, не ограничиваются одними актами насилия и уголовными преступлениями. Политическую специфику напряжению задают такие факты, как сознательный отказ многих афроамериканцев петь национальный гимн страны. Вместо него они предпочитают петь собственный гимн афроамериканцев «Lift every voice and sing» [5, с. 237]. Также звездно-полосатый флаг США негритянское население в основной массе не признает, а имеет свою версию флага, где белые полосы заменены на зеленые, прямоугольник со звездами – черный, а сами звезды – красные [5, с. 236]. Даже Декларацию независимости США политики с черным цветом кожи открыто и публично игнорируют и не считают своей [4, с. 237].

Также можно наблюдать и религиозные конфликты в связи с усилением в традиционно христианских США исламского влияния. Некоторые мусульманские жители открыто нарушают лояльность Америки – страны, где они родились и прожили всю свою жизнь. После террористических атак 11 сентября среди мусульманских граждан США нашлись такие, которые открыто поддержали предполагаемых террористов. Один из таких был Мохамад Юниад, сын пакистанских иммигрантов. Он покинул страну, где вырос, и вернулся обратно в Пакистан, чтобы присоединиться там к талибам. При этом заявил: «Я могу предъявить американский паспорт, но я не американец, я мусульманин... Я убью каждого американца, которого увижу в Афганистане» [4, с. 155]. По мнению Дж. Тэйлора, подобные действия не редкость среди американских мусульман. Десяткам рожденных и натурализованных в США были предъявлены обвинения в поддержке исламских террористов, а многие из них активно поддерживают идею Джихада – священной войны с «неверными». Так, Ширва Ахмед, рожденный в Сомали натурализованный гражданин США, живший в Миннеаполисе, стал первым известным американским террористом-смертником, когда взорвал себя в Эфиопии в 2008 г. Во время теракта погибли 24 человека. К февралю 2010 г. по крайней мере трое других сомалийских американцев погибли за экстремистскую организацию «Аль-Шабааб» в Сомали [4, с. 155]. Иногда, впрочем, враждебность оборачивается враждебностью. В 2006 г. пяти ортодоксальным еврейским подросткам было предъявлено обвинение в преступлениях на почве ненависти за нападение на 24-летнего Шахида Амбера возле магазина сладостей в Нью-Йорке [4, с. 156].

Невозможно уверенно сказать, насколько данные факты подвергаются гласности и признаются политическим истеблишментом США. Существует мнение американских ученых, таких как Дж. Тэйлор, что Америка в лице своей политической элиты не желает признавать очевидного факта – полного провала своей мультикультурной политики. В мультикультурализм продолжают верить, как верят в некую «догму». Как одна из ведущих стран мира США продвигает эти принципы и на международной арене, иногда навязывая их другим странам, где, по их мнению, недостаточно соблюдаются права граждан и демократические свободы. В свою очередь подобное игнорирование объективной реальности лишь усугубляет реальные проблемы мультикультурной действительности, которая являет собой не что иное, как утопию, глубоко противоречащую действительности и имеет с ней мало общего. Эта утопия порождает многочисленные конфликты в планетарном масштабе и является неблагоприятной с точки зрения мирного развития и безопасности.

ООН, тщательно проанализировав и изучив период с 1989 по 1992 г., пришла к выводу, что из 82 конфликтов, которые произошли за это время, 79 были результатом религиозной или этнической ненависти внутри границ стран [5, с. 451]. Сохраняется эта закономерность и ныне.

Однако существует и более глубокая связь между мультикультурностью и демографией. Она носит объективный и закономерный, биологический характер, а значит, выступает некой изначальной данностью, социальным законом, который помогает понять причины нежелания людей жить и бесконфликтно сосуществовать с представителями других вероисповеданий, этнических и национальных групп или рас.

Мультикультурность и демография

Сейчас в наиболее мультикультурных регионах мира, к которым можно отнести Европу и Северную Америку, самая низкая рождаемость. Безусловно, отчасти причины этого явления нужно искать в эгоцентризме, порожденном материальным благополучием и комфортом. Однако со значительной долей уверенности можно предположить, что проблема не только в эгоцентризме. С регулярным постоянством в СМИ повторяется

идеологема о «перенаселенности мира». Это не может не сказываться на развитых в техногенном отношении странах с их интенсивной информационной средой. Таким образом, в сознании людей закрепляется определенный паттерн мышления, что является фактором образования тенденции к низкой рождаемости. На самом деле не существует глобальной проблемы перенаселения, т. к. для одних регионов это может быть характерно, а для других нет. Мир не представляет собой гомогенного единства, он состоит из многих национальных, этнических, религиозных и расовых общностей, имеющих чаще всего собственные государственные образования. Говорить сегодня обо всем человечестве как о некоем континууме не представляется возможным ввиду вышечисленного. Исходя из этого проблема перенаселения не может ни в коей мере быть глобальной, т. к. касается далеко не каждого региона планеты.

Если не существует проблемы перенаселения (во всяком случае, для большинства стран Европы и Северной Америки), тогда почему нельзя решать проблему недостаточного рождения простым замещением населения из более «перенаселенных» стран? Именно так и стремятся поступать многие политические режимы Запада, открывая свои границы для мигрантов и переселенцев из Азии и Африки, а в случае США – также из стран Латинской Америки. Но здесь скорее неуместно говорить о миграции (переселении), так как сама по себе миграция бывает двух видов: онтостремительная и охлостремительная. В первом случае она направлена на незаселенные или малозаселенные регионы и наиболее близка термину «колонизация». Во втором варианте речь идет о переселении на уже заселенные территории с высокой плотностью населения, и здесь можно, в том числе, употребить термин «завоевание» или «экспансия». Так было на протяжении всего исторического пути человечества. Проникновение ли варваров на земли Западной Римской империи, или арабов на просторы Северной Африки, или викингов на Туманный Альбион – речь идет не просто о миграции, но о миграции-завоевании. Всегда в таких случаях сталкиваются интересы одних и других, и чем менее похожи их верования, культурные обычаи, традиции и устои, тем большие социальные антагонизмы можно прогнозировать. Это есть закономерность общественного бытия. Массовая миграция одних народов, наций, рас или религий на чужие территории всегда выступает открытой или скрытой формой захвата.

Оказывается, этому есть не только культурно-ценностные объяснения, но и биологические. «Степень сотрудничества между организмами может находиться в прямой зависимости от доли генов, которые для них общие, и наоборот, степень конфликта между ними является обратной функцией доли общих генов», – пишет специалист по межличностным отношениям бельгийский ученый Пьер Л. ван ден Берге [Цит. по: 6, с. 7]. Этот принцип справедлив и в отношении животных, и в отношении людей. Степень агрессии и конфликтов увеличивается прямо пропорционально увеличению генетического расстояния между различными особями у животных и индивидами у людей. Для людей (и животных) свойственно идти на жертвы ради собственного потомства. Можно даже сказать, что такое поведение воспринимается как должное и априорно заданное, «прописанное» в самой природе существа. Также это свидетельствует о бессознательном стремлении передать свои гены будущим поколениям. Подобное объяснение не следует рассматривать в качестве радикального примера биологического детерминизма, но как вполне научную попытку ученого из Бельгии объяснить поведение человека с точки зрения его природной (биологической) сущности.

Для любых живых существ на планете свойственно защищать свою территорию от вторжения. И если в одном случае группы, имеющие близкое родство, могут сосуществовать, не вступая в конфликт, то в других вариантах неспособность к защите своей земли от проникновения чужаков ставит под сомнение само коллективное выживание ввиду возросшей конкуренции за основные источники жизнедеятельности. «Наша

поведенческая предрасположенность к этнической семейственности превратилась в борьбу за существование, потому что это было рациональным и полезным», – пишет финский профессор Тату Ванханен [7, с. 16]. И есть все основания считать, что базовые (биологические) поведенческие паттерны человека сохраняются неизменными в любое время – сегодня, как и тысячи лет назад.

Первичным показателем генетической близости является внешний вид. Нормальным и здоровым с точки зрения биологии выступает желание и стремление иметь потомство, обладающее теми же внешними признаками, что и родитель. Это настолько естественно и гармонично, что во все времена составляло и составляет предмет особой гордости для тех родителей, дети которых унаследовали их внешние черты. Это справедливо для любой точки на планете. И речь, конечно, не только о бытовых сентиментальностях или эстетическом чувстве, но о глубинных механизмах человеческого существа, заставляющих испытывать чувства удовлетворения и радости от осознания и созерцания своих черт и качеств, унаследованных потомками. Для психически здоровой личности нормой является любить себя, свое тело, проявлять о нем заботу. Это естественно, органично, априорно. Приблизительно то же можно сказать о членах своей семьи, которым свойственно отдавать предпочтение в сравнении с другими людьми. Это же правило действует и в отношении своего места жительства, своего региона, своей страны, своего народа или расы. Предпочитать «свое» «чужому» – это нормальное поведение любого живого существа. Речь идет о предпочтении, приоритете, не об агрессии к другим, не об их неприятии. Видеть себя в других, подмечать свое внешнее сходство с ними – это «программа», заложенная в человеке от природы, это не что иное, как стремление к биологической целостности.

Могут возразить, что нельзя найти на Земле абсолютно «целостные» с точки зрения биологии или культуры сообщества. Людям свойственно заключать браки не только в рамках своего этноса, нации, расы или веры. Образованные семьи и дети в них тем самым будут выражать «разнообразие». Однако, как бы ни продвигали искусственно эту идеологему, можно видеть на примере самых мультикультурных регионов мира (например, США), что подобные браки даже там составляют исключение из правила и не превышают 8 % процентов от общего числа [4, с. 78]. Кроме того, любые смешанные браки являются демографической угрозой тому сообществу, которое численно меньше, тем самым оно просто рискует быть ассимилированным, «растворенным» в более крупном образовании. Если общность людей желает сохранить свою культурную и биологическую идентичность, оно должно стремиться избегать возможного смешения с другими, численно превосходящими общностями. Именно так удалось сохраниться на протяжении столетий истории еврейскому народу, который не имел своего государства около двух тысяч лет, его разбросанные по разным регионам малочисленные представители часто не знали родного языка. Но он сохранил свою религию, а с ней и строгий запрет на вступление в брачные отношения с «чужаками», что послужило главным фактором, препятствующим его ассимиляции. Конечно, нередко этот запрет нарушался, по-другому и быть не могло, учитывая все противоречивые, неоднозначные и нередко иррациональные мотивы человеческого бытия. Но тенденция к сегрегации от других и сохранению своей идентичности была сильнее, мультикультурализм большинством евреев был отвергнут как первичная опасность их демографического выживания. Сегодня еврейские ученые и специалисты по генетике утверждают, что евреи не только народ или нация, но также и раса, так как проведенные исследования демонстрируют у них отличительный от других рас генетический признак [8].

В XXI в. на месте евреев оказались представители белой, европеоидной расы. Их общая численность от населения мира составляет около 10 % и имеет тенденцию к постоянному уменьшению [5, с. 458]. Борются с низкой рождаемостью привлечением

мигрантов из стран Азии, Африки или Латинской Америки – значит усугублять проблему и трансформировать ее из просто сложной в нерешаемую. Непонимание этого, широкая пропаганда среди европейцев, американцев, канадцев, австралийцев мультикультурных ценностей, смешанных браков с представителями других рас ставит всю расу европеоидов и каждый ее этнос в отдельности на грань демографической катастрофы. Если биологи бьют тревогу, когда какой-то вид живых существ исчезает с планеты, заносят этот вид в Красную книгу и предпринимают все возможное для его сохранения, то почему никто не бьет тревогу в связи с исчезновением на Земле представителей целой расы и ее уникальных, самобытных, культурно развитых наций и народов? Разве пример Древнего Рима, Византии, Египта и прочих ушедших и утраченных цивилизаций не говорит о том, что без биологической преемственности нет и культурной? Те многочисленные духовные, политические или экономические достижения «белых» этносов, которые они явили миру, будут утрачены с их исчезновением. Об этом говорит весь опыт предыдущей истории человечества. Каков будет мир будущего в таком случае, можно только догадываться. Но сами европеоиды, их нации и народы должны осознать нависшую над ними опасность исчезновения, отказаться от мультикультурной утопии и начать предпринимать меры по защите своих расовых интересов и связанной с ними демографической безопасности.

Заключение

На основе эмпирических и теоретических данных, характеризующих общественный феномен мультикультурализма (в том числе на многочисленных примерах из социальной реальности), можно сформулировать следующие выводы:

1. Принятие себя, своего тела и своей индивидуальности для любого человека естественно и нормально. Любовь и принятие своей семьи, места своего рождения, своего народа, своей нации, своей расы и религии есть не ксенофобия, но отстаивание своих прав на жизнь. Это объективно и закономерно.

2. Отдавать предпочтение чужому в ущерб своему, заботиться о сохранении культурного разнообразия любой ценой, проявляя толерантное отношение к не одобряемому большинством населения ценностям различных меньшинств – противоестественно и социально опасно. Многочисленные примеры прошлого и настоящего показывают сколь может быть глубоко конфликтен, неустойчив и демографически напряжен мультикультурный социум.

3. Для общностей, которые находятся на стадии популяционного кризиса и численность которых невелика по отношению к другим общностям, тенденция ориентации на мультикультурные ценности и вовсе является социально деструктивной перспективой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мальковская, И. А. Многоликий Янус открытого общества: опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации / И. А. Мальковская. – М. : URSS : КомКнига, 2005. – 268 с.

2. Хабермас, Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий [Электронный ресурс] / Ю. Хабермас. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/797/836/1219/006_Habermas_45-53.pdf. – Дата доступа: 18.11.2019.

3. Кукатас, Ч. Теоретические основы мультикультурализма [Электронный ресурс] / Ч. Кукатас. – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/>. – Дата доступа: 18.11.2019.

4. Тэйлор, Дж. Белое самосознание: расовая идентичность в XXI веке / Дж. Тэйлор. – М. : Икс-Хистори : Кучково поле, 2014. – 496 с.
5. Тэйлор, Дж. Гонка со временем: расовые ереси в XXI столетии / Дж. Тэйлор. – М. : Икс-Хистори : Кучково поле, 2016. – 480 с.
6. Van den Berghe, P. L. The Ethnic Phenomenon [Electronic resource] / P. L. Van den Berghe. – Mode of access: <http://bookre.org/reader?file=1394152>. – Date of access: 28.12.2017.
7. Vanhanen, T. Ethnic Conflicts Explained by Ethnic Nepotism / T. Vanhanen. – Stamford : JAI Press, 1999. – 370 p.
8. Ostrer, H. Legacy: A Genetic History of the Jewish People [Electronic resource] / H. Ostrer. – Mode of access: <https://www.haaretz.com/jewish/dna-links-prove-jews-are-a-race-says-genetics-expert-1.5220113>. – Date of access: 17.06.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.12.2019

Gutsalyuk M. A. Multiculturalism in the Context of Demographic Security of Ethnic Groups

This article aims to examine the socio-political phenomenon of «multiculturalism». The author tries to see the connection of this phenomenon of social and political life with demographic processes. Much attention is paid to the analysis of the real state of the most multicultural societies of our time. The phenomenon of segregation as an alternative to multiculturalism is explained. The article gives the author's point of view on the relationship between demographic processes and multiculturalism. In this regard, the problem of migration of ethnic groups, nations and races is particularly closely considered. The main types of migration are considered. The phenomenon of multiculturalism is estimated negatively by the author, because it is not natural for human nature and is imposed on him by representatives of the political elite. Thus, the balance of the natural order of things is disturbed, which has an extremely negative impact on the demographic and population characteristics of society. The author tries to give the problem under consideration both socio-philosophical and demographic vision. The reform, the specificity of this work is its binary character.

Н. А. Антанович

д-р полит. наук, зав. каф. политологии
Белорусского государственного университета
e-mail: ninaant66@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРИКЛАДНОГО ПРИМЕНЕНИЯ «ЦИФРОВОЙ ПОЛИТОЛОГИИ»

Поставлена цель рассмотреть основные направления становления и прикладного применения «цифровой политологии». Показано, что в социальных науках сформировались концепции новой социальной дифференциации и новых форм эксплуатации в силу низкой компьютерной грамотности («компьютерной бедности»). Приведено авторское определение и выявлены основные направления «цифровой политологии»: 1) изучение новых социальных медиа (Web 2.0), 2) разработка технологий воздействия на социальные группы и отдельных индивидов посредством применения новых социальных медиа, 3) разработка цифровых методов изучения социума в целом и его отдельных подсистем. Особое внимание уделено SMM-политологии и цифровому маркетингу в политических кампаниях. Выявлено, что наиболее значимым направлением «цифровой политологии» является разработка цифровых методов изучения политического пространства, таких как сбор данных цифровых следов, анализ социальных сетей, компьютерная обработка естественного языка и анализ текстов, интеллектуальный анализ данных, геопространственный анализ. Обозначена проблема для политологов и представителей других социальных наук: специфика разработки и применения цифровых технологий в полной мере осознается лишь специалистами, обладающими профессиональными знаниями в сфере производства компьютерных систем и программного обеспечения к ним.

Введение

Развитие социальных наук в той или иной стране в значительной степени определяется как наличием прикладных разработок для решения общественных проблем, так и уровнем развития самого социума. Аксиомой стало положение: чем сложнее социум, тем более дифференцированной становится социальная наука, тем детальней дробятся предметные исследовательские поля между отдельными научными дисциплинами (а далее будет востребован их междисциплинарный синтез). Меняется социальная действительность – меняются и теории, ее объясняющие, и методы, позволяющие собирать эмпирическую информацию. Информационное общество, стремительно ставшее реальностью XXI в., изменило наш образ жизни, порядок выстраивания отношений с окружающим миром, дифференциацию реальности и ее сконструированных виртуальных презентаций. Границы между «офлайн»- и «онлайн»-феноменами стали предметом пристального внимания и изучения. Новая конфигурация социальности в сравнении с предыдущими эпохами, даже периодом XX в., провоцирует переосмысление методологического инструментария познания социально-политических явлений, специальных методов получения и переработки информации, а также самих новых социальных медиа, их влияния на поведение индивидов. Указанные трансформации цифровой эпохи нашли отражение в новом широком направлении развития социологии и политологии – цифровой социальной науке, ядро которой составляют *цифровые методы* сбора и обработки данных социально-политического характера. Вклад в разработку нового направления внесли авторы книги «Цифровые методы для социальных наук. Междисциплинарное руководство по научным инновациям» [1]. В 2015 г. вышла книга Д. Луптон «Цифровая социология» [2]. Ранее, в 2013 г., опубликовано исследование «Цифровая социология: критические перспективы» (основные авторы К. Ортон-Джонсон, Н. Приор).

В 2013 г. указанная проблематика изучалась А. Эдвардсом, У. Хаусли, М. Уильямсом, Л. Слоуном и др. [3].

Среди университетских центров, занимающихся цифровыми исследованиями, лидируют MATRIX – Центр цифровых гуманитарных и социальных наук Мичиганского университета [4], Манчестерский центр электронных исследований [5], Цифровая по-литологическая группа Копенгагенского университета [6]. В Лондонском университете Голдсмит открыта специализация для студентов в области цифровой социологии [7]. В Российской Федерации в НИУ ВШЭ с 2016 г. действует Центр цифровых гуманитарных исследований, объединяющий специалистов на стыке компьютерных методов и гуманитарного знания [8]. В России издаются журналы «Цифровая социология» (с 2018 г.) и «Вестник Digital Humanities». Развитие цифровых социальных наук продвигается российскими авторами Е. Ю. Журавлевой, Л. В. Земнуховой, С. В. Володенковым, В. Ф. Ницевичем. В Украине цифровизацию социальных наук одной из первых начала изучать О. Н. Кислова. В Беларуси цифровизацию социальных наук исследуют Е. М. Ильина, С. В. Масленченко, Г. Г. Головенчик, Г. П. Коршунов.

Цель статьи – рассмотреть основные направления становления и прикладного применения «цифровой политологии».

Объект исследования – цифровая трансформация социально-политической сферы социума. Предмет – особенности становления и прикладного применения «цифровой политологии».

Начнем с понятия «цифровизация» (используется также понятие «цифровая трансформация»). Цифровизация означает использование цифровых технологий для повышения эффективности, конкурентоспособности субъектов производственной деятельности, а также для обеспечения инфраструктуры социальных коммуникаций. Цифровизация – феномен шестого технологического уклада четвертой промышленной революции. Ряд авторов указывают на ключевые направления развития цифровых технологий будущего. Сошлемся на публикацию А. Чеботарева, который отмечает: в то время как «на распространение электричества в XX в. ушло более трех десятилетий, планшетные компьютеры вошли в повседневность за 3–4 года». Направления развития цифровых технологий – искусственный интеллект и машинное обучение, блокчейн и криптовалюты, большие данные (Big Data), Интернет вещей (Internet of Things), телемедицина, дополненная и виртуальная реальность, чат-боты и виртуальные помощники, нейросети, компьютерное зрение [9].

Отметим особое значение больших данных для социальных наук. Большие данные – это огромные неструктурированные массивы оцифрованной информации, собираемой из различных источников с помощью современных компьютерных средств.

Если цифровизацию трактовать как применение цифровых технологий, то следует отметить, что аналогичный смысл вкладывается в понятие информационные/информационно-коммуникативные технологии (ИКТ). Под ИКТ понимается совокупность методов, процессов, технических устройств и программных средств для сбора, обработки, передачи, использования и хранения информации. ИКТ = технические компьютерные устройства + программное обеспечение.

Однако в новейших публикациях используется терминология, основанная на понятии «цифровизация», претендующем на более точное отражение процессов передачи, хранения и обработки информации. С технической точки зрения цифровые технологии отличаются от аналоговых, поскольку основаны на применении *дискретных* сигналов передачи данных. *Цифровая социальная наука* развивается наряду с исследованиями в области коммуникации (изучение традиционных СМИ, медиа-интернет-технологий и киберкультуры).

Определения ИКТ и цифровых технологий в полной мере осознаются лишь специалистами, обладающими глубокими знаниями в сферах производства компьютерных систем и программного обеспечения к ним. Пользователи продуктов цифровизации чаще всего не понимают особенностей работы сложных компьютерных систем. На этом основании в социальных науках уже сформировались концепции новой социальной дифференциации и новых форм эксплуатации в силу низкой компьютерной грамотности («компьютерной бедности»). Так, общество делит на «высшую цифровую страту посвященных» и «низшую цифровую страту подконтрольных пользователей». Представители высших цифровых страт способны не только производить программный продукт, но и контролировать процессы сбора личных данных пользователей, т. е. представителей низших цифровых страт. С. В. Володенков указывает: «Рядовому пользователю недоступны компетенции и возможности сбора массивов данных... Представители “низшей цифровой касты” не имеют возможности доступа даже к собственным цифровым профилям». Представители data-класса «обладают потенциалом для формирования и аналитической обработки Big Data» [10, с. 41, 42]. В информационном, даже можно сказать цифровом, обществе политическим элитам удастся сохранить свой статус, используя потенциал компетентного data-класса.

Сама социальность, пронизанная сетевыми отношениями и чрезвычайно быстрыми коммуникациями, меняется. Авторы статьи «Цифровые социальные исследования, социальные медиа и социологическое воображение» указывают, что «технологические инновации в области цифровых коммуникаций, воплощенные в переходе от информационной сети (Web 1.0) к интерактивной сети (Web 2.0), открывают новые возможности и проблемы для социальных исследований» [3, с. 246]. В книге «Цифровые методы для социальных наук. Междисциплинарное руководство по научным инновациям» утверждается: «Процесс цифровизации сегодня приобретает новую форму, поскольку цифровые устройства в настоящее время сами преобразуют социальную жизнь таким образом, что она делает ее доступной для социальных исследований беспрецедентными способами... развитие социальных сетей, распространение мобильных устройств порождают распространение цифровой аналитики и нового аппарата исследования социальной жизни» [1, Введение, с. VIII].

Е. Ю. Журавлева вслед за западными авторами (Д. Лазер, А. Пентланд, Л. Адамик, С. Арал, А. Барабаси, Д. Брюер, Н. Кристакис, 2009) применяет термин «*вычислительные социальные науки*» (Computational Social Science), означающий научное направление для изучения «огромных по объему источников данных (например, данные e-mail, микроблогов, веб-источников) для изучения поведения людей» [11, с. 27].

Ряд современных научных публикаций посвящен «*цифровой социологии*» (Digital Sociology). В западной литературе ее определения разрабатывались Дж. Винном (2009), Р. Нилом (2010), Д. Луптон (2012), К. Ортон-Джонсоном и Н. Приором (2013). Изучение цифровой социальной науки стало неотъемлемой частью ряда русскоязычных исследований. Так, Л. В. Земнухова определила цифровую социологию как «набор методов сбора и анализа цифровых данных» [12, с. 64]. В. Ф. Ницевич утверждает, что общественные изменения, вызванные цифровизацией, «стали плохо восприниматься, описываться и объясняться существующими социологическими теориями» [13, с. 20]. О. Н. Кислова (2013) обратила внимание на причины становления цифровой социологии:

1) пересмотр методологии социологических исследований в связи с тем, что «экспансия новых медиа практически во все сферы жизнедеятельности современного человека кардинально изменила привычное восприятие социальной реальности, расширив ее в сторону виртуального онлайн-мира» [14, с. 11];

2) распространение новых видов вторичной социологической информации и внедрение методов «майнинга», для которого применяется косвенная оцифрованная информация;

3) «кризис эмпирической социологии, связанный прежде всего с кризисом метода опроса» [14, с. 12];

4) «цифровая революция в социальной теории» и новые перспективы развития социологической теории [14, с. 13].

Можно заключить, что появление такого исследовательского направления, как цифровые социальные науки, связано главным образом с совершенствованием их теоретико-методологического инструментария.

С нашей точки зрения, **«цифровая политология»** – отрасль исследования политических феноменов, реализующихся посредством применения современных информационных технологий («новых социальных медиа»), характеризующаяся применением специализированных методов сбора и обработки информации (о них речь пойдет далее).

Мы считаем, что цифровая социальная наука (включая «цифровую политологию») – комплекс направлений научно-исследовательской работы, предметом которой выступают:

1) новые социальные медиа (Web 2.0);

2) разработка технологий воздействия на социальные группы и отдельных индивидов посредством применения новых социальных медиа;

3) разработка цифровых методов изучения социума в целом и его отдельных подсистем.

Первое направление цифровой социальной науки и цифровой политологии – это исследование социальности через призму цифровой среды, разработка и применение инструментов, созданных на основе *новых социальных медиа*. Новые социальные медиа – это социальные сети, блоги и микроблоги, интернет-форумы и комментарии, чаты, мессенджеры, сайты электронной коммерции, онлайн-игры. Используя интерактивные социальные медиа в повседневной жизни посредством портативных устройств, мы находимся под перекрестным массированным воздействием ряда заинтересованных лиц, влияющих на аудиторию посредством таргетированной рекламы, и оставляем «цифровые следы». Цифровой след – информация о действиях индивида в интернет-пространстве. Google, Facebook, Twitter и т. п. обладают огромными возможностями получения полного профиля пользователя, в т. ч. на основе анализа цифрового следа.

Второе направление цифровой социальной науки и «цифровой политологии» – это разработка *технологий воздействия на социальные группы и отдельных индивидов* посредством применения новых социальных медиа. Цифровые технологии позволяют индивидуализировать воздействие на отдельных людей. При конструировании политических технологий для различного типа политических кампаний применяют сбор личных данных посредством Big Data, а также прослеживание цифрового следа пользователей Интернета.

Все более широкое распространение получают анализ социальных сетей, а также SMM-политология. SMM (Social media marketing) – маркетинг, применяемый в социальных сетях, как инструмент продвижения и продаж товаров (в т. ч. политического «товара»). SMM-политология сфокусирована на активности политика именно в социальных сетях, а не просто в интернет-пространстве. «В инструментарий SMM-политолога входят системы мониторинга СМИ и социальных медиа, парсеры, сервисы анализа контента» [15]. Парсер – специальное программное обеспечение для сбора данных (чаще всего текстовых данных) и их преобразования в структурированный формат. Парсер сканирует наполнение веб-страниц, копирует заданную пользователем информацию. Для анализа социальных сетей также применяют API – Application Programming

Interface. API предоставляются многими социальными сетями и служат для создания приложений. Так, сайт <https://code.google.com/> содержит множество API, которые могут быть применены при разработке различных приложений. Ряд сайтов используют cookie для аналитики персонализированного контента и рекламы. Пользуясь Интернетом, часто можно встретить фразу: «Просматривая этот сайт, Вы соглашаетесь на использование нами файлов cookie, которые помогают анализировать...». Приведем пример: «Google Аналитика – это простой, но эффективный инструмент, позволяющий отслеживать поведение пользователей на сайте. Установив теги JavaScript (библиотеки), владелец сайта сможет получать информацию о страницах, на которых побывал пользователь. Чтобы “запомнить”, что пользователь делал на просмотренных ранее страницах или во время предыдущих посещений, библиотеки JavaScript Google, аналитики применяют файлы cookie HTTP» [16].

Американские исследователи Дж. Честер и К. Монтгомери весьма подробно и объемно представили роль цифрового маркетинга в политических кампаниях. Говоря о применении технологий цифрового маркетинга в избирательных кампаниях как о «браке политики и коммерции», они употребили понятие «вычислительная политика» (computational politics) [17]. Дж. Честер и К. Монтгомери сравнили XX в. и эпоху распространения Интернета: «С середины XX в. политконсультанты и различные пиар-агентства применяли опросы, фокус-группы, психографию для совершенствования влияния на избирателей через каналы радио, ТВ, прямой почтовой рассылки. ...С появлением Интернета начали применять цифровые технологии и инструменты для мобилизации явки избирателей, привлечения молодежи, сбора денег и в целом для работы с избирателями на низовом уровне... С момента появления в середине 1990-х годов цифровой маркетинг основывается на непрерывном сборе данных и мониторинге моделей поведения в Интернете отдельных индивидов» [17, с. 2–3]. Подчеркнем со своей стороны, что цифровой след пользователя в Интернете позволяет собрать его персональные данные, в том числе выявить политические пристрастия. Google, YouTube, Facebook, Twitter и др. в развитых странах стали играть ведущую роль в политических кампаниях, предлагая программные продукты для политических целей (от сбора информации о пользователях-избирателях до целенаправленного воздействия на них). Для влияния на избирателей задействуются различные электронные устройства – от обычных компьютеров до смартфонов.

Наиболее громкой и скандальной стала история связи Facebook и британской консалтинговой компании Cambridge Analytica (CA) (2013–2018). CA принимала участие в ряде избирательных кампаний в США, включая президентскую кампанию Д. Трампа 2016 г. CA занималась сбором данных о пользователях социальных сетей (использовался Facebook) с целью составления их психологических портретов и продвижения персонализированной политической рекламы в социальных сетях. В Facebook была запущена викторина «Ваша цифровая жизнь», участвуя в которой пользователи оставляли обширную персональную информацию не только о себе, но и о близких людях, друзьях. «Собрав данные 87 млн человек, CA таргетировала на них политическую рекламу. После обнародования и скандала Facebook потерял 40 млрд долларов из-за падения котировок акций и 5 млрд долларов штрафа» [18].

Обращая внимание на примененные методы, отметим, что специалисты CA использовали *психологический поведенческий анализ* (модель М. Косинского), *изучение больших данных, целевую/таргетированную рекламу*. М. Косинский, специалист в области психометрии, разработал алгоритм, позволивший по лайкам в Facebook, выявить политические (и не только) ориентации человека. Применялись пять основных показателей: открытость новому, интроверсия/экстраверсия, ответственность, доброжелательность, невротизм.

Дж. Честер и К. Монтгомери подчеркивают, что психография, связанная с изучением настроения и эмоциональным тестированием, активно используется в индустрии цифровой рекламы. Google продвигает такую область исследований, как «аналитика эмоций» (Emotion Analytics) [17, с. 9–10]. При производстве рекламы применяется нейро-маркетинг, суть которого состоит в выявлении реакции определенных центров головного мозга на рекламную информацию с помощью техники, фиксирующей нейрофизиологические процессы (КТ, МРТ, измерение частоты дыхания, уровня давления, фокусировки глаз). К примеру, в избирательной кампании Д. Трампа применялась система цифрового маркетинга Facebook. Избиратели были разбиты на три ключевые группы: «белые либералы-идеалисты», «молодые женщины», «афроамериканцы», а социальная сеть Facebook применила свои стандартные рекламные инструменты: «пользовательские аудитории», «темные посты», «персонализированные сообщения» [17, с. 13].

Третье направление цифровой политологии – разработка *цифровых методов изучения политического пространства*. А. Эдвардс, У. Хаусли, М. Уильямс, Л. Слоун (2013) сделали вывод, что новые социальные медиа и расширенный доступ к Интернету с помощью портативных устройств «генерирует новые формы данных, имеющих важное значение для социальных исследований, а также новые методы анализа такого рода данных». «Традиционные методы не позволяют понять, как устроены социальные отношения... Цифровые методы... предлагают доселе невиданные возможности изучения социальных процессов» [3, с. 247].

Когда мы говорим об источниках эмпирической информации в социальных науках, то традиционно выделяем две группы методик сбора фактов: документальные и полевые исследования. Сейчас можно выделить еще одну группу – сетевые источники (интернет-источники). При этом первые две группы методик все чаще используются исследователем посредством сетевых источников.

Какие же методы сбора и обработки информации доступны политологу благодаря цифровой политологии? Цифровая политологическая группа Копенгагенского университета применяет компьютерные методы для обработки данных, полученных устоявшимися («традиционными») методами, а также *данные цифровых следов*: анализ социальных сетей, компьютерную обработку естественного языка и анализ текстов, интеллектуальный анализ данных [6].

Е. Ю. Журавлева систематизировала методы цифровых социальных наук следующим образом:

1) метод *«автоматической добычи информации»* (может применяться для мониторинга трендов в развитии политической ситуации либо для контент-анализа политической риторики);

2) *анализ социальных сетей* (направлен на изучение профилей и контактов пользователей социальных сетей);

3) *геопространственный анализ* (используется для изучения пространственного распространения идей/мнений с применением географических информационных систем, систем геолокации; может применяться для построения карт городских сообществ);

4) метод *«моделирования сложности»* (математические техники, применимые для выявления особенностей взаимодействия элементов в системах с нарушением равновесия, к примеру конфликтных ситуаций, рыночных флуктуаций);

5) *агент-основанное моделирование* (может применяться для изучения взаимодействия агентов со средой и для изучения возникновения организаций) [11, с. 27–29].

Отметим, что мобильные устройства позволяют определять пространственное положение и передвижение человека (к примеру, посредством GPS – глобальной системы позиционирования). Дж. Честер и К. Монтгомери указывают: «В ходе президентских выборов 2016 г. в США на мобильные устройства избирателей направлялась рек-

лама, исходя из их интереса к «таким оспариваемым темам, как закон об оружии, однополые браки, мошенничество в ходе избирательных кампаний?» [17, с. 17–18].

Авторы монографии «Сетецентрические методы в государственном управлении» Л. В. Савин, С. Н. Федорченко, О. К. Шварц предлагают использовать «*сетецентрический мониторинг*» по следующим источникам: данные Росстата; официальная информация, сводки, заметки, размещенные органами госуправления в сети Интернет; записи в социальных сетях и оценочные метки («нравится / не нравится»); поисковые запросы. «Система мониторинга “24/7/365” должна оценивать возможности возникновения конфликтных, острых социальных ситуаций в том или ином регионе в режиме реального времени» [19, с. 63–64]. Предлагается программным способом выявлять общественные запросы [19, с. 65].

Перечисленные выше методы являются вариантами *анализа больших данных* и относятся к вычислительным методам анализа и моделирования социальных феноменов.

Заклучение

Таким образом, «*цифровая политология*» – отрасль исследования политических феноменов, реализующихся посредством современных информационных технологий («новых социальных медиа»), характеризующаяся применением специализированных методов сбора и обработки информации. «Цифровая политология», стимулированная процессами трансформации социального посредством цифровых технологий, наиболее ярко проявляется в новых цифровых методах сбора и обработки эмпирической информации.

Основными направлениями становления и прикладного применения «цифровой политологии» являются:

- 1) изучение новых социальных медиа (Web 2.0);
- 2) разработка технологий воздействия на социальные группы и отдельных индивидов посредством применения новых социальных медиа;
- 3) разработка цифровых методов изучения социума в целом и его отдельных подсистем.

Методология «цифровой политологии» стремительно развивается по нескольким направлениям:

- 1) совершенствование статистических методов компьютерной обработки данных;
- 2) применение компьютерных технологий для создания цифровых моделей политического процесса;
- 3) анализ больших данных с акцентом на политическом участии (психологический поведенческий анализ).

Наиболее доступными методами «цифровой политологии» являются:

- 1) *анализ социальных сетей* (изучение профилей и контактов пользователей социальных сетей);
- 2) компьютерная обработка естественного языка и анализ текстов;
- 3) *геопространственный анализ* для изучения пространственного распространения идей/мнений, построения карт городских сообществ;
- 4) «*сетецентрический мониторинг*».

Технологии продвижения активности политика в социальных сетях обслуживает SMM-политология.

Острой проблемой для политологов и представителей других социальных наук является то, что специфика разработки и применения цифровых технологий в полной мере осознается лишь специалистами, обладающими глубокими знаниями в сферах производства компьютерных систем и программного обеспечения к ним. Пользователи

продуктов цифровизации чаще всего не понимают особенностей работы сложных компьютерных систем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Digital Methods for Social Science. An Interdisciplinary Guide to Research Innovation / ed. by H. Snee [et al.]. – London : Palgrave Macmillan, 2016. – 234 p.
2. Lupton, D. Digital Sociology: Beyond the Digital to the Sociological [Electronic resource] / D. Lupton // Research Gate. – 2013. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/259001463_Digital_Sociology_Beyond_the_Digital_to_the_Sociological. – Date of access: 09.01.2020.
3. Digital social research, social media and the sociological imagination: surrogacy, augmentation and reorientation / A. Edwards [et al.] // International Journal of Social Research Methodology. – 2013. – № 16, vol. 3. – P. 245–260.
4. MATRIX: The Center for Digital Humanities & Social Sciences [Electronic resource] // Michigan State University. – Mode of access: <http://www2.matrix.msu.edu/>. – Date of access: 09.01.2020.
5. Manchester eResearch Centre [Electronic resource] // MeRC. – 2019. – Mode of access: <http://www.merc.ac.uk/>. – Date of access: 09.01.2020.
6. Digital Political Science Group [Electronic resource] // University of Copenhagen. – Mode of access: <https://polsci.ku.dk/dpsg/>. – Date of access: 09.01.2020.
7. The MA Digital Media is unique in its combination of practical and theoretical approaches to contemporary media and technology [Electronic resource] // Goldsmiths, University of London. – Mode of access: <https://www.gold.ac.uk/pg/ma-digital-media/>. – Date of access: 09.01.2020.
8. Центр цифровых гуманитарных исследований НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ, 2020. – Режим доступа: <https://hum.hse.ru/digital/>. – Дата доступа: 09.01.2020.
9. Чеботарев, А. Цифровые технологии настоящего и будущего [Электронный ресурс] / А. Чеботарев // Авиапанорама. – 2018. – № 4 (130). – Режим доступа: <https://www.aviapanorama.ru/wp-content/uploads/2018/08/04>. – Дата доступа: 09.01.2020.
10. Володенков, С. В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы / С. В. Володенков // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2018. – № 2. – С. 39–47.
11. Журавлева, Е. Ю. Социология в сетевой среде: к цифровым социальным исследованиям / Е. Ю. Журавлева // Социол. исслед. – 2015. – № 8. – С. 25–33.
12. Земнухова, Л. В. Социотехническое в цифровой социологии: методологические возможности и ограничения / Л. В. Земнухова // Социология власти. – 2018. – Т. 30, № 3. – С. 54–68.
13. Ницевич, В. Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания / В. Ф. Ницевич // Цифровая социология. – 2018. – № 1. – С. 18–28.
14. Кислова, О. Н. Быть или не быть цифровой социологии? / О. Н. Кислова // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2013. – № 1045. – С. 10–17.
15. SMM-политология: новая дисциплина или старые методы в новой обертке? [Электронный ресурс] // Цифровой дискурс. – Режим доступа: <https://discourse-digital/blogs/chto-takoe-smm-politologiya-intervyu/>. – Дата доступа: 09.01.2020.
16. Использование файлов cookie Google Аналитики на сайтах [Электронный ресурс] // Google Developers. – Режим доступа: <https://developers.google.com/analytics/devguides/collection/analyticsjs/cookie-usage?hl=ru>. – Дата доступа: 09.01.2020.
17. Chester, J. The role of digital marketing in political campaigns / J. Chester, K. C. Montgomery // Internet Policy Review. – 2017. – № 6 (4). – P. 1–20.

18. Как манипулировали американцами и британцами. Стоит ли смотреть фильм Netflix о Cambridge Analytica [Электронный ресурс] // Русская служба ВВС. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-49103834>. – Дата доступа: 09.01.2020.

19. Савин, Л. В. Сетецентрические методы в государственном управлении / Л. В. Савин, С. Н. Федорченко, О. К. Шварц. – М. : Сам полиграфист, 2015. – 146 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.02.2020

Antanovich N. A. The Main Directions of the Formation and Application of Digital Political Science

The goal of the article is to consider the main directions of the «digital political science» formation and application. It is shown that the concepts of a new social differentiation and new forms of exploitation are formed in the social sciences due to low computer literacy («computer poverty»). The author's definition of digital political science is given. The main directions of digital political science are identified: 1) the study of new social media (Web 2.0), 2) the development of technologies for influencing social groups and individuals through the new social media, 3) the development of digital methods for social research. Special attention is given to SMM political science and digital marketing in political campaigns. It has been revealed that the most significant area of digital political science is the development of digital methods for studying the political space, such as collecting digital footprints, analyzing social networks, computer processing of natural language and text analysis, data mining, geospatial analysis. The problem for political scientists and social scholars is identified: the specifics of the development and application of digital technologies are fully understood only by specialists with professional knowledge in the production of computer systems and software.

УДК 32.001:001

Г. М. Бровка¹, С. В. Решетников², М. А. Ермолицкий³¹канд. пед. наук, доц., декан факультета технологий управления и гуманитаризации
Белорусского национального технического университета²д-р полит. наук, проф., проф. каф. политологии

Белорусского государственного университета,

заслуженный работник образования Республики Беларусь

³канд. филос. наук, доц., доц. каф. истории белорусской государственности

Белорусского национального технического университета

e-mail: ¹gbrovka@bntu; ²polit_bsu@mail.ru; ³m.ermol.1956@gmail.com

О КОНЦЕПТЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Рассматриваются современные подходы к трактовке термина «политика» в разных языках и философских школах. Отмечается, что все имеющиеся подходы к определению политической триады следует классифицировать с помощью таких критериев, как познание (цель, интерес, предмет познания), статус (логический, нормативный, социологический) и методика (деятельность ученого, виды анализа (подходы), способ переработки данных, техника исследования). Все рассмотренные теории имеют свои особенности: например, диалектики выстраивают свою теорию на основе «тотальности» (или всеобщности) общественной действительности, а нормативисты имеют тенденцию к вытеснению реального предмета исследований. Однако изучение каждой из них позволяет определить сущность политологического «триаса», который используется при анализе третьего измерения политики.

Введение

Ожидаемыми результатами исследования является приращение знания в области систематизации и топологизации науки о политике. Сразу оговоримся, что рамки статьи не позволяют нам изложить вопрос об определении понятия политики, тем более что эта задача решается в любом учебнике по политологии. Решалась она и одним из авторов данной статьи [1, с. 11–13]. Вместе с тем имеет смысл еще раз обратить внимание на то, что во всех языках мира феномен политики обозначается одним словом – «политика». Разумеется, в китайском, арабском и других языках имеются свои аутентичные слова, которые невероятным образом имеют общую этимологию, – «весло, с помощью которого управляется лодка», но которые все равно переводятся на русский язык как «политика». Итак, на всех языках, кроме английского, феномен политики отражается одним словом – «политика». Но этого явно недостаточно для такого многомерного явления. Этот «недостаток» вполне преодолен в английском языке, в котором есть три слова, отражающих три главных измерения феномена политики: «polity» (формальное измерение политики), «polісу» (содержательное измерение политики) и «polіtics» (процессуальное измерение политики) [1, с. 21–25]. Этот факт все больше осваивается в русскоязычной литературе. Но, во-первых, это началось сравнительно недавно, примерно с 1994 г., а во-вторых, никаких далеко идущих и заслуживающих внимания выводов из этого, к сожалению, не сделано. Поясним свою мысль в более широком контексте.

В 1973 г. директор Института изучения общества Общества Макса Планка (впоследствии знаменитый не только в Германии, но и в Европе и мире) Фритц Шарпф обратил внимание на то, что в английском языке для обозначения политики есть два термина – «polісу» и «polіtics». В 1978 г. немецкий политолог, впоследствии ректор Эссенского университета Карл Рое к «обнаруженным» двум добавил еще и третье измерение – «polіty», в результате чего картина треугольника обрела законченный вид [2, с. 36]. Эффект этих нововведений в немецкой политической науке оказался исключительно сильным, потому что был поставлен вопрос: а что детерминирует что? «Polіcy» – «polіty»

и «politics». Или наоборот? Это был вопрос о зависимых и независимых переменных, но, самое главное, эта терминология открыла дорогу для развития нового важного научного направления – «Policy-Analyse».

Для обозначения этой терминологии был введен специальный термин – «политологический треугольник», или «политологический триас». Воздействие этого концепта оказалось столь сильным, что породило в качестве одного из вариантов новое, отчасти ироническое (в адрес «некоторых» недостаточно богатых политико-научной терминологией языков) и оригинальное определение политики: «Политика есть осуществление политики – policy – с помощью политики – politics – на основе политики – polity» [2, с. 67]. Высокой оценкой значимости концепта «политологического треугольника» являются слова одного из лучших, если не лучшего современного политолога Манфреда Густава Шмидта: «Наилучшей политологией является та, которая учитывает вопросы институционального порядка, идейно-исторических основ, процессы конфликта, консенсуса и завоевания власти, а также субстанцию политических решений» [3, с. 139].

Своеобразным «венцом» признания значимости концепта «политологического треугольника» на данный момент явилось появление в 2005 г. первого «введения в науку о политике», структура которого основана на идее данного треугольника [4, с. 23]. Не без ностальгии отметим, что эта идея была впервые предложена в 1994 г. одним из авторов данной работы, но, к счастью, она не была реализована.

Идею «политологического треугольника» мы включаем в качестве первого из трех измерений нашего «3D*3» – концепта политики. Вторым измерением (вторым «D») станет триада основных политико-логических школ, основательно разработанная в науке о политике учеными Федеративной Республики Германии. Внимательный читатель увидит ее генетическое родство с американским вариантом «аристотелевской и платоновско-галилеевской традиций political science». Но, во-первых, идея этого, как его называют, «Нарровского триаса» [5, с. 3–4] была впервые разработана в ФРГ В.-Д. Нарром и К. фон Байме. Во-вторых, она звучит скорее дефинитивно, а не номинативно, как в американском варианте.

В научной литературе в 2010 г. было применено понятие «3P's» для обозначения английских выражений «polity», «policy», «politics». А. Гросслер предположил, что выражение «3P's» упрощает понимание трех измерений понятия «политики» [6, с. 3–385]. Это дало нам основание пойти дальше и включить еще два измерения, содержащих аспекты политической теории и политической системы. Результатом этого и стала формула «3D*3», т. е. по три измерения с тремя элементами в трех основных понятиях: «политика», «политическая теория», «политическая система». Это выражение автоматически приобретает топический характер (от слова топика – *topos*, от греч. 'место'). Эта созданная Аристотелем аргументация упрощает понимание и позволяет быстрее ориентироваться в среде разных понятий, вследствие чего топический метод, полагаем, имеет положительный дидактический эффект.

Мы также применили понятие «концепт». Слово «концепция» в переводе с латыни означает 'зачатие'. Значение понятия «концепт» стало расти вместе с «лингвистическим поворотом» в философии. Ключевым моментом этого поворота стало обращение к «семантическому треугольнику» Г. Фреге [7, с. 5]. «Концепт» – это больше, чем «понятие», хотя и переводится также как «понятие». Понятия рождаются из синтеза терминов «слово», «реальность» и «значение», а «концепт», соответственно, из «понятие», «референция», «значение» [8, с. 38–40]. «Концепт» в отличие от более статичного «понятия» более динамичен, дает больше возможностей для охвата родственных понятий и в этом смысле также имеет топический характер. В настоящее время создается новое научное направление – концептология [9, с. 18–41].

Развивая идею дальше, следует поставить вопрос: есть ли возможность найти некую результирующую этих трех измерений? На наш взгляд, такая возможность существует и связана с развитием того, что называют «policy science», «policy study», «policy analysis», «policy public» в английском языке и «Politikfeldanalyse» и «Politische Wissenschaft» – в немецком. Специального русскоязычного выражения для этой области знания не существует, как не существует де-факто соответствующего научного направления политической науки, но именно с ним связывается наибольший прогресс в развитии политического знания и, что еще важнее, практическая польза науки о политике.

Тщательная разработка этой триады включает, прежде всего, выделение критериев для классификации данных теорий. В наиболее полной версии, разработанной К.-О. Хондрихом [10, с. 131] и У. фон Алеманном, к этим критериям относятся: познание (цель познания, интерес познания, предмет познания), статус (логический, нормативный, социологический) и методика (деятельность ученого, виды анализа (подходы), способ переработки данных, техника исследования). На этой основе анализируются три самых распространенных типа теории политики: нормативно-онтологический, эмпирико-аналитический, критико-диалектический. Попытки оспорить правомерность подобной классификации предпринимались, но в основном не были приняты.

Частичный анализ этих теорий был уже предложен одним из авторов – М. А. Ермолицким. Поскольку он не был принят отечественной политологией, мы здесь его немного расширим, насколько позволяют рамки статьи. При этом из соображений экономии нормативно-онтологические теории мы будем называть нормативными (а их сторонников – нормативистами), эмпирико-аналитические теории – аналитическими (а их сторонников – эмпириками) и критико-диалектические теории – диалектическими (а их сторонников – диалектиками).

А. Познание.

1. Цель познания.

Если диалектические и аналитические теории имеют номологическую (от лат. *nomos* ‘закон’) цель познания, то нормативисты подчеркивают особое место и метод сугубо духовных наук. Этот метод называется идиографическим, ориентированным на сингулярные (разовые/отдельные) события, что не позволяет генерализировать (обобщать) человеческие действия или общественные состояния. По мнению нормативистов, генерализировать можно только фундаментальные, вневременные «ценности», на основании которых можно измерить «сущность человека» и «сущность государства». Из этих рефлексий над сущностями можно затем вывести практические указания (императивы) для практических действий лидеров и граждан в области политической жизни.

Напротив, эмпирическая социальная наука работает номотетически, или номологически. Она пытается по образцам естественных наук формулировать такие высказывания, которые обладают всеобщей значимостью, неограниченной во времени и пространстве. В области политической теории они разрабатывают конструкцию моделей, например политической системы, имеющей, как они полагают, всеобщий универсальный характер для всех политических систем стран мира. Такие теории называются всеобщими теориями политики или теориями «всеобщего радиуса действия». В рамках теорий так называемого «среднего» или «низшего радиуса действия» (например, исследования поведения избирателей или теория политических решений) выводится множество закономерностей и корреляций. Например, устанавливается, что высокий социальный статус избирателя положительно и сильно коррелирует с ориентацией и голосованием за «правые» (консервативные, буржуазные) партии. Это позволяет делать прогнозы и использовать их для стратегии избирательной борьбы.

Диалектические теории также являются номологическими, но они занимаются не вневременными и не внепространственными феноменами, а историческими законами,

по которым развивается социально-политическая действительность. Но даже самый строгий марксизм не утверждает, что он свои категории выводит сугубо из действительности, но берет их из выводимых из истории ценностей, таких, например, как равенство, свобода от эксплуатации и угнетения, зрелость и т. д. А эти ценности определяются «теорией научного социализма», который якобы соответствует объективному ходу истории. Такой исторический анализ превращается в перманентную критику общества, но не всегда, когда к власти приходит партия «научного социализма».

Один из ведущих белорусских политологов Н. А. Антанович указывает на критерии достоверности в политологии: логичность и рациональность, эмпирическая проверяемость утверждений, использование количественных данных, «выявление причинно-следственных связей на конкретном массиве эмпирических наблюдений и общезначимость (знание должно признаваться научным сообществом и не подменяться субъективно-оценочным мнением)» [11, с. 92]. Изучив плюралистическую методологию науки П. Фейерабенда, Н. А. Антанович делает выводы о ведущей роли теорий по отношению к эмпирии, о свободных интерпретациях, благодаря которым устанавливаются связи ощущений и слов языка, о связи между методами познания и способами конструирования социальной действительности [12, с. 123], что указывает на «связь между методом познания и способом конструирования социальной действительности» [12, с. 124].

2. Познавательный интерес (или интерес познания).

Эту категорию социальной науки ввел знаменитый немецкий философ Ю. Хабермас [13, с. 63]. Ученый вывел три разновидности интереса к научному познанию. Во-первых, технический интерес познания у ученого, стоящего на эмпирико-аналитических позициях. Он заинтересован в контролируемом расширении технически (технологически) оцениваемого знания. Его интересует «чистое исследование», «чистая наука». Во-вторых, практический интерес познания. Он присущ ученым, стоящим на нормативно-онтологических позициях и связан со стремлением к расширению знаний об основных нормах и ценностях и их практической реализации посредством «указаний к действию». В-третьих, эмансипаторский интерес, который свойственен ученым критико-диалектического направления. В рамках этого интереса ставится задача устранить отношения зависимости и господства между людьми с конечной целью устранения эксплуатации человека человеком.

3. Предмет познания.

Нормативисты имеют тенденцию к вытеснению реального предмета исследований – социального и политического поведения людей – в пользу рефлексии над смыслом и сущностью общества и человека. С этой целью решающее значение они придают истории политических идей и по существу «оккупировали» эту область знаний. За это их критикуют и эмпирики и диалектики, потому что, по их мнению, нормативисты уходят от собственного предмета – реального общества – сегодня, а историю используют для спекуляции.

Уйти от спекуляции, по мнению эмпириков, можно посредством ориентации (и редукции) науки на конкретно наблюдаемое, количественно измеряемое социальное поведение отдельных людей, групп людей, общества и государств. Именно таким образом эмпирическая наука о политике исследует детерминанты политического поведения и политических решений.

Диалектики выстраивают свою теорию на основе «тотальности» (или всеобщности) общественной действительности. Но при этом, не проявляя достаточной последовательности, стремятся использовать и теорию систем и эмпирические исследования, рожденные вне рамок диалектической теории.

Б. Статус теорій.*1. Логічний статус.*

Нормативисти здесь не занимают единой позиции. Герменевтика (трактовка смысла) и феноменология (описание явлений), которые широко используются ими, делают ставку скорее на интуитивное понимание и смысл, чем на формальную логику. Широко используется топика (выделение и узнавание наиболее значимых явлений) и риторика (красноречие). Эмпирики делают акцент на формальную логику со всеми ее атрибутами. Эмпирические теории соотносятся со всеми законами логики: истинности, непротиворечивости, нетавтологичности (исключенности третьего). У них социальные теории понимаются как совокупность взаимосвязанных номологических гипотез для объяснения и предсказания явлений. У диалектиков же диалектика сама логически обоснована и в этом смысле приближается к эмпирическому направлению. Но при этом диалектики критикуют эмпириков за чрезмерное увлечение логикой.

2. Нормативный статус.

С точки зрения нормативного статуса нормативисты и диалектики весьма близки: они признают ценностную проблематику в процессе исследования, хотя и с разных сторон. Нормативисты выводят ценностную проблематику из онтологии, диалектики пытаются обосновать ценности как отражение исторических и материальных процессов.

Эмпирики отклоняют ценностную проблематику. Они полагают, что ценности нельзя логически обосновать как эмпирический факт. В 1960-е гг. они скорректировали свой подход, и его теперь можно выразить следующим образом: «как предмет обществоведческих высказываний ценности (позитивные и негативные оценки) являются непроблематичными. Как содержание высказываний они, напротив, контрверзны (противоречивы), как основа для выбора темы исследования ценности очевидны». Таким образом, с точки зрения норм и ценностей уступки делают все, к примеру, ценности идеологии могут быть исследованы в политической науке. Но спор идет о том, входят ли они в процесс исследования.

3. Социологический статус.

Сама ценностная проблематика уже представляет собой социологическую проблему. В самом же общем виде социологический статус науки связан с ее отношением к обществу. Это отношение в основных направлениях политологической науки проявляется по-разному. Нормативисты анализируют духовный и эмоциональный контекст науки и считают ее прямой основой «указания к действию» политиков и граждан. Эмпирики считают это спекуляцией, уходом от подлинного предназначения науки, призванной обеспечить описание, объяснение и прогноз социальной действительности. Эти функции, по их мнению, может выполнить только чистая, беспристрастная наука в виде научного сообщества, его институтов и специфических методов деятельности. Диалектики считают недостаточным и первое, и второе и социологический статус науки связывают с ее ролью в эмансипации (освобождении) людей труда.

В. Методика.

В отличие от пунктов А и Б здесь преобладают более имманентные (внутренне присущие) аспекты науки.

1. Деятельность ученого.

Нормативистская теория ищет свой исходный пункт в рефлексиях над «сущностью» и «нормами» «Политического» (слово «Политическое» введено в научный оборот К. Шмиттом в его труде «О природе Политического» в 1930 г. Здесь прилагательное «политическое» в родительном падеже используется как субстантивированное прилагательное, и поэтому мы пишем его с большой буквы). По мнению Шмитта, «Политическое» должно определить природу феномена политики по аналогии с тем, как, например, категория прекрасного определяет природу эстетики. Оно спрашивает о сущности

и нормах понятий господства, справедливости, мира, свободы, дружбы. В сфере «внутренней политики» эти рефлексии превращаются в конкретные представления о желательных с точки зрения ценностей формах политического порядка и политических институтов. Деятельность по осмыслению политических решений и определяет деятельность политологов, что составляет основной шанс науки о политике быть полезной обществу и науке.

Эмпирики называют это спекуляцией. Они полагают, что только на базе эмпирического знания можно описывать, объяснять и предсказывать политические процессы.

Критико-диалектическая школа хочет превзойти и тех и других. Подобно эмпирикам она говорит о смысловых отношениях в социальных действиях, которые заложены в чисто эмпирическом исследовании. Как и нормативисты, они ищут смысл, но только не в порядке бытия, а выводят его из исторического развития реальных общественных интересов.

2. Виды анализа (подходы).

Под этим понимаются методические приемы, которые настраивают исследовательскую деятельность на определенные цели. Поэтому вид анализа прямо связан с теоретическим подходом.

Нормативистская наука предпочитает историко-генетический анализ государства, форм государства и политических институтов. Она тесно связана с исторической наукой, теорией государства и права.

Диалектики тоже используют историко-генетический анализ, но в связи с политической экономией, используя при этом и эмпирию.

Эмпирики – за строгий, генерализованный подход. Но в рамках этого подхода есть немаловажные отличия. На строгом эмпиризме основывается бихевиоризм (исследование поведения), который возник под влиянием эмпирической психологии. Он пытается объяснить и предсказать всеобщие детерминанты индивидуального политического поведения на основе количественного анализа наблюдаемых психологических и социальных факторов. Против этого квалифицированного как слишком редуccionистский подход выступил функциональный подход. Он делает акцент на общественные связи в политических и социальных структурах и процессах общества. В нем отражаются взгляды старых органистических теорий, только на место организма заступает концепция «системы», части, или подсистемы, которой исследуются под углом зрения их функций как друг для друга, так и для целого. Этим способом атоминизирования социального поведения бихевиоризм преодолевается, но часто лишь за счет абстрактного «модельного» платонизма или же выделения только функции «стабилизации системы». Хотя системный подход развивает понятия интенсивнее всех иных подходов.

3. Способ переработки данных.

Здесь речь идет о превращении собранных данных о реальности в научное знание.

Логический эмпиризм эмпирико-аналитического направления описывает программу научного исследования в следующей последовательности: протокольные предположения о наблюдаемом объекте – образование гипотез – операционализация (доведение до уровня измеряемости) понятий и гипотез – образование теорий и выведение законов на основе как индуктивного, так и дедуктивного вариантов. Здесь есть сильные и слабые варианты.

Диалектическая теория применяет, наряду с историческим и диалектическим материализмом, в качестве метода и герменевтику, используемую как искусство понимания и трактовки смысла. Эту герменевтику очень широко используют нормативисты, но добавляют к ней феноменологию и топику. Феноменология (учение о явлениях) расценивается и как философская система и как метод. Акцент здесь ставится на интуицию, призывающую «вглядеться в сущность», которая заложена внутри предмета.

Поэтому нормативисты так часто говорят о сущности политики, демократии, репрезентации и т. д. Строгая научная каузальность уступает место практической пригодности и разумности. У нормативистов это означает: исходить из господствующих представлений людей, обращаться к здравому смыслу человека, учитывать, что все люди хотят быть признанными.

4. Техника исследований.

У нормативистов особой техники, которая выходит за рамки герменевтического понимания и топической аргументации, нет. Они пользуются определенными правилами критики источников и обращения с текстами, которые заимствуют у филологов.

Инструментарий и техника исследований разработаны в русле эмпирико-аналитического направления. Речь идет о методах как количественного, так и качественного анализа, конкретизируемых по этапам сбора данных, оценивания данных, переработки данных и выведения результатов, в том числе в рамках прикладных методик политического анализа, как например в статьях Е. М. Ильиной [14; 15]. Диалектическое направление, практически не внося ничего нового в технику исследования, весьма широко использует самые разные методы, разработанные другими научными направлениями. И здесь вновь встает вопрос о рисках при культурном трансфере в области науки о политике. Сегодня транс-феры в социальных науках, в том числе политической, по мнению Д. В. Белявцевой, элиминируются через расширение их проблемного поля и методологические заимствования [16; 17].

Заключение

Данная работа может сыграть дидактическую роль в более эффективном восприятии изучающими политологию студентами, магистрантами и аспирантами концепции «политологического треугольника». Этот несколько более развернутый анализ политологического «триаса» будет нам полезен и при анализе следующего, третьего измерения политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолицкий, М. А. Политология : учеб.-метод. комплекс для студентов и преподавателей высш. учеб. заведений / М. А. Ермолицкий. – Минск : Технопринт, 2002. – 461 с.
2. Rohe, K. Politik. Begriffe und Wirklichkeiten. Eine Einführung in das politische Denken / K. Rohe. – Stuttgart ; Berlin ; Köln : Kohlhammer, 1994. – 194 s.
3. Schmidt, M. G. Policy-Forschung in der Bundesrepublik Deutschland. Ihr Selbstverstaendnis und ihr Verhaeltnis zu den Grundfragen der Politikwissenschaft / M. G. Schmidt. – Opladen, 1985. – 335 s.
4. Frantz, C. Einführung in die Politikwissenschaft / C. Frantz, K. Schubert. – Berlin ; Münster, 2010. – 400 s.
5. Matz, U. Bemerkungen zur Lage der deutschen Politikwissenschaft / U. Matz // Zeitschrift fuer Politik. – 1985. – № 1. – S. 3–41.
6. Groessler, A. Policies, Politics and Polity. Comment on the Paper by Bianchi / A. Groessler // System Reseach Behavioral Science. – 2010. – № 4. – P. 385.
7. Dummeth, M. Origin of Analytical Philosophy / M. Dummeth. – Cambridge Mass, 1993. – 212 p.
8. Pospisil, J. Konzepte in der Politikwissenschaft / J. Pospisil, K. Glosel. – Universität Wien, 2013. – 231 p.
9. Щербин, В. К. Социологическая концептология: проблемы и перспективы развития / В. К. Щербин // Социология. – 2011. – № 2. – С. 18–42.

10. Lexikon der Politikwissenschaft : Theorien, Methoden, Begriffe / hrsg. von D. Nohlen und R.-O. Schutze. – München : Beck, 2005. – 592 s.

11. Антановіч, Н. А. Стандарты якасця навучнага даследавання па палітычным навукам / Н. А. Антановіч // Хабаршы вестник. Вестн. КазНПУ. Сер. Соціол. і політ. навуки. – 2017. – № 61. – С. 89–93.

12. Антановіч, Н. А. Актуальнасць концепцыі «эпістэмолагічнага анархізма» Пола Фейерабенда для сучасных палітычных даследаванняў / Н. А. Антановіч // Весн. Гродз. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2013. – № 3. – С. 119–124.

13. Habermas, J. Technik und Wissenschaft als Ideologie / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1968. – 184 s.

14. Ильина, Е. М. Теоретико-методические основы политического процесса в условиях перехода Республики Беларусь к информационному обществу / Е. М. Ильина // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ; под ред. В. Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2010. – Вып. 9 (14), ч. 1. – С. 101–109.

15. Ильина, Е. М. Особенности прикладного анализа в управленческом цикле современного политического процесса Республики Беларусь / М. В. Ильин, Е. М. Ильина // Науч. тр. РИВШ. Филос.-гуманитар. науки. – Минск, 2013. – Вып. 12. – С. 71–80.

16. Белявцева, Д. В. Институализация региональных политических исследований на постсоветском пространстве / Д. В. Белявцева // Науч. тр. РИВШ. – Минск : Изд-во РИВШ, 2017. – С. 20–32.

17. Белявцева, Д. В. Региональные интеграционные процессы в евразийском пространстве: теоретико-методологические подходы к анализу / Д. В. Белявцева // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2019. – Вып. 12. – С. 596–600.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.02.2020

Brovka G. M., Reshetnikov S. V., Ermolitsky M. A. About the Concept of Politological Triangle

The article is devoted to modern approaches to the interpretation of the term «politics» in various languages and philosophical schools. The article highlights that all available approaches to the definition of a political triad should be classified using criteria such as cognition (the purpose of cognition, the interest of cognition, the subject of cognition), status (logical, normative, sociological) and methodology (the activities of a scientist, types of analysis (approaches), data processing method, research technique). The authors come to the conclusion that all the theories considered in the article have their own characteristics, for example, dialecticians build their theory on the basis of the «totality» (or universality) of social reality, and normativists tend to supplant the real subject of research. However, the study of each of them allows you to determine the essence of the political «triassic», which is used in the analysis of the third dimension of politics.

УДК 327 + 502.

О. А. Посталовская

канд. полит. наук, доц. каф. политологии

Белорусского государственного экономического университета

e-mail: postalovskaya@minsk.edu.by

ЭКОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

Проводится политологический анализ современных тенденций функционирования экологической сферы. На основе анализа тенденций современного развития экосферы в структуре политического знания выделяются такие компоненты, как «экополитология» и «экополитический процесс». Рассматриваются актуальные направления развития экополитических процессов, раскрываются основные инструменты реализации экологической политики в современных условиях. Обосновывается идея о том, что проблемы экологии в настоящее время приобретают ярко выраженную политическую окраску, а исследование политической практики показывает высокую степень включенности экологических движений и иных форм экоактивизма в пространство публичной политики. Формулируется вывод, что экологическая проблематика становится не только инструментом информационно-психологического воздействия, но и предметным полем политических дискуссий, имеющих в ряде случаев глобальное стратегическое значение.

Введение

В настоящее время особенностью системы взаимоотношений «человек – природа» стала не только актуализация экологических катаклизмов и проблем экологии в целом, но и активное вхождение экологической компоненты в пространство публичной политики. Экологическая проблематика становится содержанием актуальной повестки политических дискуссий, вследствие чего субъекты экологии выступают полноценными акторами политического процесса. Экологическая сфера является политическим трендом и информационно-психологическим инструментом воздействия в политических целях для достижения определенных результатов, имеющих политические последствия. В этих контекстах происходит теоретико-методологическое переориентирование политической теории в сторону концептуального оформления экополитологии как принципиально новой политологической дисциплины и направления исследовательского поиска.

Как отмечает Д. В. Ефременко, «начиная с 1960-х годов появились основания рассматривать экологическую проблематику в качестве области политической деятельности, а не только объекта административного регулирования и одной из сфер межгосударственных отношений» [1, с. 33]. «Именно в это время, – продолжает автор, – разрозненные аспекты антропогенного воздействия на окружающую среду, ранее лишь отчасти находившиеся в поле институциональной деятельности, стали рассматриваться во взаимосвязи и в контексте политических проблем глобального развития. Логическим результатом этой перемены явилось зарождение новой субдисциплины политической науки – экополитологии». Экополитология представляет собой научно-теоретическое направление политологического анализа экологической проблематики в контексте изучения деятельности общественных движений по охране окружающей среды, государственных структур, неправительственных организаций и иных субъектов экологических отношений. Е. И. Глушенкова определяет экополитологию как «комплексное направление политических исследований, изучающее структурно сложный характер экологической политики во взаимодействии с другими элементами политического процесса, разными политическими игроками, различными сферами политической жизни» [2, с. 10].

Предметная сфера экополитологии затрагивает процессы принятия политических и управленческих решений в вопросах природоохранной деятельности. Кроме того,

экополітологія permet спрыгназіраваць палітычыскія последствія, фарміруючыся ввиду сталкноўення інтэресаў экалагічэскіх суб'ектаў.

Тэндэнцыі тэарэтыка-мэталогічэскага афармлення экаполітологіі як спецыялізаванай дысцыпліны ў палітычэскай навуцы актуалізавалі ўвагу да экаполітычэскіх працэсаў ў цэлым. Экаполітычэскі працэс пачынае разглядацца як прынцыпальна новы від сацыядынамікі, уключаючы ў сябе ўсе элементы ўзаемадзейства экалагічэскіх структураў, імаючых палітычыскія последствія. Як адзначае С. А. Нефедов, любой палітычэскі працэс пачынаецца тагда, «кагда інтэресы якіх-лібо індывідаў і груп ў грамадстве атрымліваюць выражэнне – артыкуліруюцца» [3, с. 34]. Згодна трактоўцы ісследаватэля, пад экаполітычэскім працэсам слэдуе разуміць «савакупнасць последаватэльна смяняючых друг друга форм актывнасці, неабходымых для выработкі і рэалізацыі палітычэскага курса ў экалагічэскай сфэры» [3, с. 34].

Паступенна углыбляючыся разуменне невосполнімості многіх рэсурсаў планеты прывяло да асознанню неабходнасці стварэння сістэм грамадзянскага ўправлення экалагічэскай сфэрай. Рост экалагічэскіх проціварэччяў прывяло да з'яўлення масавых экалагічэскіх рухаў, многія з якіх трансфарміраваліся ў экалагічэскія партыі, вядомыя як партыі «зеленых». Масовае «зеленае» рухавішча сыграло рэшаючую ролю ў працэсе перавода рэшэння экалагічэскіх праблем ў практычэскую цэленаправленную дзейнасць.

«Зеленыя» партыі сталі з'яўляцца ў розных краінах пачынаючы з 70-х гадоў ХХ в.: ў 1973 г. – ў ЗША, а да канца 1970-х гадоў партыі і спіскі «зеленых» і экалагістаў былі створаны ў ФРГ, Бельгіі, Францыі, Вялікабрытаніі, Нідэрландах, Італіі, у наступныя гады – ў Швецыі, Фінляндыі, Аўстрыі, Швейцарыі, другіх еўрапейскіх краінах, а затым ў Аўстраліі, Новай Зеландыі, Канада і т. д. З самага пачатку свай дзейнасці «зеленыя» партыі не толькі пачалі прыцягваць увагу інстытутаў грамадства і грамадскасці да праблемаў экалогіі, але і самі ўстраіваліся ў грамадзянскі механізм кіравання. Яны змоглі дабіцца сутэсвенных ўспехаў на выбарах і сталі праводзіць сваіх кандыдатаў ў парламэнты. Гэта прызашло ў Італіі (1976), Швейцарыі (1979), Бельгіі (1981), ФРГ і Партугаліі (1983), Люксембургу і Аўстраліі (1984), Аўстрыі, Іспаніі і Нідэрландах (1986), Фінляндыі і Нарвегіі (1987), Швецыі (1988), Грэцыі і Ірландыі (1989), Новай Зеландыі (1993), Даніі (1994), Францыі і Канада (1997), Ісландыі (1999), Японіі і другіх краінах. У канцы 1980-х – 1990-х гадоў «зеленыя» партыі з'явіліся таксама ў краінах Усходняй Еўропы.

Умацаванню становішча экалагічэскіх партыяў ў палітычэскіх сістэмах многіх краінаў з сярэдзіны 70-х – пачатку 80-х гадоў ХХ в. спрыявала неадольнасць насельніцтва традыцыйнымі партыямі і іх бяздзейнасцю ў сфэры рэшэння экалагічэскіх праблемаў. Прыкладам служыць ўспех «зеленых» на выбарах 1983 г. ў бундэстаг, кагда яна пераадолала пяціпрацэнтны бар'ер, ўпершыню атрымала месца ў парламэнце і сфарміравала там сваю фракцыю. Праз чатыры гады «зеленыя» на выбарах атрымала ўжо 8,3 % голасоў. У 1987 г. швейцарскія «зеленыя» сталі членамі кантональнага ўрада Берна.

На наш погляд, іменна пачынаючы з сярэдзіны 1970-х гадоў працэс ўзаемадзейства грамадства з акаружаючай сярэдавінай пачаў прыабретаць такой характар, які прывяло да палітызацыі экалагічэскай праблемы. Хоця некаторыя вучоныя лічаць, што гэты працэс пачаўся некалькі позжэ. Так, напрыклад, Д. В. Ефрэменка піша, што перыяд палітызацыі экалогіі, звязаны з акаручэннем да гэтай праблематыкі прадстаўніцтваў палітычэскіх сілаў, перажэ ўсё партыі зеленых, прызашло ў 1980-х гадах. [4, с. 20].

Экалагічэскія рухавішчы і «зеленыя» партыі стварылі механізм ўключэння розных сацыяльных груп і слоаў, грамадзянскіх арганізацыяў ў працэсы прыняцця палітычэскіх рэшэнняў ў сфэры экалогіі. Актывізацыя грамадзянскіх рухаў ў кантэксце артыкуляцыі інтэресаў ў впрашах прыадуахраннай дзейнасці да арганам

государственной власти выступила источником возникновения «экологического протеста» как принципиально новой формы гражданской активности. Экологические протесты стали одной из форм проявления социальной напряженности, имеющих в ряде случаев политические последствия. Как отмечает С. А. Кислицын, «деятельность экологических движений все более приближается к классическому варианту функционирования политической оппозиции в условиях либеральной модели демократии, в задачи которой входит приобретение общественной популярности путем критики действующей власти. Используя “зеленые” лозунги в своих избирательных кампаниях, они повышают рейтинг экологических проблем» [5, с. 128]. Условный «зеленый» (экологический) сектор стал структурной частью предметной дискуссии в политическом поле практически всех государств. Дискурс экологической проблематики в указанных контекстах приобретает характер конкретного инструмента воздействия на правящую политическую элиту. По верному замечанию Д. А. Ежова, «особую актуальность поднимаемая проблематика приобретает в свете того, что на сегодняшний день экологические протесты используются для дестабилизации общественно-политической ситуации... и являются инструментом сил несистемной оппозиции» [6, с. 34].

Одним из наиболее иллюстративных примеров успешной реализации сценария экологического протеста как формы воздействия на правящую элиту с последующим изменением конфигурации как самой политической системы государства, так и общества в целом является «фосфоритная война» в Эстонской ССР 1987–1988 гг. «Фосфоритная война» представляет собой серию экологических протестов эстонской интеллигенции и общественности против решения Министерства по производству минеральных удобрений СССР начать разработку фосфоритов в Ракверерском районе (Ляэне-Вирумаа). А. К. Потапов свидетельствует: «Многим жителям Эстонии данная затея союзного ведомства в будущем могла грозить настоящей экологической катастрофой. На виду у всех жителей Эстонии был плачевный пример разработки минералов в пригороде Таллина, в Маарду, где отмечалась повышенная заболеваемость населения, в отработанных карьерах загрязняются грунтовые воды» [7, с. 479].

Решение союзного министерства вызвало протестные настроения в эстонском обществе. «Начался сбор подписей за прекращение разработок. Кампанию поддержали студенты Тартуского университета, которые 1 мая вышли на демонстрацию не только с антифосфоритными лозунгами, но и с антифосфоритной атрибутикой – плакаты, майки с подходящими изображениями и проч. Так были сделаны первые шаги в движение, которое позднее оформилось как “зеленое”. Молодые композитор Ало Маттийзен и поэт Юри Леэсмент написали песню “Ei ole ükski ükski maa” (“Ни одна страна не одинока”), в которой подчеркивалась общность всего населения Эстонии и солидарность с жителями Вирумаа, где должна была появиться шахта» [8, с. 65–66]. Протестная активность в отношении возможного производства фосфоритов и потенциальных экологических проблем выступила источником социально-политической консолидации эстонского общества и формирования негативных настроений по отношению к Москве. Негативные настроения естественным образом трансформировались в политические претензии относительно придания Эстонской ССР политико-правовой автономии. В республике начали формироваться экологические движения и Народный фронт Эстонии (НФЭ) как оппозиционная платформа по отношению к республиканской коммунистической партии.

Протестные настроения в отношении фосфоритного производства были также детерминированы этнополитическим фактором, который приобретал актуальность в связи с искусственным притоком новой рабочей силы на промышленные предприятия. А. Рюитель отмечает: «Для нашей нации это было бы смертным приговором, т. к. доля неэстонцев среди населения республики и так вскоре могла превысить 40 %, а в некоторых районах Эстонии она была еще большей... Ввоз новой рабочей силы со стороны

привел бы к тому, что коренное население на своей исторической родине через одно поколение оказалось бы в меньшинстве, так как прирост населения среди мигрантов был значительно выше прироста среди эстонцев» [9, с. 53].

Потенциальная экологическая катастрофа ввиду фосфоритного строительства и притока дополнительной рабочей силы «нетитульного» национального происхождения выступили фактором дестабилизации социально-политической обстановки в эстонском обществе, обусловили формирование протестных настроений по отношению к местной компартии и ЦК КПСС в целом. Учитывая рост социальной напряженности в Эстонии, правительство СССР решило отказаться от планов реализации «фосфоритного» проекта в регионе. Условная победа эстонского экологического движения имела далеко идущие политические последствия. А. Рюйтель убежден: «Успех заставил наш народ поверить в то, что действительно наступили новые времена, когда путем резкой постановки социальных и экономических проблем можно защищать свои национальные интересы» [9, с. 54]. Уже после победы в «фосфоритной» войне в Эстонии начались дезинтеграционные процессы, связанные с желанием республики выйти из состава СССР.

В настоящее время в указанных контекстах экологическая проблематика стала информационно-психологическим инструментом воздействия для достижения определенных результатов, имеющих политические последствия. Экология выступает условно негативным предметным полем общественной дискуссии, которое используют в своих дебатах политические оппоненты. Экологические протесты и разного рода «флешмобы» стали атрибутом современного визуального проявления форм гражданской активности. В частности, одной из самых известных в настоящее время акций является «Школьная забастовка за климат» (Skolstrejk för klimatet) во главе с Г. Тунбергом. Шведская школьница показала пример мирового экологического протеста в борьбе за реализацию положений Парижского соглашения 2015 г. по изменению климата. Она создала движение «Fridays For Future» («Пятницы ради будущего» – FFF) и призвала всех учащихся мира вместо учебы по пятницам проводить забастовки, чтобы привлечь внимание политиков к изменению климата [10, с. 73].

Экологические протесты во главе с Г. Тунбергом показательны своим агрессивным информационно-психологическим воздействием на общественное мнение посредством сакрализации образа юной школьницы, агрегировавшей интересы всего экологического движения. Шведская девушка в данном случае является искусственно сформированным социальным медиаобразом (слабый ребенок перед лицом угроз внешнего мира), который используется различными лоббистскими структурами, заинтересованными в незамедлительной реализации на практике Парижских соглашений. Во многом с подачи современных эоактивистов, по словам А. Б. Шатилова, «в современном мире весьма распространенной болезнью становится экофобия, порожденная страхом значительного числа людей относительно возможной глобальной экологической катастрофы» [10, с. 73]. Сформированная посредством распространения в сетевом пространстве экофобия выступает эмоционально-побудительным аргументом, который экологические активисты используют в качестве давления на правительственные и международные структуры. В данном случае, на наш взгляд, в наибольшей степени отражаются современные процессы технологизации экополитического процесса.

Заключение

На основании вышеизложенного необходимо сделать следующие выводы. Экология в настоящее время стала не только предметной сферой для последующего перехода публичного обсуждения экологических проблем в политическое пространство, но и формой реализации интересов конкретных лоббистских групп, использующих экофобные образы для воздействия на процессы формирования общественного мнения.

Экологія в настоящее время – это не только состояние природной среды, но и предметное поле современного политического пространства, которое формирует экополитический процесс в качестве специального политологического направления. Указанные тенденции обусловили позиционирование экологической проблематики в качестве эффективного инструмента информационно-психологического воздействия в политических целях для достижения определенных результатов, имеющих стратегические последствия для субъектов политического пространства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефременко, Д. В. Экополитология как отрасль политической науки: В поисках теоретических оснований и дисциплинарной релевантности / Д. В. Ефременко // Полит. наука. – 2010. – № 2. – С. 33–74.
2. Глушенкова, Е. И. Экополитология как направление научных исследований: возникновение и эволюция / Е. И. Глушенкова // Полит. наука. – 2010. – № 2. – С. 8–32.
3. Нефедов, С. А. Артикуляция интересов в экополитическом процессе / С. А. Нефедов // Власть. – 2009. – № 11. – С. 34–36.
4. Ефременко, Д. В. Возникновение и эволюция предметной области экополитологии в контексте политических проблем глобального развития : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Д. В. Ефременко. – М., 2007. – 47 с.
5. Кислицын, С. А. Политические тренды экологической субэлиты / С. А. Кислицын, С. А. Евтушенко, А. С. Токарев // Коммунология. – 2016. – Т. 4, № 6. – С. 127–139.
6. Ежов, Д. А. Экологический протест в политико-технологическом измерении: систематизация методов / Д. А. Ежов // Власть. – 2019. – № 5. – С. 34–37.
7. Потапов, А. К. «Фосфоритная проблема» в Эстонии как форма политизации масс в годы перестройки / А. К. Потапов // Наука XXI века: опыт прошлого – взгляд в будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Омск : СибАДИ. – 2015. – С. 476–479.
8. Симонян, Р. Х. Эстония. Обретение второй независимости / Р. Х. Симонян. – М. : Аспект Пресс, 2016. – 320 с.
9. Рюйтель, А. Эстония: возрождение будущего / А. Рюйтель. – Таллинн : Ило, 2003. – 226 с.
10. Шатилов, А. Б. Экология и политика: деструктивные аспекты идеологии экологизма и деятельности экологических организаций / А. Б. Шатилов // Вестн. финанс. ун-та. Гуманитар. науки. – 2019. – № 4. – С. 70–77.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.02.2020

Postalovskaya O. A. Eco-Political Process and Ecology Problems: Aspects of Interrelation

The presented article is devoted to a political analysis of current trends in the functioning of the environmental sphere. Based on the analysis of trends in the modern development of the ecosphere, such components as «ecopolitology» and «ecopolitical process» are distinguished in the structure of political knowledge. The paper analyzes the current trends in the development of environmental policies, reveals the main tools for the implementation of environmental policy in modern conditions. It substantiates the idea that environmental problems are currently acquiring a pronounced political connotation, and a study of political practice shows a high degree of involvement of environmental movements and other forms of eco-activism in the public policy space. Based on the foregoing, it is concluded that environmental issues are becoming not only an instrument of informational and psychological impact, but also a subject field for political discussions, which in some cases have global strategic importance.

УДК 321.01

В. Н. Семенова

*канд. филос. наук, доц., доц. каф. социальной политики и идеологии
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: vl.semenova@gmail.com*

ПОТЕНЦИАЛ КОСМОПОЛИТИЗМА КАК НОВОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Анализируются основные подходы к пониманию сущности глобализации, характеризуется новый виток глобализационных процессов начала XXI в. Выделяются и рассматриваются прогностические векторы развития современного мира – «новое средневековье» и «глобальное общество». Рассматривается потенциал космополитизма как новой универсальной идеологии. Проводится сравнительный анализ понятий «глобализация», «глобализм», «космополитизм», «постмодернизм». Делается вывод о неизбежности формирования новой глобальной идеологии в XXI в.

Введение

Понятие глобализации прочно вошло в терминологию гуманитарных и социально-политических наук. Невозможно отрицать усиление глобализационных процессов в последней трети XX – начале XXI в., затрагивающее практически все географические регионы мира и проявляющееся во всех сферах мировой цивилизации.

Цель статьи – раскрыть потенциал космополитизма как новой глобальной идеологии XXI в. Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

- 1) анализ основных подходов к пониманию глобализации; выявление особенностей современного этапа глобализационных процессов;
- 2) характеристика доминантных сценариев глобального политического развития;
- 3) рассмотрение институционального исчерпания модерна и формирование новых ценностных установок постмодерна;
- 4) обоснование необходимости создания новой глобальной идеологии в XXI в.

Дэвид Хелд в исследовании «Космополитизм. Идеалы и реальность» (2010) выделяет четыре типа глобализационных трансформаций. Первый связан с распространением социальной, политической и экономической деятельности на все страны, регионы и континенты вне зависимости от существующих государственных границ. Второй тип изменений обусловлен резкой интенсификацией этих процессов, ростом масштабов экономических, политических и культурных взаимосвязей и обменов. Третий тип глобализации связан с временным ускорением глобальных взаимодействий как следствие увеличения скорости распространения идей, товаров, информации, капитала. Четвертый тип глобализации обусловлен тем, что отдельные локальные события сегодня могут иметь значительное влияние на другие регионы и иметь огромные глобальные последствия. В этом смысле, отмечает Д. Хелд, границы между локальными и глобальными процессами в наши дни становятся совершенно нечеткими [1, с. 29].

Глобализационный виток начала XXI в. существенно отличается от предшествующего этапа последней трети XX в. Это эпоха постсовременности – радикальной

*Статья написана при поддержке гранта БРФФИ в рамках темы «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации и диалога культур» (№ Г18Р-211 от 30.05.2018).

смены научных и цивилизационных парадигм, революций в научной, информационной и технологической сферах. Глобализация начала XXI в. нацелена не просто на углубление процессов интеграции и унификации; ее стратегической целью является формирование «глобального общества» с перспективой создания новой, скорее всего, пост-человеческой цивилизации.

Несмотря на наличие субъективных факторов глобализации (например, политических субъектов, «подталкивающих» или тормозящих глобализационные процессы), глобализация в начале XXI в. представляет собой объективный феномен. Противоречивый характер развития постсовременности заключается в том, что одни и те же факторы приводят сегодня к различным последствиям: усилению унификации и одновременно разобщению; глобализации и глокализации; технологической революции и архаизации целого ряда обществ; расширению свободы и созданию новых тоталитарных государств. Так, космополитизм отчетливо представляет собой смесь двух типов импульсов, отрицательного и положительного. Негативный аспект имеет в виду отрыв от места рождения или проживания, выход за рамки традиций, устоявшихся конвенций, предрасудков и обязательств. Позитивный импульс предполагает членство в некоем более крупном, сильном и авторитетном сообществе [2, с. 2].

Критики глобализации (например, экономист Дж. Стиглиц, социологи Р. Робертсон и Х. Хондхер, философы Н. Хомски, А. С. Панарин и др.) вскрывают ее оборотную сторону, связанную с регионализацией; глокализацией; нарастанием этнических, профессиональных, цивилизационных, экономических и социальных противоречий; интенсификацией религиозного фундаментализма, национализма и этноцентризма как «ответов» на глобализационные «вызовы». И. Валлерстайн называет разговоры о «новом мировом порядке» «пустыми заклинаниями», а по мнению Д. Белла, в эпоху разобщенности новое мировое правительство не появится еще в течение нескольких веков.

Единого и однозначного вектора глобализационного развития не существует. Можно вести речь о нескольких доминантных прогностических сценариях, к которым относятся:

1) «неофеодальное» разделение мира на достаточно автономные анклавные территории, технологически и культурно высокоразвитые, и территории, обреченные на архаизацию, варваризацию, социально-экономическое и технологическое отставание [3; 4] (в данном сценарии проявляется противоречивый характер глобализации);

2) создание в XXI в. единой глобальной человеческой цивилизации, «глобального общества», что предполагает одновременно и широкомасштабную социальную эксклюзию, в процессе которой страны и регионы, не воспринявшие ценностей нового глобального общества, будут находиться (скорее всего, даже добровольно) вне мировых цивилизационных процессов и механизмов глобального социального обмена.

Представляется эвристичной мысль российского политического философа А. С. Панарина о «небрежном» методологическом подходе к глобальному политическому прогнозированию, когда прогнозированием в основном занимаются на основе методов экстраполяции: «Будущее как экстраполяция тенденции настоящего – это позиция сегодняшнего победителя, это позиция субъекта, которому выгодно, чтобы нынешние тенденции продолжались» [4, с. 171]. Панарин призывает к новой методологической прогностической установке – «методологии фаз вызова и ответа», в рамках которой будущее будет, вероятнее всего, не продолжением тенденций настоящего, а скорее, их отрицанием. Отметим, однако, что в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе, несмотря на наличие альтернативных прогностических сценариев глобального развития, обозначенные выше доминантные сценарии представляются наиболее вероятными.

Неофеодализм и формирование «нового средневековья» в условиях глобализации является символом завершения эпохи модерна. Парадигма Просвещения, представ-

ленная модерном, в 90-х гг. XX в. – начале XXI в. подошла к своему окончательному завершению, заключающемуся в мировоззренческом, ценностном и институциональном «исчерпании» модерна. Поэтому глобализация и постмодерн (как отрицающий и преодолевающий модерн), может быть, сами того не желая, во многом реставрируют архаические формы премодерна. Подобные процессы происходят в экономической и финансовой сфере: «На наших глазах совершается архаизация капитализма. Сегодняшний капитализм поразительно напоминает капитализм довеберовского типа, капитализм средневековых или античных спекулянтов. Глобализации сопутствует целый ряд поворотов от модерна к архаике» [4, с. 173]. Подобные же процессы происходят и в политической сфере. Они связаны с ослаблением суверенитетов государств-наций, а также легитимности самого института государства. Диалектика глобализации проявляется во взаимодействии «делокализации и релокализации» [5, с. 42]. Переход современной системы международных отношений от так называемого однополярного мира к многополюсному несет в себе множество новых опасностей. Однополярная и биполярная системы мироустройства являются гораздо более устойчивыми и предсказуемыми, чем многополярная – неустойчивая, динамичная и, соответственно, менее предсказуемая. В этом плане мир сегодня сталкивается с переходом от глобального устойчивого доминирования к системе неустойчивого хаоса (глобальное «общество риска»), связанного с увеличением неопределенности, хаотичности и непредсказуемости, количественным и качественным возрастанием рисков во всех сферах. Элементы дезинтеграции, расколы (цивилизационные, политические, религиозные) проявляются во всех сферах.

В подтверждение теорий «нового средневековья» линии разлома все так же пролегают по уровню мобильности, прежде всего пространственной, географической. Как и ранее, высшие слои общества практически не знают национальных и географических границ (обладая большой свободой передвижения и космополитическими взглядами на мир), в то время как низшие фактически живут в некрепостном состоянии [6; с. 100–101; 7].

Вторым доминантным сценарием развития мировой цивилизации является возможность создания единой человеческой цивилизации, «глобального общества» (global society) и, соответственно, новой универсальной глобальной идеологии. Принципиальное различие между сценариями «нового средневековья» и «глобального общества» заключается в том, что «новое средневековье» подразумевает исходную (априорную) раздробленность и столкновение цивилизаций (С. Хантингтон) и конкретных государств («Эра Разобщенного Мира» И. А. Ефремова, которая может смениться «Эрой Большой Войны»), в то время как проект «глобального общества» при наличии маргинальных регионов все-таки подразумевает создание единой мировой цивилизации на общих ценностных и мировоззренческих основаниях (кантовское всемирное правовое государство, «Эра Мирового Воссоединения»). В данном сценарии маргинальные регионы представляют собой полностью локализованные и исключенные из мирового развития архаические очаги, фактически никак не влияющие на мировое социально-экономическое и цивилизационное развитие.

В рамках данного исследования представляет интерес реальный потенциал создания глобального общества и возможность появления в ближайшем будущем новой глобальной идеологии, что напрямую связано с двумя вопросами:

- 1) существует ли субъект данной идеологии – «глобальное общество», чьи потребности и интересы будет выражать новая глобальная идеология;
- 2) способен ли XXI в. создать некие универсальные принципы, выразить которые и призвана новая глобальная идеология.

Обратимся к рассмотрению данных вопросов. В ряде исследований [8, с. 5–6, 9, с. 91, 95] наряду с термином «глобальное общество» употребляется термин «мировое

общество», причем используются данные термины исключительно как синонимы. На наш взгляд, более корректным и более эвристичным является принятый в англоязычной литературе термин «глобальное общество» [10, с. 163; 11, с. 131], который сегодня широко используется в экономике, социологии, политических науках, футурологии, глобалистике и т. п.

Глобальное общество подразумевает не просто определенную (очень высокую в силу именно глобализационных и интеграционных процессов) степень взаимодействия человеческих сообществ, но наличие общих мировоззренческих ценностей, на основе которых могут быть выстроены политические и социальные институты, системы права и морали. Речь идет не о тотальной унификации и гомогенности, а о наличии необходимого intersубъективного фундамента понимания. До тех пор пока данный мировоззренческий (и, безусловно, идеологический) фундамент не будет создан, невозможно вести речь о глобальном обществе.

Последняя треть XX – начало XXI в. представляет собой время радикальных перемен во всех сферах. Мы являемся свидетелями технической и технологической революции, фундаментальных экономических, социальных и политических трансформаций. Постсовременность поставила человечество перед новыми проблемами, связанными с «пределами роста» (демографические, экологические проблемы и др.). Существенные изменения происходят и в сфере мировой политики. Появление новых политических акторов и процесс становления глобального общества связан с вопросами формирования новой политической подсистемы, новых типов легитимации глобальной политической власти, формированием нового мирового порядка управления. В начале XXI в. активизировались дискуссии о кризисе национального государства как полноценного субъекта мировой политики, о появлении новых политических акторов, таких как транснациональные корпорации (ТНК), государства-корпорации, государства-регионы и империи нового типа [12, с. 8–11; 13, с. 225–226].

Наблюдаемые сегодня социально-экономические и политические процессы свидетельствуют о том, что мировая политическая система после периода дестабилизации (последняя треть XX – начало XXI в.) и существования полицентричности снова нацелена на формирование нового глобального властного и правового порядка, который У. Бек называет понятием «космополитический режим».

Формирующиеся сегодня тенденции и процессы представляют собой пространство мировой политики, где различные политические акторы преследуют собственные интересы, а легитимность политических игроков оформляется исходя из стратегических перспектив их политических действий. Пока нельзя вести речь о едином источнике легитимности космополитического режима. Постсовременность (постмодерн) сохраняет остатки традиционного премодерна и модерна, например пытается обосновать легитимность современных государств традиционными средствами (например, все той же апелляцией к нации), что, по мнению У. Бека, является недальновидным и даже фундаменталистским. С этой точки зрения национализм является признаком слабых, которым и для преодоления своего неблагоприятного положения, и для психологической компенсации необходимо объединение в группы (этносы, нации) и формирование группового сознания (национализм, этноцентризм). Слабый не хочет остаться наедине ни с самим собой, ни со всем миром. Современная ситуация такова, что, хотя национальное государство как феномен модерна находится в глубоком кризисе и не имеет, как полагает У. Бек, глобальных стратегических перспектив, но мышление и политиков, и обывателей еще не изменилось, оно остается пронизано национальными категориями: «Космополитизация кажется нереальной, потому что происходит вне сферы видимости с точки зрения прежних категорий. Что является национальным? Мышление. Что таковым больше не является? Действительность» [14, с. 25].

В эпоху постмодерна существующие политические режимы исходят из различных, зачастую противоречащих друг другу источников легитимности. Так, сторонники национализма и защитники идеи национального государства исходят из его *status quo* и видят новый мировой порядок как следствие национально-государственной легитимности: «методологический национализм предполагает национальное государство в качестве неизменного и абсолютного источника легитимности наднациональных норм и организаций» [15, с. 37]. Для политических сил, стремящихся удержать свою власть при помощи национально-государственной легитимности, ситуация остается практически неизменной: идеи узкого национализма будут подпитываться и эксплуатироваться до тех пор, пока они будут работать. У сторонников формирования и распространения космополитического режима источник легитимности иной – вненациональный и внегосударственный. Но это также сама себя обосновывающая легитимность. Российский исследователь Р. С. Зуйков отмечает, что целью такой метаигры мировой политики является легитимация различных политических порядков. Вне этого никаких иных целей мировая политика постмодерна не имеет [9, с. 98].

Критическому анализу формирования и развития идеологии космополитизма, а также перспективам превращения ее в новую глобальную идеологию посвящены работы ведущих мыслителей современности У. Бека, И. Валлерстайна, З. Баумана, Э. Хобсбаума, Э. Гидденса, Ж. Аттали, К. Аппиа. Национальное государство в условиях глобализации находится в состоянии глубокого кризиса, с точки зрения У. Бека или П. Ханна, необратимого. Ханна полагает, что сопротивляться глобализационным процессам неразумно и бессмысленно. Причинами этого кризиса является постепенное исчезновение нации как субъекта мировой политики, размывание суверенитета национальных государств и глобальный кризис легитимности государственной власти. Всплеск в начале XXI в. национализма по всему миру является, с одной стороны, признаком агонии государства-нации, с другой – попыткой реставрации устаревших институциональных форм модерна, фактически препятствующих прогрессивному политическому и социально-экономическому развитию.

Современная мировая экономика, носящая транснациональный характер, также подрывает основы территориально ограниченного национального государства. Результатом кризиса национального государства в политической сфере становится появление и укрепление новых форм государственных образований: государства-корпорации, государства-региона, империи нового типа, государства-цивилизации (П. Ханна). Одновременно кризис национального государства порождает кризис национальной идентичности и распространение космополитических идей и ориентаций, прежде всего среди элиты и представителей креативного класса и «уверенного» среднего класса. Таким образом, идет, хотя и медленно, процесс одновременного формирования глобального общества и новых мировоззренческих оснований и ценностей постсовременности

Ускорение процессов глобализации (после распада социалистической системы и СССР), миграционная политика развитых западных стран и распространение идей мультикультурализма привели к широкому распространению идей космополитизма. С начала 1990-х гг. можно говорить о новой волне космополитизма и о формировании идеологии космополитизма как самостоятельного политического проекта. У. Бек, отмечает российский исследователь А. В. Логинов, «сознательно придает понятию космополитизма статус идеологического. Этот термин приобретает у него политическую направленность. Космополитизм должен прийти на смену идеологиям XX в.» [16, с. 26].

В начале XXI в. появляется (уже не в теории, а в реальной жизни) и новый тип человека, в полной мере соответствующий космополитической эпохе, – номадический кочевник (Ж. Аттали). Новая кочевая элита – элита глобального общества, которая по своему мировоззрению и образу жизни имеет космополитический характер и прак-

тически полностью оторвана от своих национальных корней. Для нее не существует понятий родины, отечества, патриотизма. Ж. Аттали в нашумевшей книге «Линии горизонта» (1992) рисует мондиалистский проект глобального общества будущего, где триумф экономики и власть денег обеспечат неизбежный переход от различных типов общественного уклада к общепланетарному глобальному единству и гомогенности. Технологическая революция и новая финансовая система виртуальных денег способствуют формированию глобального общества кочевников.

Сегодня кочевники-номады успешно материализовались в мировую космополитическую элиту (Илон Маск, Билл Гейтс, Марк Цукерберг, Стив Джобс, Джефф Безос) и представителей «креативного класса» (термин, предложенный Р. Флоридой). Этот тип человека активно популяризируется и закрепляется как модный тренд в поколениях новых кочевников Y и Z. Остальным, отмечает Ж. Аттали, придется «либо конформировать с этим обществом кочевников, либо быть из него исключенным» [Цит. по: 17, с. 6].

В какой-то степени вторя Ж. Аттали, З. Бауман выделяет различные типы современных кочевников: фланер, турист, бродяга, игрок. Ни у кого из них нет родины. Ни к чему не привязываясь, все воспринимая как случайную игру, идет по жизни фланер; турист по доброй воле является гражданином мира; бродяга, современный киник, везде чужой, он нигде не дома. Он человек без гражданства. Житель современных мегаполисов, да и просто крупных городов постепенно теряет связь с местом и социальной общностью, которая характерна для жителей сельской местности. У многих жителей развитых стран происходит так называемая глобализация биографии, включающая в себя привязанность одновременно к нескольким различным местам, странам, культурам или непривязанность ни к чему: «Когда туризм становится образом жизни... возможность превращения мечты о доме в реальность столь же пугает, как и возможность того, что она никогда не осуществится. Тоска по дому не единственное чувство туриста, другим является страх привязаться к дому, привязаться к месту, а значит, лишиться возможности ухода из него... Излюбленный лозунг туриста “мне нужно больше пространства”. И именно пространства он меньше всего находит дома» [18, с. 150]. Хотя Ж. Аттали ту же самую ситуацию оценивает по-другому: «кочевник будет “у себя” повсюду, по меньшей мере, если он удовлетворится самим собой» [Цит. по: 17].

Устаревшие формы идентичности модерна исчезают прямо на глазах. Но сама проблема идентичности пока остается, она по-новому реконструируется и переопределяется. В отличие от идентичности премодерна и модерна идентичность постмодерна, во-первых, все меньше связана с этническими, национальными и государственными (например, гражданством) параметрами; во-вторых, определяется сегодня более лабильными сетевыми сообществами с нестрогими каналами входа-выхода; в-третьих, становится свободным поиском и даже игрой в идентичность. Модные и ожесточенные споры об идентичности постмодерна, поколенческой специфике Y и Z, новых, прежде всего сетевых сообществах отражают суть проблемы: идентичность модерна с ее четкими строгими контурами, неизменной сущностью (*cogito ergo sum*) прекращает свое существование. Идентичность постмодерна характеризуется номадичностью во всех смыслах: текучестью, непостоянством (избеганием фиксации), отсутствием единого центра (децентричность, полицентричность), ризоматичностью, десакрализацией, игровым характером (игрой «коротких партий», стремлением жить одним днем, не привязываясь к месту, людям, семье и даже полу) и бесконечной вариативностью. Если идентичность модерна, отмечает Бауман, искала спасения от неясности, то идентичность постмодерна прекрасно себя чувствует в мире неясностей. Она легка на подъем, и ее так же легко трансформировать сегодня, как поменять одежду или прическу.

Таким образом, мировоззренческий и ценностный фундамент постмодерна постепенно переходит из теории в область практической реализации. Такими общими мировоззренческими основаниями постсовременности становятся следующие принципы.

1. *Дефрагментация и интеграция пространства* и (благодаря современной технике и информационно-коммуникационным технологиям) фактическое преодоление (сокращение) пространства («исчезновение географии»). Следствием этих процессов является постепенное превращение мира в «глобальную деревню» (М. Маклюэн). Если пространство становится глобальным, то время перестает быть таковым.

2. *Фрагментация времени*: «распадение времени на эпизоды, каждый из которых самодостаточен. Время больше не река, а скопление запруд и омутов» [18, с. 146]. Как следствие, исчезновение времени как потока, как длительности. Отсюда отказ от опыта прошлого и истории (отказ от метанарраций и легкость в реконструировании истории, например в виде фэнтези), установка на «жизнь сегодняшним днем», акцент на сиюминутности и сенсационности происходящего.

3. *Отказ от индивидуума и переход к дивидууму*, связанный с отказом от понятия человеческой сущности (в чем бы она ни заключалась), кризисом и постепенным исчезновением старых форм идентичности.

4. *Номадизм как образ жизни и мироустройства*. З. Бауман отмечает: «Сам мир превращается в бродягу, и это происходит очень быстро. Мир сам себя перекраивает по мерке бродяги» [18, с. 148].

5. *Деэтизация и эстетизация мира постмодерна*, заключающиеся в попытке ухода от «вечных» метафизических вопросов; отказ от «глубины» и «высоты» как остатков метанарраций и поиск смысла на поверхности, фактически «скольжение по поверхности». Мир воспринимается как игровой конструктор, который может принять абсолютно любую форму по желанию игрока. Акцент в конструировании и самого человека постмодерна, и мира сделан именно на эстетизацию всего происходящего: и самого процесса «творения», и того результата, который должен быть получен.

У. Бек подводит итог происходящему в политической, социально-экономической и культурной сферах: «Космополитическое мировоззрение означает, что в мире глобальных кризисов и угроз, порожденных развивающейся цивилизацией, все прежние разграничения между внутренними и внешними сферами, между национальным и международным, “нами” и “ними” уже не годятся для жизни. Напротив, чтобы выжить, необходим новый космополитизм» [14, с. 20].

В работах У. Бека «Космополитическая Европа», «Космополитическое мировоззрение», «Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма» проводится идея: космополитизм может стать новой глобальной политической идеологией XXI в. Космополитизм становится знаковым символом эпохи «рефлексивного модерна» (эту эпоху другие мыслители называют постмодерном). Бек подвергает критике противников глобализации и космополитизма за устаревшее архаичное мышление, возрождающее ценностные установки модерна, которые, согласно исследователю, безнадежно устарели: все старые точки отсчета потеряли свою значимость. Рано или поздно, но глобализационные процессы наберут необходимые обороты, что приведет к исчезновению «реликтового излучения» модерна, и наступит совершенно новая эра. В неизбежном приходе новой парадигмы мышления, новой исторической эры, нового типа человека и новой глобальной идеологии исследователь не сомневается.

Роберт Файн рассматривает фигуру У. Бека в качестве прямого преемника космополитических идей И. Канта, Г. Гегеля, Э. Дюркгейма, Р. Арона. Бек пишет о «космополитизации реальности», которая, отмечает Р. Файн, вытекает из того факта, что человечество сегодня сталкивается с общими глобальными рисками, переход от «методо-

логического национализма» к «методологическому космополитизму» является ключевым вызовом, стоящим перед современной гуманитарной наукой [19, с. IX–X].

Обращаясь к соотношению понятий «глобализация», «глобализм», «космополитизм», «постмодернизм» в работах Бека, необходимо отметить, что космополитизм рассматривается как процесс, осуществляющийся параллельно глобализации. Если под глобализационными процессами понимается экономическая и торговая интеграция, то космополитизм охватывает процессы прежде всего культурной, социальной и духовной жизни современного общества. Одновременно космополитизм (подпитываемый мультикультурализмом и легитимацией «инаковостей») по духу противоположен глобализму, выступающему для Бека синонимом вестернизации. Подход глобализма озвучен в мондиалистском проекте Ж. Аттали, который для решения грядущих глобальных проблем современности предлагает установить жесткий политический контроль на мировом уровне, создать «планетарную политическую власть».

Показательно отношение Бека к постмодернизму, в котором он видит фундаменталистские черты, обнаруживая в «постмодернистской романтике» опасности «нового средневековья» (постмодерн как в какой-то мере отказ и преодоление модерна поневоле реконструирует и реставрирует некоторые институты премодерна). Постмодернизм все равно пытается привязать человека к какой-либо культуре. В этом плане постмодернизм скорее является врагом космополитизма.

В идеологическом ракурсе космополитизм представляет собой интегральную идеологию, включающую в себя принципы других трендовых сегодня идеологий, претендуя на некое широкое обобщение общей идеологической ситуации первой половины XXI в.

Принципиальная особенность космополитического режима, космополитического суверенитета заключается в том, что космополитизм как потенциально новая глобальная идеология выходит за пределы «частичных» и «локальных», по существу «классовых» идеологий, каковыми были все так называемые глобальные идеологии XIX–XX вв. Методологические претензии идеологий либерализма, консерватизма и социализма на глобальный характер – это фактически претензии на метафизический и религиозный универсализм. Однако в реальности данные идеологии исходили из наличия внешнего (враждебного или отличающегося от них) порядка. Космополитизм, если его домысливать до логического завершения, фактически представляет собой секуляризованный Божественный порядок [15, с. 400].

Интегральный характер космополитизма проявляется в потенциальном включении в систему своих принципов и ценностей ключевых положений из идеологий феминизма, экологизма, мультикультурализма, а также, возможно, современных версий либерализма (например, либертарианства) и социал-демократии.

Заключение

Можно сделать следующие выводы.

1. В исследованиях западных социально-политических мыслителей (У. Бек, З. Бауман, И. Валлерстайн, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Ж. Аттали и др.) 1990-х – начала 2000-х гг. проведен критический анализ обществ позднего «рефлексивного модерна», охарактеризован теоретико-методологический фундамент постмодерна; приведены конкретные примеры реализации принципов постмодерна в антропологии, культурной и социальной политике, экономической и политической сферах. Если в работах 1970–90-х гг. постсовременность рассматривалась в основном в теоретическом и методологическом ракурсах, то исследования конца XX – начала XXI в. посвящены практическому преломлению фундаментальных оснований постмодерна в различных сферах. Если в 1970–80-е гг. постмодерн был теоретическим проектом и культурным экспе-

риментом, то в первой трети XXI в. он прочно вошел во все жизненные сферы. Если мышление простых обывателей еще осталось в модерне, то мышление новой элиты и представителей молодежи, а также сама действительность однозначно находятся в постмодерне.

2. Среди двух доминантных сценариев мирового политического развития («новое средневековье» и «глобальное общество») наиболее вероятным представляется именно второй сценарий – постепенное формирование глобального общества глобальной мировой идеологии. Во-первых, сценарий «нового средневековья» вовсе не противоречит мондиалистским или космополитическим сценариям, а может стать их удобным дополнением. Во-вторых, сценарий «глобального общества» является более безопасным и перспективным как для мировой элиты, так и для существующих сегодня национальных элит, которые также мечтают стать частью мировой. Т. е. постепенно формируется субъект глобального общества. В-третьих, сама логика социально-экономического и технологического развития современной цивилизации говорит о необходимости создания глобального общества для решения глобальных проблем современности; формирования глобальной элиты для ответов на новые технологические вызовы и создания мировоззренческой и ценностной матрицы постсовременности.

3. На основании постепенно формирующейся системы ценностей и мировоззренческих принципов глобальное общество становится субъектом новой глобальной идеологии. Скорее всего, космополитизм как глобальная идеология инкорпорирует принципы мультикультурализма, феминизма, экологизма, технократизма, либертарианства и современной социал-демократии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Held, D. *Cosmopolitanism. Ideals and Realities* / D. Held. – Cambridge : Polity Press, 2010. – 306 p.
2. Introduction // *Cosmopolitanisms* / ed. by V. Robbins, P. Lemos Horta. – New York : University Press, 2017. – 289 p.
3. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование : учеб. для студентов вузов / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2000. – 348 с.
4. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование (фрагменты выступления на методологическом семинаре в МОСГУ) / А. С. Панарин // *Знание. Понимание. Умение*. – 2004. – № 1. – С. 171–173.
5. Бек, У. Что такое глобализация / У. Бек ; пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника ; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
6. Савченко, И. А. Зависимое развитие: печальная правда современности / И. А. Савченко // *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. – 2008. – № 3 (27). – С. 99–104.
7. Савченко, И. А. Средневековье постсовременности и глобальные трансформации [Электронный ресурс] / И. А. Савченко // *Соврем. исслед. соц. проблем : электрон. научн. журн.* – 2013. – № 5 (25). – Режим доступа: http://journals.org/index.php/sisp/article/view/5201310/pdf_133. – Дата доступа: 11.08.2019.
8. Мартинелли, А. От мировой системы к мировому обществу? / А. Мартинелли // *Социол. исслед.* – 2009. – № 1. – С. 5–15.
9. Зуйков, Р. С. Идеология мирового общества: политико-системный анализ / Р. С. Зуйков // *Век глобализации*. – 2014. – № 2. – С. 91–104.
10. Avery, J. *Towards a Sustainable Global Society* / J. Avery // *A World at the Crossroads: New Conflicts, New Solutions* / ed. by J. Rotblat, S. Hellman. – London, 1994. – P. 163–171.

11. Dingwall, R. Professions and Social Order in a Global Society / R. Dingwall // Revista Electronica de Investigacion Educativa. – 2004. – Vol. 6, № 2. – P. 131–140.
12. Ханна, П. Второй мир / П. Ханна. – М. : Европа, 2010. – 616 с.
13. Назарова, А. Ш. Воззрения Парага Ханны на глобализационные и геополитические тенденции цивилизации XXI века / А. Ш. Назарова // Вестн. экономики, права и социологии. – 2012. – № 2. – С. 224–226.
14. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М. : Центр исслед. постиндустр. о-ва, 2008. – 330 с.
15. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек ; пер. с нем. А. Б. Григорьева, В. Д. Седельника. – М. : Прогресс-Традиция : Территория будущего, 2007. – 464 с.
16. Логинов, А. В. Кризис современного государства и идеология космополитизма / А. В. Логинов // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. – 2011. – № 15 (77). – С. 22–30.
17. Левалуа, К. Сочти число Зверя. Замечания о книге Жака Аттали «Линии горизонта» / К. Левалуа // Элементы. Евразийское обозрение. – 1992. – № 2. – С. 3–8.
18. Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социол. журн. – 1995. – № 4. – С. 133–154.
19. Fine, R. Cosmopolitanism / R. Fine. – London ; New York, 2007. – 179 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.10.2019

Semenova V. N. The Potential of Cosmopolitanism as a New Universal Ideology in the Context of Globalisation

The article analyzes the main approaches to the essence of globalization and describes a new stage of globalization processes at the beginning of XXI century. Much attention is given to such prognostic factors in the development of the modern world as «new Middle Ages» and «global society». It is spoken in detail about the potential of cosmopolitanism as a new global ideology. The author carries out a comparative analysis of the concepts «globalization», «globalism», «cosmopolitanism» and «postmodernism». It is concluded that in XXI century the formation of a new global ideology is inevitable.

УДК 327 : 341.231.14

Э. Н. Северин

канд. полит. наук, доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: Endhause1982@mail.ru

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНЦЕПТЕ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Одной из ключевых проблем, стоящих перед мировым сообществом, является политическое утверждение общей идентичности сквозь призму прав человека и безопасности, основанных на проведении единой согласованной политики. Категории «права человека» и «безопасность» выступают в качестве системообразующих в процессе становления и устойчивого развития национальных и мировой политических систем. Сегодня международный политико-правовой ландшафт в области прав человека и безопасности кардинально отличается от той политической реальности, в условиях которой была создана Организация Объединенных Наций. Феномены глобализма и антиглобализма, интеграции и сепаратизма, размывание национальной идентичности и гипернационализм, экологическая проблема и биотехнологии создают новые риски и угрозы для реализации прав человека и обеспечения безопасности на всех уровнях жизнедеятельности современной глобальной политической системы.

Введение

Сегодня в условиях построения новой глобальной системы постмеждународных отношений проблема прав человека и безопасности актуализировала свою политическую значимость. С точки зрения классической политической теории государство рассматривалось в качестве эталонного субъекта вопроса безопасности и обеспечения прав человека. В современных условиях категория «политика в области безопасности» должна пониматься не только как противодействие государства и «акторов вне суверенитета» угрозам потенциального агрессора, а права человека – не только как система общепринятых политических ценностей, но и как ресурс, обладающий перспективой взаимного совместного использования для ликвидации рисков и угроз и преобразования враждебности в сотрудничество. «Более того, в последние годы международное сообщество возвело права человека на такой уровень важности в ООН, который раньше имели только вопросы мира, безопасности и развития» [1, с. 3]. Однако современная глобальная политика характеризуется широко распространенным во всем мире чувством отсутствия безопасности. Не только большие войны, но и небольшие, даже малые, показывают, что надо делать все для того, чтобы любые разногласия решать путем переговоров, а не путем скрещивания оружия [2, с. 21].

Современные системы защиты прав человека и обеспечения безопасности имеют свои политические истоки в Тридцатилетней войне (1618–1648), которую можно назвать Первой общеевропейской войной как по ее масштабам, так и по ее последствиям для европейской и мировой политической истории в целом. Системообразующим источником Тридцатилетней войны были догматические споры между представителями различных видов протестантизма, боровшихся за свои права, и сторонниками католицизма. Вестфальская система международных отношений положила начало созданию системы независимых государств, в которой национальный суверенитет закрепился в качестве высшего приоритета, а идеи в области свободы совести стали отправной точкой международного признания прав человека. «Ученые-международники того времени восприняли естественно-правовую теорию прав человека. Они считали, что за каждым человеком признаются основные права, которые должны быть уважаемы как в мирное время, так и в военное время» [3, с. 10]. Последующие эволюция и актуализа-

ция принципов международных отношений, расширение объема прав и свобод во многом определялись военно-политическими катаклизмами региональных и мирового уровней.

Венская система международных отношений утвердила ценностно-правовой консенсус великих держав, основанный на приоритете мирного разрешения межгосударственных противоречий, осуждения рабства, защиты прав индивида в условиях ведения войны. Женевские и Гаагские конвенции, инициативы Международного комитета Красного Креста способствовали начальной стадии институционализации феноменов прав человека и безопасности в условиях международной системы отношений XIX – начала XX в., стали очередной безуспешной попыткой гуманизации проблемы войны и мира.

Версальско-Вашингтонская система международных отношений характеризуется сквозь призму деятельности Лиги наций, основной целью которой была реализация идеи коллективной безопасности через обеспечение права народов на самоопределение, ограничение применения военных методов разрешения споров, сокращение вооружений, гуманизацию международных отношений. Кроме того, положения Версальского мирного договора (ст. 227–230) предусматривали создание специального суда (международного трибунала), который призван был судить «по мотивам, внушенным высшими принципами международной политики, и в заботе об обеспечении уважения к торжественным обязанностям и международным обязательствам, а также к международной морали». Однако практическая реализация и политическое нормотворчество Лиги наций лишь затрагивали проблему обеспечения отдельных прав личности (прав социальных общностей) и не характеризовались разработкой и принятием универсальных политико-правовых актов в области прав и свобод, утверждением «широкой концепции прав человека». Это позволяет сделать вывод, что и в условиях Версальско-Вашингтонской вариации международных отношений становление полноценной международной системы защиты прав человека как фактора обеспечения международной безопасности не произошло.

Политический дизайн Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений традиционно характеризуется такими категориями, как «биполярность», «баланс сил», «холодная война», «железный занавес». Политическим стабилизатором данной системы призвана была стать ООН, которая в качестве основных целей своей жизнедеятельности обозначила поддержку международного мира и безопасности, развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех. Главная ответственность в обеспечении безопасности и мира была возложена на Совет Безопасности ООН, ключевую роль в котором выполняли государства – лидеры противоборствующих блоков. Институциональная структура биполярной системы была дополнена членами Движения неприсоединения, в которое вошли не присоединившиеся к противостоящим блокам страны.

Политико-идеологические разногласия субъектов международного сообщества привели к формированию и признанию «широкой концепции прав человека». Разработка и принятие мировым сообществом Международного билля о правах человека свидетельствовали об интернационализации феномена прав человека, которые в свою очередь приобрели статус системообразующего явления во всех сферах сложившейся системы международных отношений и, несмотря на разное толкование, закрепились на уровне абсолютного большинства региональных и национальных политических систем. Исчезновение биполярной системы с политической карты мира не сделало мир более безопасным, породив новые и актуализировав старые риски и угрозы.

В качестве ключевых целей Декларации тысячелетия ООН, принятой резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г., были определены мир, безопасность и разоружение, права человека, демократия и благое управление. В документе утверждается, что «существенно важное значение для международных отношений в XXI в.

будет иметь ряд фундаментальных ценностей», к которым относятся свобода, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе и общая обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранению угроз международному миру и безопасности. Принятая в сентябре 2015 г. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. актуализировала исследуемую нами проблему в новом измерении. «Массовое вторжение в сферу международных взаимодействий негосударственных акторов, резкий рост количества и роли транснациональных корпораций в формировании всемирного рынка, распространение идеалов демократии и прав человека на все новые страны и, наконец, возникновение интернета, эти и сопутствующие им явления (которые в массе своей способствовали более легкому и интенсивному преодолению людьми и их объединениями государственных границ) стали основой для выводов о том, что в международном политическом развитии наступил новый этап» [4, с. 254].

Главными потенциальными либо реально существующими угрозами на всех уровнях обеспечения безопасности и прав человека являются политические конфликты, гонка вооружений, терроризм, экономические кризисы, голод, нерегулируемая иммиграция, катаклизмы природного и техногенного характера, эпидемии, уничтожение геобиоразнообразия Земли и др. Систематическое нарушение прав и свобод ставит под угрозу обеспечение безопасности, а отсутствие безопасных условий жизнедеятельности – реализацию прав и свобод.

На основе критерия рисков и угроз можно выделить следующие виды безопасности: политическая, экономическая, научно-технологическая, религиозная, социальная, демографическая, образовательная, научно-техническая, информационная, военная, экологическая и др.

На наш взгляд, методологически верным является определение содержательного пространства различных уровней безопасности, каждый из которых определяется субъектами безопасности, которые в то же время являются объектами экзогенных и эндогенных угроз:

1. Мировая безопасность (глобальная безопасность) – состояние защищенности планетарного уровня. Степень угрозы на этом уровне характеризуется не только гуманитарной, но и общепланетарной составляющей. «Понятие глобальной безопасности должно быть расширено так, чтобы его традиционное внимание к военным методам как гарантии безопасности государства включало как безопасность людей, так и безопасность всей планеты» [5, с. 23].

Эпидемии, глобальные природные и техногенные катастрофы, уничтожение геобиоразнообразия планеты Земля, космическая угроза непредсказуемы и требуют оперативного принятия решений и эффективных действий всего человечества. Для «новой» мировой безопасности серьезную угрозу также представляют уязвимость IT-систем, биотехнологии. «Политическое равенство, освященное Декларацией независимости, опирается на эмпирический факт природного равенства людей. Мы весьма различаемся как индивидуумы, но обладаем общей человеческой сутью, той, которая открывает каждому человеку возможность общаться с любым другим человеком на планете и входить с ним в некие моральные связи. И окончательный вопрос, который поднимает биотехнология, таков: что случится с политическими правами, если мы действительно сможем вывести две породы людей; одну – с седлами на спинах, а другую – со шпорами на сапогах?» – задается вопросом известный американский политолог Ф. Фукуяма [6, с. 16].

2. Международная безопасность – состояние защищенности сообщества народов (наций), состоящего из всех или большинства государств мира. Для XXI в. характерны военно-политические конфликты, протекающие в форме асимметричных и гибридных войн, под «прикрытием» обеспечения прав человека и/или международной безопасности.

Отдельные войны (например, первая война в Персидском заливе и антитеррористическая операция в Афганистане) были санкционированы «международным обществом», т. е. Советом Безопасности ООН, действующим от имени всех государств – членов ООН в вопросах «международного мира и безопасности». Политические процессы последних десятилетий породили такие логически абсурдные концепты с точки зрения прав человека и безопасности, как «гуманитарная интервенция», «гуманитарная бомбардировка». Американский ученый Дж. Винсент считает, что «основное влияние прав человека на систему государств состояло не в доктрине гуманитарной интервенции, а в постепенном распространении глобальной космополитической культуры» [7, с. 24]. Следует согласиться с мнением американского политолога, что может существовать только одно безусловное основание для гуманитарной интервенции – массовый голод в стране.

Современные политические реалии характеризуются «новой волной» гонки вооружений, что в ближайшей перспективе приведет к расширению «ядерного клуба». Республика Беларусь одна из немногих современных стран, обладая ядерным оружием, вывела со своей территории последние боеголовки в 1996 г. «Все ядерные державы, а также все другие государства, все народы, все государственные деятели, каждый человек на Земле – должны осознавать, что ядерное оружие должно быть уничтожено. Не может быть гарантирована безопасность в мире, если оно будет существовать», – утверждал выдающийся советский дипломат, уроженец Беларуси А. А. Громыко [2, с. 34].

3. Региональная безопасность – состояние защищенности региона (субрегиона), не обязательно основанного на полной политической идентичности. Наряду с вышеперечисленными угрозами, характерными для всех уровней безопасности, отдельные государства могут создать угрозу региональной стабильности. Это касается прежде всего сверхдержав и великих держав, поскольку их влияние на окружающую политическую и иные среды обладает как конструктивным, так и разрушающим потенциалом, т. е. способностью создавать и разрушать региональные организации. Регионы могут создавать угрозу другим регионам, но не в масштабах великой державы или сверхдержавы. Международное сообщество может косвенно оказывать угрожающее воздействие на регионы, главным образом из-за ослабления или распада самого международного общества, основанного на доминировании политики «двойных стандартов» и нарушении системообразующих принципов международного права. В частности, основные принципы международных отношений были закреплены в 1975 г. в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинские соглашения):

- 1) суверенное равенство государств;
- 2) нерушимость установленных границ;
- 3) неприменение силы или угрозы силы в межгосударственных отношениях;
- 4) признание территориальной целостности государств;
- 5) мирное урегулирование споров;
- 6) невмешательство во внутренние дела других государств;
- 7) уважение прав и свобод человека;
- 8) равноправие и право народов распоряжаться собственной судьбой;
- 9) сотрудничество между государствами и добросовестное выполнение обязательств по международному праву [8].

4. Национальная безопасность – состояние защищенности государства и/или нации. В политическую повестку категория «национальная безопасность» была введена в 1904 г. президентом Соединенных Штатов Америки Т. Рузвельтом. В 1947 г. в США был создан Совет национальной безопасности (в 1991 г. Совет безопасности был образован в Республике Беларусь). Появление данного института существенным образом повлияло на становление и развитие новой концепции политики безопасности. Политика безопасности стала больше чем оборонная политика, больше чем военная политика,

больше чем политика, направленная на подготовку к войне. Политика безопасности приобрела направленность на предотвращение войны. Политика в области безопасности в современном политическом дискурсе охватывает внутреннюю и внешнюю безопасность, политику экономического развития и политику воздействия на международную систему в целях мира и безопасности, реализации норм международного права как на региональном и международном, так и на глобальном уровне. Таким образом, во время «холодной войны» политическое содержание безопасности было расширено. Первоначальная, узкая концепция международной безопасности была основана на том, что ООН была продолжением победоносного военного альянса, который воспринимал агрессию, основанную на национализме, как основную причину начала Второй мировой войны. Однако «холодная война» полностью изменила международную политическую обстановку. Политические и национальные границы были оспорены, а принцип самоопределения не стал приоритетным в процессе строительства новой международной политической системы. Скорее, стало нормой обратное: случайное разделение наций, выселение огромных масс населения и признание границ, которые не учитывали национальную принадлежность. Таким образом, были заложены «замороженные конфликты», которые впоследствии были доведены до «горячей фазы».

5. Личная безопасность – в широком смысле состояние защищенности индивида политической и экономической, социальной и личной, военной и экологической, энергетической и информационной, она включает в себя защиту от хронической угрозы голода, болезни, репрессий, а также от внезапного и губительного нарушения уклада повседневной жизни.

«По-прежнему достаточно сложным остается вопрос о соотношении безопасности индивида и прав человека с одной стороны и ограничения прав человека государством ради обеспечения национальной безопасности – с другой. Основная проблема состоит в нахождении оптимального баланса между этими двумя явлениями» [9, с. 94]. На наш взгляд, противоречия в этой области являются иллюзорными, искусственными, они возникают в угоду определенным субъектам политики. Политико-правовые акты в области прав человека четко показывают корреляцию между соблюдением прав индивида и безопасностью. Как отмечается во Всеобщей декларации прав человека, «каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Такой взгляд, однако, не исключает возможности оправданного ограничения ряда прав и свобод человека в условиях чрезвычайных ситуаций и вооруженных конфликтов. В международных политико-правовых актах и национальных конституциях, как правило, есть положения, предусматривающие особые ситуации, когда нарушение основополагающих прав во имя обеспечения государственной или общественной безопасности является допустимым. Например, Европейская конвенция о правах человека позволяет посягнуть на свободу личности, если того требует национальная безопасность (ст. 15). В Конституции Республики Беларусь отмечается: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» (ст. 23) [10, с. 7].

В некоторых случаях можно сократить нарушение прав человека, вообще «не задевая» интересов безопасности страны, тогда как в других ситуациях подобное сокращение определенным образом скажется на нуждах безопасности. Резолюция

Совета Безопасности ООН № 1456 от 20 января 2003 г. обязывает все государства-члены «обеспечить, чтобы любые меры, принимаемые в целях борьбы с терроризмом, соответствовали всем их обязательствам по международному праву, и им следует принять такие меры в соответствии с международным правом, в частности, в области прав человека, беженского права и гуманитарного права». Таким образом, не существует безопасности без прав человека или прав человека без безопасности.

Безусловно, государство выступает главным субъектом обеспечения национальной безопасности. Оно создает основу для организации жизненного пространства нации как на территории государства, так и на международной арене, защиты национальных ценностей и национальных интересов, прав и свобод человека и гражданина. Ослабление государства негативно отражается на его состоянии и положении нации, на ее внутренней и внешней безопасности.

Функции государства в области национальной безопасности можно разделить на внутренние (обеспечение правопорядка и прав человека в политической, экономической, социальной, культурной и иных сферах жизнедеятельности нации и государства) и внешние (обеспечение безопасности государства и нации в рамках развития политических, экономических и культурных контактов с другими странами и нациями, международными организациями). Прежде всего, следует отметить, что национальная безопасность, хотя и служит условием существования государства, не является при этом самоцелью. Итак, если национальная безопасность является высшей ценностью и необходимостью нации, то права и свободы человека и уровень их реализации являются содержанием и критерием состояния национальной безопасности.

Политика Республики Беларусь в области национальной безопасности институционализована в Конституции Республики Беларусь и Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, которая определяет национальную безопасность как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз». Национальные интересы рассматриваются как «совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь» [12].

Таким образом, государственная политика Беларуси заключается в обеспечении безопасности граждан, уважения прав человека и основных свобод и демократического порядка в стране, она направлена на защиту национального наследия и национальной идентичности, выполнение обязательств перед международным сообществом, а также на оборону и продвижение интересов белорусского государства.

В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь соблюдение конституционных прав и свобод человека выступает в качестве одного из основополагающих принципов национальной безопасности, а личность, ее конституционные права, свободы и законные интересы определены как объект и субъект национальной безопасности.

Одной из новых проблем современного мира является обеспечение информационной безопасности. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь четко регламентировала государственно-правовые особенности системы прав и свобод человека в политической сфере:

1) основополагающим национальным интересом Республики Беларусь в информационной сфере с точки зрения гуманитарного аспекта является реализация конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации, свободу мнений, убеждений и их свободного выражения, а также права на тайну личной жизни;

2) ведущим принципом обеспечения национальной безопасности является конституционное право граждан свободно искать, получать, передавать, производить, хранить и распространять информацию любым законным способом, право на тайну личной жизни и иную охраняемую законом тайну, защиту персональных данных и авторских прав, а также соблюдение баланса прав с ограничениями, связанными с обеспечением национальной безопасности.

Все вышеназванные и иные национальные политико-правовые акты Республики Беларусь в качестве значимого аспекта долгосрочной перспективы развития национальной системы защиты прав человека и фактора обеспечения национальной безопасности определяют совершенствование механизмов защиты конституционных прав и свобод, законных интересов личности, общества и государства.

Разрешение противоречий между правами и свободами человека и национальной безопасностью предполагает достижение баланса между двумя интересами, каждый из которых имеет общенациональное значение. Права человека и интересы государства являются значимыми составляющими национальной безопасности. И политике государства не следует игнорировать ни одну из них. В конце концов, и то и другое не противостоят друг другу. Государство не может находиться в безопасности, если его гражданам (человеку) угрожает опасность, если само государство систематически нарушает права индивида, т. к. это ведет к различного рода конфликтам и потере политической стабильности как на государственном, так и на международном уровне.

Заключение

Таким образом, права человека и концепт безопасности обладают общностью рисков и угроз и являются необходимыми условиями обеспечения друг друга. Право на безопасность является системной категорией, объединяющей в рамках своего содержательного пространства коллективные права (права общностей) и индивидуальные права и свободы, начиная от права на мир и международный порядок, заканчивая правом на безопасность товаров и услуг, на всех уровнях и направлениях жизнедеятельности систем обеспечения прав человека и безопасности.

Политика в области прав человека и безопасности направлена на создание условий достойного и безопасного существования личности, государства, международного сообщества, всей планеты. Человек (социальные общности, человечество) определяется в качестве цели, обеспечение прав и свобод, совершенствование механизмов их защиты – в качестве значимых принципов и задач политики в области безопасности.

Категории «права человека» и «безопасность» в реальной политике реализуются через политические действия, процессы и институты, которые могут обеспечить безопасность политической и социальной единицы защиты.

В политическом контексте термины «права человека» и «безопасность» применяются в качестве политического инструмента, например, для придания приоритетного статуса определенному явлению при помещении его в сферу высокой политики.

Понятия «права человека» и «безопасность» являются значимыми критериями определения эффективности политики на всех уровнях и во всех сферах.

Наконец, концепты «права человека» и «безопасность» могут быть использованы в качестве аналитических концепций для выявления, описания, понимания, объяснения или даже прогнозирования политических явлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Наиболее резонансные случаи нарушения прав человека в отдельных странах мира, 2013 / М-во иностр. дел Респ. Беларусь. – [Б. м. : б. и.], 2014. – 67 с.

2. Громько, А. А. Война между государствами – великое зло. К 110-летию А. А. Громько / Ин-т Европы РАН, Ассоц. Внешнеполит. исслед. им. А. А. Громько / под общ. ред. Ал. А. Громько. – М. : Весь мир : ИЕ РАН, 2019. – 490 с.
3. Карташкин, В. А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке / В. А. Карташкин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 176 с.
4. Политология: Лексикон / под ред. А. И. Соловьева. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. – 800 с.
5. Права человека и культура мира: проблемы обучения и воспитания : по материалам II Европ. Конгр. по воспитанию в духе мира «Обучение правам человека. От идеи к реальности», 26–30 июня 1996 г., Лиллехаммер / под ред. Э. Клевена [и др.] ; ред. рус. изд. Э. С. Соколова. – АИРО-XX, 1999. – 247 с.
6. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ : ЛЮКС, 2004. – 349 с.
7. Vincent, R. J. Human rights and international relations / R. J. Vincent. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1988. – 186 p.
8. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс] : подписан 1 авг. 1975 г. в Хельсинки (Финляндия) рук. 33 европ. государств, США и Канады // Документы XX века: всемирная история в Интернете. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/3197>. – Дата доступа: 24.02.2020.
9. Северин, Э. Н. Права человека как предмет политической науки / Э. Н. Северин // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2013. – № 1. – С. 88–96.
10. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
11. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 г., № 621, от 24.01.2014, № 49 // Нац. Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.03.2020

Severin E. N. Human Rights in the Concept of Safety: Political Aspect

One of the key challenges which the international community is facing at the current moment is the political affirmation of a common identity through the prism of human rights and security, based on a unified, coherent policy. The categories of «human rights» and «security» act as system-forming phenomena in the processes of formation and sustainable development of national and world political systems. Today, the international political and legal landscape in the field of human rights and security is fundamentally different from the political reality in which the United Nations was created. The phenomena of globalism and antiglobalism, integration and separatism, the erosion of national identity and hypernationalism, the environmental problem and biotechnology pose new risks and threats to the realization of human rights and security at all levels of life of the modern global political system.

УДК 316(1-87)

Л. Г. Титаренко

*д-р социол. наук, проф., проф. каф. социологии
Белорусского государственного университета,
ассоциированный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург)
e-mail: larissa@bsu.by*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ОРИЕНТАЦИИ БЕЛОРУССКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В ОТНОШЕНИИ БУДУЩЕЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Современная цифровизованная реальность оказывает все большие влияния на современное молодое поколение, рожденное и социализированное в мире гаджетов и компьютеров. Сфера высшего образования, занимающаяся подготовкой квалифицированных специалистов для будущей практической деятельности, тоже должна трансформироваться под влиянием дигитализации. Неравномерная цифровая подготовка студенчества, а также дифференциация их интересов в области виртуальной реальности приводит к тому, что складывающиеся стратегии в отношении будущего труда не всегда релевантны экономике, ориентированной на переход к пятому технологическому укладу. Учебные заведения должны постепенно трансформировать процесс преподавания таким образом, чтобы больше ориентировать студентов на эффективный творческий труд и развивать у них необходимые для этого компетенции.

Введение

Цифровизация – одна из ключевых характеристик развития современного производства, торговли, рынков труда и товаров, а также повседневной жизни разных групп населения, включая средства обучения в системе среднего и высшего образования, социализации, развлечения, коммуникации, мобильности и т. п. Ни одна сфера общественной жизни не остается обойденной влиянием процесса цифровизации. Не случайно в Беларуси приняты нормативно-правовые документы, в которых переход к электронной (цифровой) экономике обозначен в качестве стратегического ориентира. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. устанавливает цель совершенствования условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства [1]. Исследования в области экономики дают основания ожидать, что в ближайшие 5–10 лет в мире радикально изменятся производственные технологии и технологические процессы, претерпит значительные преобразования сфера организации труда и управления, что неминуемо приведет к необходимости подготовки квалифицированных специалистов с новыми профессиональными знаниями и навыками. Уже сегодня передовые отрасли экономики требуют все больше квалифицированных работников с подготовкой не ниже среднего специального или высшего образования, а не экономистов и управленцев среднего звена. Поскольку в настоящее время в Беларуси преобладает четвертый уклад, тогда как экономика наиболее развитых стран находится в пятом и переходит на шестой, стране необходим рывок в технико-экономическом развитии, чтобы эффективно внедрять инновации и развивать экономику. Отсюда понятна огромная важность развития

*Статья подготовлена в рамках выполнения научного проекта «Влияния цифровой трансформации на трудовую активность городского населения» (на примере Минска и Санкт-Петербурга), выполняемого совместно с социологами Санкт-Петербургского государственного университета, № проекта: Г20Р-109.

информационных технологий и обучение им будущих специалистов в высших учебных заведениях. Новое поколение специалистов, в полной мере владеющее современными технологиями, должно стать основным локомотивом модернизации инновационной экономики, которая без квалифицированных кадров не может успешно развиваться. Поэтому подготовка квалифицированных молодых специалистов в современном обществе, их включенность в цифровую цивилизацию имеет не меньшую значимость для общества, чем развитие современной техники и технологии. Для успеха развития общества очень важно, чтобы выпускники были хорошо подготовлены к трудовой деятельности и имели высокую мотивацию на труд, вносящий вклад в развитие цифровой экономики.

Цель статьи – рассмотреть влияние цифровой трансформации экономики и общества на отношение студентов к их будущей трудовой деятельности. Задачи статьи:

- 1) показать степень включенности современного студенчества в процессы цифровизации, в том числе те, которые имеют отношение к их учебе и будущей трудовой деятельности;
- 2) обозначить, каким образом цифровизация оказывает влияние на ценностные ориентации студентов в отношении учебы и будущей трудовой активности;
- 3) разработать практические рекомендации для учреждений высшего образования по оптимизации подготовки современных студентов к трудовой деятельности в условиях цифровизации.

Цифровизация экономики и ее влияние на студенческую молодежь

Среди имеющихся в научной литературе теоретико-методологических подходов в области исследования цифровизации выделяются два широко популярных среди ученых.

Первый из них – технократический, представленный в работах известных зарубежных авторов – Э. Тоффлер, Дж. Гэлбрейт, Й. Масуда. В рамках этой методологии цифровизация экономики должна включать в себя прежде всего технико-технологические феномены, которые диктуют другим сферам деятельности направления развития. Эта методология характеризуется принципами технологического детерминизма, которому подчиняются и система образования, и экономика, и культура. Будущее человеческого общества – виртуализация реальности и цифровизация всей жизнедеятельности, превращение цифровой культуры в ядро человеческой культуры, а человека в Homo Digital. Такой человек подчиняется технике, искусственный интеллект заменяет его везде где возможно, чтобы, в конечном счете, сделать человека объектом технических манипуляций.

Второй подход можно назвать гуманитарным, т. к. он предполагает разносторонний анализ двойственного влияния цифровизации на общество и человека, защиту гуманитарного культурного наследия, выявление форм интеграции традиционной и цифровой культуры, а также уяснение угроз дегуманизации личности в условиях, когда дигитализация в сфере культуры абсолютизируется. В статье мы будем исходить из гуманитарного подхода, который в области образования направлен на сбалансированное сочетание как технических, так и социально-гуманитарных дисциплин в обучении студентов. На основании избранного подхода определим, в чем проявляется влияние дигитализации на ценности и ориентации студенчества в процессе их обучения и как это влияние отражается на стратегиях, связанных с их будущим трудоустройством.

Во-первых, влияние дигитализации проявляется в том, что современное поколение студентов по праву стало цифровым поколением, или «цифровыми аборигенами». Молодежь все больше времени проводит в Интернете. Как отмечают не только российские [2], но и белорусские исследователи, любой представитель этого поколения, называемого миллениалами, или поколением Z, «все больше перемещается из актуальной

реальности в виртуальную» [3, с. 102], при этом он все больше ориентируется на собственные ценности и интересы. Только в виртуальном пространстве, в социальных сетях молодые люди позволяют себе свободно общаться, а в публичном пространстве они часто не высказывают своих взглядов, чтобы не вступать в конфликт со старшими поколениями.

Отсюда следует, во-вторых, что представители современного студенчества характеризуются более «цифровым» поведением. Эта черта, сформированная под влиянием дигитализации, особенно заметна при определении их уровня владения ИКТ. Так, исследования, проведенные среди студентов в Волгоградском государственном техническом университете в 2019 г., показали, что 52 % представителей «поколения Z» используют ИКТ: в личных и учебных целях – 87,9 %; в личном общении с друзьями и родственниками – 76,6 %; для прослушивания музыки и скачивания фильмов – 68,5 %; для ознакомления с новостями – 61 %; для онлайн-покупок, оплаты счетов и т. п. – 57 %; в разных блогах – 46 %; для чтения книг – 57,8 % [4, с. 52].

Согласно исследованиям, проведенным в 2017–2020 гг. под руководством автора, белорусские студенты также отличались широким использованием ИКТ. По данным опроса 2019 г., 99 % студентов пользуются Интернетом: более четверти – не менее 7 часов в день, еще 48 % проводят в сети от 5 до 7 часов ежедневно, только 12 % – до 3 часов. Основные цели использования информационных ресурсов – общение и развлечения. Студенты указали, что больше всего любят общаться в социальных сетях (28 %), некоторой популярностью у них пользуются информационно-новостные порталы (18 %) и развлекательные ресурсы (15 %) [5, с. 28].

В-третьих, противоречивость влияния цифровизации на современных студентов проявляется в том, что наряду с высоким уровнем использования ИКТ в повседневной жизни они демонстрируют значительно более низкий уровень использования ИКТ в учебной деятельности. Учебные порталы заняли только четвертое место в студенческих приоритетах работы в Интернете, платформы для самообучения – пятое. Эти данные подтверждают, что нынешнее поколение действительно является цифровым. Однако использование информации и знание ИКТ далеко не всегда продуктивно с точки зрения учебы или подготовки к будущей работе: студенты не ориентированы на развитие тех качеств, которые будут востребованы. Лишь 12 % опрошенных студентов использовали ИКТ для подготовки к учебе, и около 10 % – для саморазвития. Поскольку часть студентов работают, 7 % указали, что используют ИКТ для работы.

И в то же время студенты высоко ценят ИКТ в целом. По мнению более половины опрошенных нами студентов, использование ИКТ в учебном процессе позволяет им повышать свой уровень знаний и улучшает умение добывать новые знания посредством электронных баз данных. На вопрос о том, насколько важным является использование ИКТ в процессе обучения, 40 % опрошенных ответили «очень важно» и еще 48 % – «скорее важно» [5, с. 27]. Эти ответы, на наш взгляд, подтверждают вывод о значительном влиянии цифровизации на всю жизнедеятельность миллениалов и их ориентированность на цифровую трансформацию процесса обучения.

В связи с этим отметим такую негативную характеристику, как отставание дигитальной трансформации высших учебных заведений от глобальных вызовов в этой сфере в связи с приоритетным развитием цифровой экономики. Экономическая конъюнктура быстро меняется, вызывая необходимость подготовки соответствующих кадров для новых профессий, с новыми знаниями и компетенциями. Когда система высшего образования не успевает подстраиваться под экономические перемены, студенты также не могут определить самостоятельно, какие ИКТ и универсальные компетенции им будут нужны в первую очередь для успешного трудоустройства. Поэтому уровень овладения студентами этими компетенциями отстает от запросов работодателей. Об этом свидетельств-

вуют данные как экспертных интервью с работодателями, так и рекрутинга, проводимого крупными компаниями при поиске необходимых им сегодня квалифицированных специалистов [6]. Получается, что студенты в лучшем случае будут готовы выполнять функции рядового специалиста, но не творческого сотрудника и не руководителя-менеджера современного производства.

Нельзя не отметить еще одно негативное влияние цифровизации на развитие современного молодого поколения – абсолютизацию студенчеством роли ИКТ в сфере образования и труда. Это проявляется в чрезмерной включенности молодых людей (и студентов, и специалистов) в виртуальную реальность, которая может стать для них своеобразным наркотиком, ведущим поведенческой и психологической зависимости. Этот феномен называется «цифровой социализацией» молодого поколения. Изменяя сознание человека, она «тем самым меняет и восприятие реальности» [7, с. 75]. Эту угрозу активно изучают ученые в США, Южной Корее, других развитых странах, где она считается реальной медицинской и психологической проблемой – следствием цифровизации. Российские авторы иногда высказываются по поводу цифровой социализации более резко, называя последствия чрезмерного увлечения цифровыми технологиями «цифровым слабоумием» молодежи [8, с. 89]. В любом случае, эта угроза вполне реальна.

Основные студенческие стратегии выхода на рынок труда

Современная постсоветская практика демонстрирует резкое снижение ценности труда среди всех групп занятого населения. Например, даже в таком индустриально продвинутом регионе России, как Санкт-Петербург, по данным исследования социологов за 2020 г., 70 % опрошенных лиц от 18 до 70 лет согласились, что «теперь уважают человека не за его труд, а за имеющийся у него доход». При этом тремя наиболее важными чертами привлекательного рабочего места были названы следующие: хороший заработок (44 %), удобный график работы (40 %), хорошие отношения в коллективе (39 %). Такие содержательные характеристики трудовой деятельности, как интересная работа, возможности профессионального и карьерного роста, отметили от 12 до 26 % опрошенных. В группе лиц от 18 до 29 лет только 30 % согласились, что качество полученного образования влияет на построение успешной карьеры. Среди лиц старше 60 лет только 40 % согласились с этим, что значительно меньше, чем было в советское время [9, с. 9]. У нас нет аналогичных данных по Минску или Беларуси, но можно предположить, что ввиду сходства социально-экономических условий России и Беларуси эти данные в целом адекватны и для нашей страны.

Проведенное нами исследование позволило определить, как студенты старших курсов, оценивают те же характеристики труда и на что ориентируются в установках на свой будущий труд. Было выявлено, что студенты вырабатывают определенные практические стратегии в отношении трудоустройства, соответствующие их собственным интересам и ценностям. Как и в России, эти стратегии не обязательно соответствуют интересам общества и цифровой экономики, поскольку молодое белорусское поколение также отличается индивидуализмом, как и российское, и ориентируется прежде всего на себя. Все выделенные нами стратегии базируются на ценностях, выраженных студентами в опросах. Они включают как традиционные ценности (семья, дети, высокий уровень дохода), так и современные (интересная работа, карьера, самореализация), причем в большинстве случаев эти ценности переплетаются, поэтому выделенные стратегии демонстрируют основные тенденции в практических ориентациях студентов, но не могут быть выражены в процентах. От года к году количество молодых людей, предпочитающих ту или иную стратегию, различалось.

Среди тех стратегий, которые могут быть определены как модернизационные (современные), выделим две: первая основана на приобретении опыта, вторая – на актив-

ной поисковой деятельности подходящей работы. На наш взгляд, первая из них более продуктивна. Она связана с приобретением студентами опыта работы в процессе учебы. Большинство студентов последних двух курсов обучения, избравших эту стратегию, стремятся найти работу (подработку) и приобрести опыт, необходимый им для будущего трудоустройства, даже если это мешает их учебе. Чем выше курс обучения, тем больше таких студентов. По данным опроса 2019 г., на четвертом курсе не менее трети студентов имеют постоянную работу, а пятая часть временную; около половины из всех занятых работают по будущей специальности. Тем самым они обеспечивают себе возможность получить персональный запрос на распределение, если сразу находят работу по специальности, либо приобрести хотя бы стаж работы, который может учитываться будущим работодателем. Можно сделать вывод, что студенты, выбравшие данную стратегию, ориентированы на ценности достижения будущего успеха через собственный труд. Зачастую от будущей работы они ожидают прежде всего хорошей зарплаты, в идеале хорошо оплачиваемая работа должна быть еще и интересной молодому человеку. Приобретение стажа работы дает высокий эффект в трудоустройстве, если в процессе такой деятельности студенты могут осознать, каких знаний и компетенций им не хватает, и попытаются восполнить этот пробел либо в вузе, либо через систему дополнительного образования.

Вторая стратегия характеризуется тем, что студенты (обычно обучавшиеся на платной форме) активно ищут работу уже после получения диплома и не боятся менять ее много раз, если быстро понимают, что работа их не устраивает. Стало обычным делом, что в течение одного года такие молодые люди меняют работу 2–3 раза, не задерживаясь на одном месте. Эта тенденция соответствует мировой современной практике быстрой смены места труда, которая может привести как к негативным, так и к позитивным результатам: в первом случае личная неудовлетворенность трудом, переход от одного работодателя к другому без получения дополнительных бонусов и опыта, во втором – трудоустройство, отвечающее ожиданиям молодого человека [10].

Выбор той или иной стратегии определялся ценностями студентов. В нашем исследовании студентам предлагалось оценить критерии выбора будущего рабочего места. Оценка варьировалась от 1 до 4 баллов (от «важно» до «совсем не важно»). Затем были рассчитаны средние значения по каждой позиции. Чем выше среднее значение, тем более важным признан данный критерий выбора работы. В результате основными ценностями по критерию важности для молодого специалиста оказались: интересная работа (среднее значение 3,8 из 4), хорошие условия работы, возможность профессионального роста, высокая заработная плата (значения от 3,5 до 3,7). Полагаем, что полученные данные позволяют считать все указанные мотивы, взятые вместе, первостепенными при выборе стратегии на рынке труда. Студенты ожидают, что хорошая работа должна быть интересной и соответствовать таким критериям, как достойная оплата труда, перспектива сделать карьеру. Самая низкая важность оказалась у возможности творчества в труде и работы по специальности. Это означает, что при выборе стратегии выхода на рынок труда эти ценности меньше принимаются во внимание. Следование таким установкам приводит к высокой текучести кадров молодых специалистов, а значит, и к дополнительным материальным затратам на местах на обучение (доучивание) новых кадров, приходящих на эти места.

Теперь обратимся к традиционным стратегиям выхода на рынок труда. Первая из них чаще выбирается девушками, независимо от того, обучаются они на бюджетной или платной форме обучения. Многие из них ориентированы прежде всего на семью, детей, работа представляет для них второстепенную ценность, главное – удобный режим работы, хороший коллектив, социальный пакет, близость к месту жительства. Исходя из традиционных представлений о семье, где мужчина – добытчик, а женщина –

хранительница очага, такие студентки не обязательно стремятся к высокой зарплате, если рабочее место соответствует их другим ожиданиям. Этим выпускникам практически все равно, будет ли работа интересной и связанной с цифровыми технологиями, будет ли она по специальности, предоставляет ли она возможности карьерного роста, так как все вышеназванное не главное. Такая стратегия совпадает в целом с результатами упомянутого нами опроса, проведенного в Санкт-Петербурге.

Наконец, последняя стратегия также может быть названа традиционной: это ориентация на трудоустройство с опорой на семейные связи, неформальные контакты (то, что называется блатом). Обычно студенты, чьи родители могут устроить их в свои организации (фирмы), ориентируются на такую стратегию. Если они будут удовлетворены своей работой (независимо от ее содержания), то можно считать подобное трудоустройство успешным. Другое дело, что на такой работе далеко не всегда нужны знания ИКТ и полученные профессиональные навыки и умения, ведь данный тип трудоустройства не зависит от личных качеств и компетенций выпускников, а также от специальности по диплому. Тем не менее это одна из существующих стратегий, и мы не должны сбрасывать ее со счетов в процессе трансформации обучения: на таких студентов можно не ориентироваться, проводя те или иные цифровые реформы системы образования.

Обе традиционные стратегии объединяет то, что их выбирают прежде всего студенты, которые учатся ради получения диплома, т. е. диплом о высшем образовании рассматривается в белорусском обществе как необходимая основа для профессиональной жизнедеятельности молодого человека, независимо от того, будет он работать по полученной специальности или нет. Поэтому профессиональная самореализация и творчество их мало интересуют.

На наш взгляд, наиболее дальновидным и практически ориентированным белорусским выпускникам при выходе на рынок труда свойственна ориентация на приобретение опыта работы в ходе учебы, ориентация на выбор места трудоустройства, соединяющего достойную зарплату и личный интерес. Несмотря на сохранение традиционных стратегий, связанных с использованием родственных связей, сформировалась и новая стратегия, связанная с активным освоением IT-технологий и компетенций, востребованных в цифровой экономике, которая позволяет молодым людям независимо от социально-классовых маркеров, полученного формального образования и места жительства, успешно осуществлять вертикальную трудовую мобильность и расширять горизонты самореализации.

Трансформация образовательной сферы: практические рекомендации

Сегодня является общепринятым, что нынешнее поколение студентов уже не может обучаться традиционными методами. С учетом особенностей виртуальной социализации и новых ценностных установок молодого поколения нужна трансформация всей системы образования – ее значительная виртуализация по формам обучения, введение новых дисциплин для овладения необходимыми знаниями ИКТ, широкое использование электронных баз данных, обновление содержания изучаемых дисциплин.

Система высшего образования должна быстро осуществить трансформацию процесса обучения, нацелив его на формирование цифровой культуры студентов, востребованной сферой труда. Если этот процесс будет эффективным, то молодые специалисты, получающие диплом о высшем образовании, будут следовать стратегиям, ориентированным на интересный квалифицированный труд, способствующий их самореализации и приносящий удовлетворение. Если труд молодых специалистов позволит им развивать свой творческий потенциал, они смогут внести более существенный вклад в инновационное развитие экономики. Что для этого требуется осуществить?

Прежде всего, трансформация образовательного процесса должна включать в программы обучения студентов всех направлений набор дисциплин по формированию ИКТ, поскольку все без исключения студенты нуждаются в цифровой культуре и ИКТ-компетенциях. В настоящее время овладение цифровыми навыками и компетенциями относится к фундаментальному обучению ввиду его универсальной востребованности. Поэтому дисциплины, связанные с формированием цифровой культуры студентов, должны быть введены в учебные планы как обязательные, хотя и с разным объемом часов на их изучение. Целью новых дисциплин является формирование цифровой культуры студентов, которая позволит им правильно позиционировать себя в информационном пространстве и самостоятельно следовать таким моделям поведения, которые наиболее адекватны для конкретной ситуации.

Отсюда следует еще одна рекомендация: увеличить число дистанционных онлайн-методов для освоения дисциплин, связанных с цифровой культурой будущих специалистов. Для студентов, заинтересованных в углубленном изучении цифровой культуры, можно разработать дополнительные факультативы с учетом факультета, специализации, а также интересов студентов в освоении дополнительной информации. Данные наших опросов подтверждают это предложение. Так, в нашем исследовании 2019 г. третья часть опрошенных высказалась за перевод учебно-образовательного процесса на смешанный формат, сочетающий очные и онлайн-занятия. Вместе с тем тех, кто предпочел бы только дистанционное обучение, выявлено более 50 % опрошенных.

Имеется насущная потребность организовать в вузах (дополнительно к институтам повышения квалификации) специальные курсы по обучению педагогическим информационным технологиям всех без исключения преподавателей высшей школы. В ряде университетов, которые уже провели подобные трансформации, руководство исходило из того, что наличие ИКТ-компетенций является определяющим для всех, кто работает и учится в вузе [11]. Такая переподготовка эффективна как для повышения уровня владения преподавателями ИКТ и их самооценки в условиях трансформации высшего образования, так и для учебного процесса.

Известный белорусский экономист М. М. Ковалев выдвигает первоочередные, на его взгляд, преобразования белорусских вузов, которые включают открытие новых магистерских программ по широкому спектру специальностей с учетом новых требований рынка труда (цифровой туризм, цифровое сельское хозяйство, цифровое здравоохранение и т. д.), переход на смешанное обучение, сочетающее традиционные занятия с онлайн-курсами или перевод на дистанционный формат части любой читаемой дисциплины; интеграцию корпоративного и университетского образования, а также разрывание сетевого общения студентов, преподавателей и администрации вузов [12, с. 39–41]. Во многом предложенная М. М. Ковалевым программа действий совпадает с рекомендациями, выдвигаемыми и реализуемыми лучшими мировыми вузами, имеющими высокий рейтинг конкурентоспособности. Очевидно, что данная программа продиктована потребностями современного уровня экономики и образования.

В дополнение к высказанным рекомендациям отметим, что в процессе обучения студенчества желательно использовать адекватные средства и методы для развития у них универсальных компетенций, овладение которыми необходимо для подготовки современного молодого специалиста в той же мере. Как показывает практика, молодым специалистам существенно не хватает именно таких универсальных компетенций, умения стратегически мыслить и анализировать, а не конкретных профессиональных знаний. В нашем опросе только 43 % студентов сказали, что им свойственна открытость инновациям и изменениям, 39 % – планирование своих действий для достижения желаемого результата, 46 % – пунктуальность и ответственность за поступки, 38 % – умение быстро адаптироваться к новым обстоятельствам, 40 % – готовность постоянно

изучать и использовать новое, включая ИКТ [5, с. 28]. В условиях быстрого развития технологий и смены профессий значение универсальных компетенций, которые пригодятся на любом месте и в любой сфере деятельности, резко возрастает. Поэтому работодатели стремятся подбирать кадры с уникальным набором навыков и компетенций, применимых в любой сфере [9, с. 11]. Эти универсальные компетенции включают умения работать в команде, коммуникабельность, аналитические навыки, критическое мышление, управленческие навыки.

Подчеркнем также необходимость привлечения к процессам подготовки будущих специалистов представителей бизнеса, управленцев-практиков. Их активное вовлечение в учебный процесс в тех или иных формах, организация студенческой практики непосредственно на предприятиях и в организациях, которые нуждаются в новых кадрах, будет способствовать сближению спроса со стороны практиков на будущих специалистов и предложения в этой сфере со стороны учебных заведений. Ожидается, что более значительная часть молодых специалистов сможет трудоустроиваться в соответствии с полученным образованием. Пока, по данным социологических опросов, доля выпускников, находящих первое рабочее место в соответствии с дипломом, составляет в России около трети [9]. В Беларуси, согласно нашим опросам, лишь немногим более половины старшекурсников собирается работать в сферах, близких к получаемой специальности.

Заключение

Развивая у студентов цифровые навыки и компетенции, ориентируя их на активное изучение цифровых технологий, система высшего образования должна по-прежнему обеспечивать формирование гражданских и общечеловеческих качеств молодых людей, формировать трудовую этику, соответствующую новым вызовам экономики и не противоречащую общегуманитарным основам человеческого бытия. Формированию этих качеств и ценностей способствует изучение дисциплин социально-гуманитарного цикла: философии, социологии, истории, культурологии. Все эти качества и ценности объективно востребованы в сфере труда, т. к. независимо от ее цифровизации субъекты труда остаются людьми, которые обладают культурой труда, реализуют в своей профессиональной деятельности определенные моральные принципы, вступают не только в цифровые, но и в межличностные коммуникации [13]. Поэтому на эти важнейшие человеческие качества нельзя не обращать внимания в процессе обучения студентов и подготовке их к выходу на рынок труда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by>. – Дата доступа: 12.05.2018.
2. Радаев, В. В. Миллениалы: как меняется российское общество / В. В. Радаев. – М. : ВШЭ, 2019. – 224 с.
3. Пинчук, И. В. Эффективность вертикальных механизмов социальной регуляции в контексте ценностей и установок молодого поколения / И. В. Пинчук, А. П. Дервин // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2019. – № 4. – С. 98–104.
4. Петрунева, Р. М. Цифровое студенчество: мифы и реальность / Р. М. Петрунева, В. Д. Васильева, Ю. В. Петрунева // Высш. образование в России. – 2019. – Т. 28, № 11. – С. 47–55.
5. Титаренко, Л. Г. Виртуализация образования в условиях цифровой экономики / Л. Г. Титаренко // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2020. – № 1. – С. 23–30.

6. Почему почти половина российских работников заняты не своим делом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/08/26/809684>. – Дата доступа: 26.08.2019.
7. Смирнов, В. В. Феномен цифровой зависимости в условиях информационного общества (социально-психологический аспект) / В. В. Смирнов // Высш. образование сегодня. – 2019. – № 4. – С. 72–76.
8. Киргуева, Р. А. Вирус цифрового слабоумия / Р. А. Киргуева // Альма Матер. – 2019. – № 3. – С. 89–90.
9. Иванов, С. А. Цифровизация труда: проблемы и ориентиры кадрового обеспечения предприятий : докл. на 4-м Междунар. Форуме Труда / С. А. Иванов. – СПб., 2020. – С. 1–12.
10. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / под ред. В. Н. Бобкова. – М. : Кнорус, 2018. – 342 с.
11. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования / Е. В. Бродовская [и др.] // Мониторинг обществ. мнения: экон. и соц. перемены. – 2019. – № 1. – С. 228–251.
12. Ковалев, М. М. Образование для цифровой экономики / М. М. Ковалев // Цифровая трансформация. – 2018. – № 1 (2). – С. 37–42.
13. Шаталова, Н. И. Культура в трудовом поведении работника [Электронный ресурс] / Н. И. Шаталова. – Режим доступа: <https://www.journal-discussion.ru/>. – Дата доступа: 26.12.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.03.2020

Titarenko L. G. Influence of Digital Transformation on the Labor Strategies of Belarusian Students towards their Future Work

Modern digitalized reality is increasingly influencing the modern young generation, born and socialized in the world of gadgets and computers. The higher education sector, which is training young professionals for future practice, should also be transformed under the influence of digitalization. The uneven digital training of students, as well as the differentiation of their interests in the field of virtual reality, leads to the fact that the emerging strategies for future work are not always relevant to the economy, focused on the transition to the fifth technological structure. Institutions of higher education should gradually transform the teaching process in a way to more orient students towards effective creative work and develop the competencies necessary for this work.

УДК 316.33

А. И. Лысюк¹, М. Г. Соколовская²¹*д-р полит. наук (Украина), канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*²*ст. преподаватель каф. политологии и социологии**Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина**e-mail: ¹ailysiuk@list.ru; ²llogos@list.ru***МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ МИРЫ В ТРУДАХ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА**

Аналитически представлена оригинальная концепция пола В. Розанова сквозь призму отношений между мужчиной и женщиной, включающая в себя: а) вовлечение восточной чувственности в христианскую аскезу; б) допустимость колебания пола, что предполагает различную выраженность мужского и женского начал в конкретном человеке; в) рассмотрение половых отношений между мужчиной и женщиной (мужем и женой) как религиозно освященных, а значит лишенных греховности и заключающих в себе «положительное благо»; г) определение целостности человека сквозь призму единства мужчины и женщины, своеобразного синтеза их души и тела; д) акцент на «чадорождении» как базовой миссии мужчины и женщины (источник жизни) и сферы борьбы с дьяволом; е) восприятие любви в качестве основополагающего скрепляющего элемента отношений между мужчиной и женщиной; ж) определение души индивида как производной от его пола.

Введение

Василий Розанов является одним из выдающихся русских мыслителей второй половины XIX – начала XX в. В своих работах он уделял огромное внимание философии пола, которая, по утверждению Н. В. Шелковой, является «гениальным его творением» [2, с. 212]. Его определение концепта пола, ядро которого составляли отношения между мужчиной и женщиной, соответствовали христианской традиции, однако русский философ стремился дать ему новое прочтение, будучи убежденным, что мир подобных отношений подвергся серьезным искажениям церковными иерархами.

Аналитическое изучение данной проблематики является нелегким делом, поскольку, как справедливо отмечает Е. В. Барабанов, с одной стороны, восприятие идей Розанова-философа серьезно затрудняет «крайне субъективный, откровенный, доходящий до предельной интимности способ изложения», то, что «многие свои важнейшие положения он высказывает фрагментарно, часто... в афористически-исповедальных формулировках» [3, с. 8, 14]. С другой стороны, ряд важных «тем философии», посвященных отношениям между мужчиной и женщиной, являются не только теоретическими построениями мыслителя, а производными из его собственной судьбы, личных жизненных драм и коллизий, переживаний и эмоциональных состояний, из «уединенности» его личного «я».

Ряд русских мыслителей утверждали, что, к примеру, в отличие от Вл. Соловьева, создавшего целостную философскую фактическую систему, Розанов оказался неспособным создать собственную философскую систему, пребывая «в непостоянстве, в догадках, в противоречиях», постоянно тревожа, дразня и возбуждая мысль [4, с. 516]. Все эти факторы вносят высокую дозу субъективизма и некоторую противоречивость в его концептуальные и логические конструкции.

Важность современного исследовательского обращения к «философии пола» Розанова обусловлена актуальностью поиска новой гармонии в отношениях между мужчиной и женщиной в ситуации уже сложившейся в эпоху постмодерна «противоречивой идентичности», когда «во многих странах, в особенности относящихся к иудо-христианской цивилизации, идея дихотомизма маскулинных и феминных черт... уступила место их континууму» [5, с. 84]. Мужчины и женщины стали пересекать прежние границы

гендерных ролей, что стало серьезным социальным вызовом, на который современному обществу необходимо искать адекватные ответы.

Глубокое и всестороннее рассмотрение выдающимся русским философом проблемы пола, отношений между мужчиной и женщиной позволяет скорректировать оптическую модель анализа проблематики гендера в современном социуме, что является *целью* данной статьи.

Дефиниция пола в концепции В. Розанова

Розанов дает две базовые интерпретации феномена пола. Наиболее общая – это рассмотрение его как онтологической, трансцендентной силы, напрямую связанной с Богом, по своей природе нацеленной на акты творения, рождения и созидания, что составляет основу мира и бытия как отдельного индивида, так и всего человечества. Как справедливо отмечает И. Н. Петракова, «по В. В. Розанову, в Боге присутствуют две стороны: мужская и женская. Эта женская сторона Бога есть “вечная женственность”, основной сутью которой является... ее желание и способность давать жизнь» [6, с. 12].

Во втором значении божественная санкция не ограничивается онтологическим уровнем, но проявляется в бытии конкретного индивида, поскольку для Розанова Бог прежде всего связан с созиданием жизни, а, следовательно, источник жизни возникает там, где в людях существуют половые различия. Именно пол естественным образом связан с чадородием, семьей как институтом, способствующим продолжению рода, взаимными психическими и физическими влечениями («волнение», «свет и жар») мужчины и женщины. Поэтому в «половых отличиях женщины... и соответственно... в половых различиях ее друга, и лежит тончайший субъективный нерв жизни» [7, с. 212]. Эта миссия обладает настолько большой значимостью, что Розанов ее рассматривает как сферу, где дьявол сражается с Богом. Он же отмечает, что смерть есть абсолют зла, крайнее зло и дьявольская сила, в то время как одолевающее смерть рождение человека логически выступает абсолютом добра в его религиозном преломлении. Мужчина и женщина в браке побеждают смерть «фактом» через рождение младенца, а значит, обретают бессмертие и бесконечность. Происходит, таким образом, очевидная сакрализация половых отношений.

Половые характеристики человека в его мужском и женском преломлении напрямую смыкаются с судьбами индивидов, поскольку, по убеждению Розанова, «душа есть функция пола», «пол... есть *сотворяющий* душу и тело с его формами», и, если можно было бы переменить пол, переменялась бы в индивиде и его душа [8, с. 118]. Очевидно, что поскольку мужчина и женщина отличны по своим половым характеристикам, то логично предположить наличие между ними и заметных «душевных» различий. Исходя из такого понимания феномена пола, Розанов настаивает на том, что связь пола с Богом – бóльшая, чем связь с Богом ума и даже совести человека.

По этой причине в телесности, в физическом совокуплении мужчин и женщин нет ничего «низкого», недостойного, а, скорее, наоборот, т. к. половые отношения между мужчиной и женщиной освящаются. По убеждению Розанова, отношения такого рода, тем более приводящие к «чадородию», выступают как «положительное благо», а не есть «черная тень», оттеняющая свет «воздержания». Ему присущ отход от их восприятия сквозь призму греховности, что было достаточно широко распространено в христианской культуре и что не могло не вызвать у многих его современников, а также исследователей адресованных ему обвинений в «анархически-сексуальной розановщине», в том, что он тайны мира искал исключительно «в плотской жизни», являлся «мистиком в мещанстве», обоготворяя все мещанские «устои», в том числе «семейный уют», и что ему «не понятно благоухание женского иночества» и «не ясно, что совокупление есть вульгаризация брака» [9, с. 463].

Подобная ситуация была вызвана тем, что, согласно Розанову, исторически в христианстве трактовка священных текстов оказалась у так называемых «людей лунного света» – представителей высшего духовенства и монашества, для которых приоритетом стала аскеза – «подвиги воздержания, умерщвления плоти, отречение от суетных радостей мира», «отвращение к *совокуплению*» с представителями женского пола, убеждение, что «брак есть скверна». И как итог – утрата «*вкуса к женщине, потеря интереса к женщине*», которая выражается «*во вражде к женщине, бегстве от нее и страхе перед нею*» [8, с. 140]. Все это должно позволить им якобы избавиться от скверны, заложенной в половой близости с женщиной.

Свою позицию «люди лунного света» обосновывают теми положениями Евангелия, где указывается на иерархию предпочтений человека в его отношениях с Богом: «Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать» (Мф. 12:49-50). И еще: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.: 10:37). Хотя формально Церковь освящает брак и деторождение, тем не менее она проповедует девство как высшую ценность. Розанов же был убежден, в этих частях Священного Писания речь идет *только* об отношениях человека с Богом, фокусом которых является Иисус, а не об обезценивании семьи, отношений между мужчиной и женщиной, настаивая на том, что представители духовенства игнорируют Ветхий Завет с его идеей сверхценности семьи и чадородия.

Революционной идеей Розанова является концепция колебания пола. Он утверждает, что обычно в каждом человеке преобладает влечение либо к самке (и тогда речь идет о «мужской организации»), либо «к самцу» (в таком случае наличествует «женская организация»). Но сам феномен преобладания конкретного влечения не исключает совмещения еще с другим, противоположным влечением. По его убеждению, подобные совмещения, выраженные с той или иной степенью интенсивности, присутствуют в каждом человеке. Такие колебания могут приводить к гомосексуализму, которому следуют «урнинги», т. е. люди с очевидным физическим влечением к представителям собственного пола, которые не считаются, в интерпретации Розанова, носителями патологий или извращений.

Розанов указывает и на существование группы «духовных содомитов», т. е. личностей, у которых показатель пола близок к «нулю» и которые свою энергетику фокусируют исключительно на духовных и культурных темах. И. Н. Петракова справедливо отмечает, что философ критически оценивает не сам по себе факт существования этой группы людей, но стремление некоторых ее представителей, обладателей «бессеменной» души, «навязать всем другим людям свои ценности и свое отвращение к полу и деторождению» [6, с. 16].

В. Розанов о специфике мужского и женского миров

Исходя из базового постулата, что именно пол определяет содержание души, ее «философию и истину», Розанов указывает на прекрасную, но, тем не менее, противоположность полов – мужчины и женщины. Согласно его видению, «один будет: 1) деятелен, предприимчив, изобретателен, смел, отважен... другая же: 2) тиха, нежна, кротка, безмолвна или маломолвна. “Вечная женственность” – прообраз одной. “Творец миров” – прообраз другого... Мужская душа в идеале – *твердая, прямая, крепкая, наступающая... напирющая, одолеваящая*. Идеал же характера и поведения женщины... *нежность, мягкость, податливость, уступчивость*». Он же является героем и деятелем, а она (женщина) «суть семьянинка, домоводка» [8, с. 33–34]. И абсолютно негативными характеристиками выступают «мужеподобие» женщины и «женоподобие» мужчины. Таким образом, будучи безусловным христианином, Розанов воспроизводит

традиционную для России модель мужских и женских образов и ролей, в рамках которой основная миссия женщин заключается в «чадородии», поскольку они, являясь охранительницами Древа Жизни, «посланы в мир животом, а не головою» [10, с. 296].

По убеждению Розанова, отход женщин от этой своей изначальной природы и формирование в 60–70-е гг. XIX столетия ее нового идеала, выходящего за пределы фундамента – семейного круга («сестра», «жена», «дочь», «мать»), – жены-«друга», матери-«ментора», женщины – общественного деятеля, стремящейся расширить свой интеллектуальный и социальный горизонт (появление в России женских образовательных курсов), неизбежно приводит ее не только к личностной дезориентации и дезорганизации, но и к внешней деформации, поскольку женщина теряет свою вековую телесную притягательность. Розанов полагает, что учение, образование, наука и социальная деятельность являются исключительно потребностью мужского инстинкта.

Как следствие этого, по наблюдениям Розанова, становится все более заметным глубокий и всеобщий упадок женской красоты и женщина (и девушка) «не несет более на себе “красивого” и “уверенного”... лица, но какую-то тоскливо-ищущую «мордочку» [11, с. 233]. Она в возрастающей степени перестает в своем новом социальном статусе быть интересной для мужчин и начинает все чаще им «мешать». Подобное «падение» женщин заключает в себе серьезные риски даже для цивилизации, поскольку, по убеждению философа, каковой является женщина, такова и вся культура общества.

Подобный негативный тренд обусловлен прежде всего деформацией мужской природы, тем, что в нем «хрустнула мужественность» и мужчина не сохранил коренных черт своей природы: «Он разучился быть покровителем и вождем; он до известной степени потерял инстинкт правильной к женщине любви. Ни в какое время нашей общечеловечности мы не наблюдаем такого множества женственных характеров среди мужчин, такого обилия среди них женоподобного сложения» [12, с. 139].

Вторая причина деформации женской природы более глубокая – забвение и пренебрежение современной цивилизацией «жизнью пола» в виде семьи и семейных отношений, что не могло не привести к их кризису, поскольку «брак есть теперь... продолжение холостых удовольствий и некоторое углубление, доведение до “неприличия” девичьих шалостей». Он «всех начинает тяготить» [11, с. 234].

Какой же выход из этой драматичной ситуации? Розанов отмечает, что именно женщина должна «переработать нашу цивилизацию, приблизить ее к своему типу; овлажнить сухие ее черты влажностью материнства и краткую деловитость – негой и поэзией дитяти», что является ее «великой задачей» [11, с. 243]. Женщина призвана объединять мужские и женские начала, придавать связность человеческой жизни, выступая «символом единства рода человеческого». Почему именно она (а не он) на это способна? Потому что является изначальным носителем «особой непорочности и религиозной торжественности», «чистоты» и «целомудрия», воплощая черты «жрицы любви», «возлюбленной», «владычицы жизни», носительницы «посевов истории» и «богини». И еще: через обыкновенную любовь, «плотскую любовь», которая «есть признанная сила, красота и право всякой женщины... Всюду, где появляется женщина, она является как любящая, не как “учащаяся”, исправно пишущая “рефераты”, не как гражданка... всегда и только как любящая» [12, с. 138]. А также через возвращение к истокам – восстановление раннего «чистого» брака и его святости.

В. Розанов о переплетении мужского и женского миров

При всей ценности каждого из полов они не являются самодостаточными и своей гармонии, полноты могут достичь только через слияния, совпадения, взаимопроникновения, взаимодополнения. Только в этом случае они обретают свое достоинство и жизненный смысл, происходит преодоление отчуждения между мужским и женским нача-

лами, осуществляется своеобразный синтез души и тела, формируется «андрогинность», «единое тело» как высшее единство мужского и женского, как проявление целостности человека.

В каких же формах проходит этот процесс? В первую очередь, в следовании библейской установке на то, что любой человек в определенном возрасте должен стремиться обрести свою «половинку» и через это преодолеть свою ущербность и неполноту: «*Муж должен прилепиться к жене своей и будут двое одна плоть*» (Быт.: 2:24).

Подобное обретение единения осуществляется посредством создания семьи, которую Розанов рассматривает как «самое непорочное на земле явление», в котором умер грех, что и формирует определенное качество отношений между ее членами: любовь, доброту, простоту, искренность, прощение, терпение. Более того, «небесными человеками», восходящими в положительную святость, Розановым провозглашаются члены семьи: «и многоплодный и заботливый отец, покорный родителям сын, целомудренная дочь, завтра вырастающая в целомудреннейшую жену» [13, с. 137]. Естественным образом нежные семейные отношения между мужем (мужчиной) и женой (женщиной) приводят к выполнению ключевой функции человека: «И сделаю потомство твое, как песок земной... ты будешь отцом множества народов» (Быт.: 13:16, 17:4). Розанов настаивает на том, что в христианстве совершенно недостаточно внимания уделяется этому вопросу, в отличие, например, от иудаизма.

Гармонизации отношений между мужчиной и женщиной способствует, согласно Розанову, одухотворение интимных, «плотских» отношений, поскольку они своим результатом имеют акт высшего творения – человека как образ и подобие Божие. Однако богоблагословенными являются только те интимные отношения, которые освящены любовью мужа и жены. При этом физическая близость выходит за рамки зачатия плода и последующего рождения ребенка. Это не просто «родовой акт» и проявление «инстинкта рода» и не только их (мужчины и женщины) очевидная телесная зависимость и связанность. Розанов отмечает, что в этой близости происходит прекрасное преобразование их обоих: «Через совокупление мужчина прививает (как бывает в “садоводстве”) себя женщине, женщина прививает себя мужчине... Это “прием душевной ванны”, из которой совокупившийся выходит “обновленным” и “другим”» [8, с. 150–151]. По его убеждению, через физическое обладание противоположным полом индивид приобретает чувство полноты бытия.

В этом контексте Розанов своеобразно интерпретирует феномен целомудрия, которое демонстрирует черты «сияния пола». Оно проявляется не в отвращении от полового притяжения, влечения и физической близости, а в таком соединении мужчины и женщины, в котором женщина сберегла чистое и бережное отношение к своему полу. Как отмечает Розанов, «целомудрие, т. е. сосредоточенная, не растерянная чувственность, есть условие великой прочности семьи... семейной верности, теплоты», поскольку оно сохраняет религиозный смысл семьи [14, с. 203]. На него способны только женщины, а не преждевременно «погасающие» мужчины.

Эта чистота является источником глубочайшего интереса и влечения к ней «друга». Идеалами целомудрия выступают не «девы», а жены, имеющие физические отношения с мужем.

Одновременно Розанов допускает прекращение брака в том случае, когда в отношениях между супругами исчезли истина и любовь, поселилось «зернышко греха», расколов их на половинки, что лишает брак «святости». Он подчеркивает, что «глубочайшее есть кощунство настаивать на *продолжении брака*, когда в нем умерла любовь и правда. Это значит... принуждать к *разврату* (нечистые соединения, ругательства перед Образом)... Вероятно, догадываясь об этом, чуткие евреи *не допустили* только,

но *потребовали* непременным условием семьи субъективный (по воле мужа) развод» [13, с. 132].

Такого рода распад отношений между мужчиной и женщиной заключает в себе не только драму, но и новые возможности по поиску новой любви, наполненной, по убеждению философа, поклонением, сиянием, доверием, влечением и уважением.

В. Розанов о любви между мужчиной и женщиной

Базовым скрепляющим элементом отношений между мужчиной и женщиной является любовь, в рамках которой никто из партнеров не обладает правом доминирования. Только во взаимопереплетении, взаимопроникновении и взаимодополнении она обретает свой подлинный смысл. Исходя из подобного ее понимания, Розанов подчеркивает, что любовь выступает «цементирующей связью» между всеми мужчинами и женщинами: «Именно чувственная любовь, несмотря на грозные и разрушительные иногда явления, драгоценна, велика и загадочна тем, что она пронизывает все человечество какими-то жгучими лучами, но одновременно и нитями такой прочности, которые “в огне не горят и в воде не тонут”. Без этой “любви” человечество рассыпалось бы ненужным и холодным мусором» [14, с. 203].

В понимании русского философа любовь обладает основополагающей ценностью для человека, уступающей только ценности отношений с Богом: «Мы рождаемся для любви. И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете. И насколько мы не исполнили любви, мы будем наказаны на том свете» [10, с. 366]. Да и сама любовь является дарованным Богом корнем жизни, и ее пребывание в сердце есть очевидное проявление Его любви к человеку.

Розанов, описывая феномен любви, не только опирается на священные библейские тексты и труды иных философов, но описывает и опыт собственной реальной любви. В его представлении она приводит к прекрасному преображению индивидов и позволяет состояться возрождению человека: «Где недоделали родители, доделывает муж. Он *довершает* девушку» [10, с. 356]. И наоборот: именно женщина («с умом») в наибольшей степени способна незаметно «выравнивать кривизны мужа» и вести его к идеалу. При этом Розанов апеллирует к своему жизненному опыту, отмечая, что все хорошее в его личности – это от любимой женщины, без которой «обеднилась бы» его жизнь и его личность.

В самой любви между мужчиной и женщиной основополагающим фактором является избавление от собственного эгоизма и сопереживание, боль о другом человеке, ставшем невероятно значимым и близким. Если этого не происходит, то жизнь наполняется пустотой и бессмыслицей. Розанов констатирует: «Любить – значит “не могу без тебя быть”, “мне тяжело без тебя”, “езде скучно, где не ты”... Любовь вовсе не огонь... любовь – воздух. Без нее – нет дыхания, а при ней “дышится легко”» [15, с. 428]. Любовь может доходить до такого состояния, что ради любимого (-ой) индивид может пожертвовать даже собственной жизнью [16, с. 111].

По убеждению Розанова, «любовь подобна жажде» и есть жаждание души и тела любимого человека. Она по своей природе является не просто даром обладания, но и обменом души-тела мужчины и женщины, их взаимное «пожирание», «поглощение» и «насыщение» друг другом: «Любящему мужу в жене сладок каждый кусочек. Любящей жене в муже сладок каждый кусочек» [15, с. 501]. В случае исчезновения этого жара-обмена любовь неизбежно угасает.

В представлении Розанова, любовь во многом основана на *индивидуализированном* органическом влечении и является «поэтизированной страстью». Поэтому во многих ситуациях основой семьи и теснейших любовных отношений между мужчиной

и женщиной выступает не красота и даже не одухотворенная «связь умов», а мистическое животное-плотское желание, в котором, тем не менее, заключена и религиозность.

Любовь, таким образом, включает в себя высокую степень чувства и чувственности, порождающих нежность. В понимании Розанова этот благословенный чувственный элемент любви, эрос, имеет свои библейские основания – и в первой главе «Бытия», и в «Исходе», и во «Второзаконии», и в «Книге Иова» и др. Отсюда и призывы Розанова: «Будем целовать друг друга, пока текут дни. Слишком быстротечны они – будем целовать друг друга» [10, с. 373].

При всей важности чувственного компонента любви, для Розанова она выступает в первую очередь нравственным чудом, основанным на внутренней близости, на гармонии в межличностных отношениях. Он подчеркивал, что основание его привязанности к любимой женщине – нравственное, всегда сфера духа: «Нравились мне женщины как *тела*, телом?... Да, именно – “около плеча”... щеки, шея... Волновали и притягивали, скорее же очаровывали – груди и беременный живот... В самом теле я любил... добротность его» [10, с. 355]. И далее: «Хотя мне все нравилось в ее теле, в фигуре... но это было то, что только *не мешало* развиться нравственной любви» [15, с. 569].

Важным параметром любви является и воплощение ею *истины*, исключение лжи и неправды. Любой шаг в сторону от истины неизбежно означает, что становится меньше и любви, происходит ее эрозия. В случае угасания любви происходит и угасание истины. Отсюда открывается прямой путь к изменам как последней надежде любви, как ее самоисцеление, «починка», «заплата» на изношенное и ветхое. В этой части интерпретации любви Розанов выходит за пределы библейского понимания, допуская прекращение брачных отношений между мужчиной и женщиной, которые, в его представлении, без любви лишаются смысла и, кроме этого, могут препятствовать рождению нового чувства.

Ценность любви заключается и в известной непрерывной поэтизации и эстетизации жизни человека, сообщении ей множества прекрасных черт, из которых и рождается его счастье. Для человека необходимо быть крепким в любви и отстаивать ее во всех жизненных ситуациях.

Особая для Розанова тема – «телесная любовь», пребывающая вне душевного слияния мужчины и женщины. Внимание философа концентрируется на особенностях сексуального поведения женщин, но отнюдь не мужчин, поскольку априори он исходит из естественности их полигамности. Он отмечает, что любовь, лишённая нравственности, в своей телесности может существовать, но «только для улицы». В двух формах: с одной стороны, это «продажная любовь» (проституция), являющаяся безусловной гнусностью, подлежащей истреблению, но, как свидетельствует история, сделать это невозможно; с другой стороны, «телесная любовь» может приобретать и вполне достойные формы, не оскверняющие, не развращающие женщину, но только «в ином виде», в «ином образе». Речь идет о женщинах, по тем или иным причинам не создавших семью или ее потерявших, а также неспособных по своей природе довольствоваться одним мужчиной, являющихся «невестами» всего мира, которые существуют как социальный *факт*. Поэтому, согласно Розанову, им должно быть предоставлено право в определенное время выходить на улицы городов и садиться скромно одетыми с цветком в руке на скамеечки перед своим домом с вполне конкретной целью: если перед ними остановится мужчина, который им нравится, то женщина «становится в этот вечер женою его» [15, с. 595]. И для рождения ребенка, т. к. для нее не исчезает Богом благословенная миссия деторождения. И для получения сексуального удовлетворения. Это ее решение не должно быть социально осуждаемым.

Некоторые обоснования для подобных практик, по утверждению И. Н. Петраковой, Розанов находит в существовавшем во многих древних культурах институте

«священной храмовой проституции» и в «многоженстве» мужчины в Ветхом Завете, позволяющем мужчине иметь множество жен и наложниц [5, с. 14].

Что же касается предпочтительной модели отношений между мужчиной и женщиной, то Розанов выбирает укорененный в европейской и русской культуре, основанный на любви брак одного мужчины с одной женщиной.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов.

1. Розанов рассматривает пол как онтологическую, трансцендентную силу, напрямую связанную с Богом, по своей природе нацеленную на акты творения и созидания, что составляет основу мира и бытия.

2. В концепции Розанова оригинальным компонентом отношений между мужчиной и женщиной является вовлечение восточной чувственности в христианскую аскезу, своеобразную интерпретацию которой дает русский философ.

3. В половых отношениях Розанов не допускает ригидности и однозначности, настаивая на факте колебания пола, что предполагает различную выраженность мужского и женского начал в конкретном человеке, включая «людей лунного света» и однополой ориентации.

4. Философы рассматривают душу как функцию пола, что естественным образом формирует специфику мужского и женского мировосприятия и поведения.

5. В философии Розанова половые отношения между мужчиной и женщиной (мужем и женой) лишены греховности, выступают как «положительное благо» и религиозно освящаются, поскольку через «чадорожение» являются источником жизни.

6. Розанов настаивает на том, что проявлением целостности человека, его «андрогинности» выступает единство мужского и женского начал, их своеобразный синтез души и тела, что символически формирует в библейском понимании «единое тело», воплощением которого является «семья как религия».

7. Базовым скрепляющим элементом отношений между мужчиной и женщиной, в понимании Розанова, является любовь, в рамках которой никто из партнеров не обладает правом доминирования.

8. Розанов допускает и формат исключительно полигамной «телесной любви» для определенных категорий мужчин и женщин, не способных к единобрачию либо лишенных его.

9. Несмотря на обвинения в следовании «анархически-сексуальной розановщине», философ свою концепцию пола, отношений между мужчиной и женщиной строит в рамках христианской парадигмы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия.
2. Шелковая, Н. В. Встречи с В. Розановым. Мысли о поле. Пол и андрогинизм / Н. В. Шелковая // *Вопр. философии*. – 2017. – № 5. – С. 208–216.
3. Барабанов, Е. В. В. В. Розанов. Вступительная статья / Е. В. Барабанов // *Сочинения* : в 2 т. / В. В. Розанов. – М. : Правда, 1990. – Т. 1 : Религия и культура. – С. 3–16.
4. Лосев, А. Ф. Владимир Соловьев и его время / А. Ф. Лосев. – М. : Прогресс, 1990. – 720 с.
5. Соколовская, М. Г. Гендерная социология / М. Г. Соколовская. – Брест : БрГУ, 2018. – 184 с.
6. Петракова, И. Н. Проблема пола в философии В. В. Розанова : автореф. дис. ... канд. филос. наук / И. Н. Петракова. – Тула, 2008. – 23 с.

7. Розанов, В. В. Семя и жизнь / В. В. Розанов // Сочинения : в 2 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 1 : Религия и культура. – С. 207–215.
8. Розанов, В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства / В. В. Розанов // Сочинения : в 2 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 2 : Уединенное. – С. 10–192.
9. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Из ранних произведений / А. Ф. Лосев. – М. : Правда, 1990. – С. 393–599.
10. Розанов, В. В. Опавшие листья. Короб первый / В. В. Розанов // Сочинения : в 2 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 2 : Уединенное. – С. 277–418.
11. Розанов, В. В. Женщины перед великою задачею / В. В. Розанов // Сочинения : в 2 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 1 : Религия и культура. – С. 228–246.
12. Розанов, В. В. Женское образовательное движение 60-х годов / В. В. Розанов // Сочинения : в 2 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 1 : Религия и культура. – С. 129–140.
13. Розанов, В. В. Семья как религия / В. В. Розанов // Русский эрос, или Философия любви в России / В. В. Розанов. – М. : Прогресс, 1991. – С. 120–138.
14. Розанов, В. В. Кроткий демонизм / В. В. Розанов // Сочинения : в 2 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 1 : Религия и культура. – С. 199–206.
15. Розанов, В. В. Опавшие листья. Короб второй / В. В. Розанов // Сочинения : в 2 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 2 : Уединенное. – С. 421–629.
16. Розанов, В. В. Концы и начала. «Божественное» и «демоническое». Боги и демоны (по поводу главного сюжета Лермонтова) / В. В. Розанов // Русский эрос, или Философия любви в России / В. В. Розанов. – М. : Прогресс, 1991. – С. 106–119.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.01.2020

Lysiuk A. I., Sokolovskaya M. G. Men and Women Worlds in Vasily Rozanov's Works

The article analytically presents V. Rozanov's original concept of gender through the prism of relations between man and woman, which includes: a) involvement of eastern sensuality in Christian austerity; b) allowability of gender fluctuations, which suggests different expressiveness of male and female principles in a particular person; c) consideration of sexual relations between man and woman (husband and wife) as religiously sanctified, and therefore deprived of sinfulness and embedding a «positive good»; d) definition of human being's fullness through the prism of man and woman unity, kind of synthesis of their soul and body; e) emphasis on «childbirth» as a basic mission of man and woman (source of life) and sphere of fight with devil; f) perception of love as a fundamental binding element in relations between man and woman; g) definition of individual's soul as a derivative of his gender.

УДК 316.4

В. М. Гантарь

*магістр гос. управления, соискатель Института социологии НАН Беларуси,
гл. советник отдела образования и спорта
управления образования и социально-культурной сферы
Аппарата Совета Министров Республики Беларусь
e-mail: vitalgaptar@tut.by*

**ЗАКРЕПЛЕНИЕ ТРЕНЕРСКИХ КАДРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Раскрываются социальные аспекты проблемы закрепления тренерских кадров на местах после окончания обязательного срока отработки после распределения: отсутствие ожидаемых социальных гарантий, недостаточная помощь непосредственных руководителей на этапе вступления в должность и первоначального становления, практически полное отсутствие современной учебно-методической литературы по месту работы, кадровая политика силовых ведомств, отток тренеров спортивных школ в учреждения образования из-за более высокой заработной платы. Даются конкретные предложения по увеличению процента закреплённости тренерских кадров на местах как на организационном уровне, так и путем внесения изменений в законодательство: решение жилищных вопросов, обеспечение материального и морального стимулирования, создание института наставничества, выявление наиболее мотивированных учащихся на работу тренером, пересмотр системы распределения членов сборных команд по видам спорта и др.

Введение

Государство делает все необходимое для создания устойчивой, динамично развивающейся и конкурентоспособной системы подготовки спортсменов высокого класса, спортивного резерва, а также для развития физической культуры.

Постоянное внимание Главы государства, Правительства Республики Беларусь к развитию и совершенствованию материально-технической базы физической культуры и спорта позволили осуществить своевременный ввод в эксплуатацию с высоким качеством целого ряда уникальных объектов мирового уровня, тем самым создав дополнительные условия для полноценной подготовки национальных и сборных команд, возможности проведения международных соревнований любого уровня, эффективной работы со спортивным резервом, а также для оздоровления населения страны, в том числе на базе предоставления современных и разносторонних услуг.

Вместе с тем особого внимания со стороны общества заслуживает проблема недоукомплектованности спортивных школ тренерами-преподавателями: практически в каждой спортшколе есть свободные ставки тренера-преподавателя. Заявки по заполнению вакансий молодыми специалистами не удовлетворяются годами.

Данные факты подтверждаются проведенным в 2013 г. Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь исследованием, в ходе которого установлено, что одной из актуальных проблем в сфере физической культуры и спорта является недостаток тренерских кадров, что отметил каждый четвертый участник опроса. Причем этот показатель в малых (до 20 тыс. человек) и небольших (20–100 тыс. человек) городах составил в среднем 30,5 %. 91 % респондентов отметили, что при выборе спортивной секции для своего ребенка родители руководствуются прежде всего такими критериями, как опыт тренеров и их репутация [1, с. 153–164].

Научный руководитель – С. В. Лапина, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Наиболее востребованными в настоящее время являются тренерские кадры для таких видов спорта, как легкая атлетика, футбол, баскетбол, волейбол, плавание, бокс, гандбол, дзюдо, борьба вольная, тяжелая атлетика, биатлон (от 10 до 45 человек ежегодно).

Проведенный в 2017–2019 гг. Белорусским государственным университетом физической культуры анализ показал, что в 2014 г. закрепление тренерских кадров по окончании обязательного срока трудоустройства после распределения составило 57 %, в 2015 г. – 54 %, в 2016 г. – 60 %.

Вместе с тем по видам спорта процент закрепления на рабочих местах неодинаков. Так, выше среднего он по таким видам спорта, как гандбол, самбо, акробатика, гребля, каратэ, спортивное ориентирование, спортивные танцы и у-шу (около 70 %); баскетбол, плавание – выше 70 %, велосипедный спорт, рукопашный бой – более 80 %, пулевая стрельба – 100 %.

В этой связи актуальным видится изучение социологических аспектов незакрепления тренерских кадров на местах после окончания срока обязательного трудоустройства после распределения.

Цель статьи – изучение проблемы нехватки тренерских кадров в социальном контексте. Реализация цели может осуществляться при решении следующих задач:

1) изучить социальные причины, влияющие на отток тренерских кадров из сферы физической культуры и спорта;

2) выявить направления развития системы закрепления тренерских кадров.

В качестве метода исследования использовался метод экспертных интервью. В экспертную группу (на основе оценки и самооценки уровня компетентности) были включены руководители и специалисты Министерства спорта и туризма (начальники и заместители начальника управления спорта и управления национальных команд), первый заместитель начальника управления спорта и туризма Минского горисполкома, директор Республиканского центра олимпийской подготовки по легкой атлетике, заместитель председателя Федерации современного пятиборья, ректор, первый проректор, проректоры по учебной работе Белорусского государственного университета физической культуры, первый проректор Полесского государственного университета, начальник Центра «Высшая школа тренеров», директор Республиканского научно-практического центра спорта, научный руководитель отраслевой научной лаборатории спортивной биомеханики, заместитель директора Республиканского государственного училища олимпийского резерва. Всего в опросе приняло участие 16 экспертов.

Для проведения социологического исследования были выделены аспекты подготовки и закрепления тренерских кадров, которые включались в вопросник экспертного интервью. Данные экспертных оценок были рассмотрены с позиций социальной значимости и направленности, ранжированы по степени их значимости и нашли отражение в системе критериальных моделей развития системы закрепления тренерских кадров.

Социальные причины, влияющие на отток тренерских кадров

По мнению экспертов, основными причинами перераспределения и незакрепления на местах работы выпускников тренерских специальностей являются:

1) отсутствие ожидаемых социальных гарантий для молодого специалиста, в том числе невысокий уровень заработной платы;

2) недостаточная помощь непосредственных руководителей на этапе вступления в должность и первоначального становления молодого специалиста (закрепление наставника только документально);

3) учебно-материальная и учебно-методическая база по месту работы не в полной мере обеспечивает проведение качественного учебно-тренировочного процесса.

На местах фактически отсутствует какая-либо современная учебная литература: пособия, лекции, практические руководства и методики для подготовки молодых спортсменов. Данное обстоятельство не способствует совершенствованию теоретических знаний у спортивных педагогов.

Как показало проведенное исследование, выпускники – специалисты в сфере физической культуры и спорта уходят в силовые структуры республики. Это происходит потому, что в нормативных правовых актах Республики Беларусь закреплены существенные социальные гарантии для работников силовых ведомств, а именно: предоставление общежития, компенсация за наем (поднаем) жилья, более высокий размер заработной платы, возможность льготного кредитования при строительстве жилья, пенсионное обеспечение (после 48 лет). Вместе с тем данное положение вещей влияет на повышение обороноспособности нашей страны и не может подвергаться дискуссии. Также наметился отток тренеров-преподавателей спортивных школ в учреждения общего среднего образования из-за более высокой заработной платы.

Направления развития системы подготовки и закрепления тренерских кадров

Сопоставление полученных результатов экспертных интервью с мероприятиями, проводимыми при поддержке органов государственного управления на республиканском и местных уровнях, показало, что в настоящее время ведется определенная работа по исправлению сложившейся ситуации.

Так, для решения социально-бытовых вопросов тренерам-преподавателям спортивных школ и училищ олимпийского резерва предоставлено первоочередное право на жилые помещения коммерческого использования [2, с. 1; 3, с. 299–305]. За счет внебюджетных средств перспективным тренерам ежегодно назначаются именные стипендии облисполкомов и Минского горисполкома. Существует подобный опыт в отдельных спортивных федерациях. В Белорусской федерации гандбола, к примеру, наиболее перспективным тренерам производятся доплаты к заработной плате за счет средств Федерации.

В результате проведения экспертных интервью также установлено, что в 2019 г. реализованы меры по совершенствованию материального стимулирования тренеров, предусматривающие совершенствование оплаты труда тренеров-преподавателей спортивных школ и училищ олимпийского резерва – увеличение стимулирующих надбавок тренерам-преподавателям этих организаций за подготовку спортсменов в списочные составы национальных и сборных команд Республики Беларусь по видам спорта на время нахождения этих спортсменов в списочных составах.

Систематизация результатов экспертных интервью позволила сделать ряд выводов относительно закрепления молодых тренерских кадров на местах.

1. В целях создания условий для социальной адаптации молодых специалистов, прибывших по распределению, необходимо применение целого комплекса мер: на основании коллективных договоров учреждений – оказание материальной помощи, обеспечение частичного возмещения стоимости топлива (при необходимости проведения учебно-тренировочных занятий на базе сельских населенных пунктов), установление максимальной надбавки за контрактную систему найма, при необходимости предоставление мест для проживания в общежитиях, оказание содействия в аренде жилья. Вместе с тем размер материального стимулирования молодых тренеров должен зависеть от эффективности их работы.

2. Развитие института наставничества (закрепление за молодыми тренерами наиболее опытных специалистов).

3. Для повышения профессионального уровня молодых тренеров-преподавателей, а также создания условий для их карьерного роста эти специалисты должны вклю-

чатся в перспективный резерв кадров, направляться для участия в образовательных семинарах, т. к. существующий дефицит тренерских кадров требует активизации и принципиального подхода к работе с резервом с помощью таких эффективных методов, как проведение стажировок, в том числе и за рубежом, изучение и внедрение мирового передового опыта.

4. На новый уровень должна быть поставлена работа по формированию заказа на подготовку кадров, где действенным фактором закрепления специалистов в регионах является их подготовка на целевой основе. Вместе с тем существенно затрудняет работу с регионами в данном направлении острая проблема нехватки мест в общежитии БГУФК. Тем самым одной из первоочередных задач должно стать строительство нового общежития для этого учреждения образования.

5. Необходимо внести изменения в законодательство в части заключения целевых договоров на обучение с заказчиками, относящимися к иному региону, отличному от места регистрации (местожительства) абитуриентов. Такая мера позволит привлечь тренерские кадры из различных регионов страны, в том числе по видам спорта, по которым ранее в районе подготовка спортивного резерва не осуществлялась или существовал дефицит кадров.

6. Важной задачей для решения рассматриваемой проблемы является выявление мотивированных учащихся учреждений общего среднего образования на дальнейшую работу в качестве тренера.

7. Необходимы изменения в Правила приема лиц для получения высшего образования первой ступени [4, с. 13–16] путем существенного уменьшения числа льгот для поступления на специальности физической культуры и спорта. Считаю целесообразным предоставление освобождения от вступительных испытаний только участникам (спортсменам) Олимпийских, Паралимпийских и Дефлимпийских игр, лицам, занявшим 1–3-е места на Юношеских Олимпийских играх. Остальные категории спортсменов должны зачисляться вне конкурса при наличии в документе об образовании отметок не ниже 6 (шести) баллов по предметам вступительных испытаний.

8. Также целесообразно внести изменения в Положение о распределении выпускников [5, с. 3]. Если в течение двух лет после получения свободного распределения спортсмен исключается из состава сборной команды, то, по моему мнению, он должен подлежать повторному распределению на оставшийся срок.

9. С целью обеспечения тренерскими кадрами регионов, в том числе наиболее пострадавших после трагедии на Чернобыльской АЭС, предлагается подготовку тренерских кадров осуществлять на базе региональных педагогических учреждений высшего образования.

10. Одним из вариантов решения проблемы тренерских кадров видится закрепление обучающихся в начале 4-го курса за конкретной организацией для проведения преддипломной практики и последующего возможного трудоустройства в данную организацию.

Заключение

Основными причинами, влияющими на отток тренерских кадров из отрасли физической культуры и спорта, являются:

- 1) отсутствие ожидаемых социальных гарантий;
- 2) недостаточная помощь молодым специалистам непосредственных руководителей на этапе ввода в должность и первоначального становления молодого тренера;
- 3) отсутствие полноценной учебно-материальной и учебно-методической базы;
- 4) трудоустройство выпускников тренерских специальностей в отрасль образования и силовые ведомства.

С целью закрепления молодых тренерских кадров на местах необходимо решение комплекса задач и организация взаимодействия заинтересованных как на региональном, так и на республиканском уровнях: решение жилищных вопросов, материальное и моральное стимулирование, создание института наставничества, выявление наиболее мотивированных выпускников для направления на работу тренером-преподавателем, совершенствование отраслевого законодательства в части роста заработной платы, обеспечения социальных гарантий, пересмотр системы распределения членов сборных команд по видам спорта и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2013 год / В. М. Литвинович [и др.] ; под общ. ред. В. О. Дашкевича ; Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск : Белорус. Дом печати, 2014. – 191 с.

2. О гражданах, имеющих первоочередное право на предоставление жилых помещений коммерческого использования [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 июля 2016 г., № 535 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.

3. Основы социального государства и социальная политика / С. В. Лапина [и др.]. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2018. – 385 с.

4. О правилах приема лиц для получения высшего образования I степени и среднего специального образования [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 7 февр. 2006 г., № 80 : в ред. от 12 июня 2018 г. № 232 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.

5. О некоторых вопросах распределения, перераспределения, направления на работу, последующего направления на работу выпускников, возмещения затраченных государством средств на их подготовку и целевой подготовки специалистов, рабочих, служащих [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 июня 2011 г., № 825 : в ред. от 30 апреля 2019 г. № 269 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.01.2020

Haprar V. M. Securing Trainers in the Republic of Belarus: Sociological Aspect of the Study

The social aspects of the problem of securing trainers in the field after the mandatory completion period after distribution are disclosed in the article: lack of expected social guarantees, insufficient help of direct managers at the stage of taking up the post and initial formation, almost complete absence of modern educational and methodical literature at the place of work, staffing the policy of law enforcement agencies, the outflow of trainers of sports schools to educational institutions due to higher wages. Specific proposals to increase the percentage of coaching staff in the field, both at the organizational level and by amending the legislation, are presented in the article: solving housing issues, providing material and moral incentives, creating an institution of mentoring, identifying the most motivated students to work as a coach, reviewing the system distribution of members of national teams by sports and others.

УДК 316.75:316.614

Н. М. Звездкин*соискатель каф. социологии Белорусского государственного университета**e-mail: odm_gomel@tut.by***ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
К АКТУАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ**

Проведен социологический анализ представлений о патриотизме среди белорусской молодежи на современном этапе развития общества. Эмпирический базис объективированных тенденций включает в себя результаты социологических исследований с фокусировкой на ценностные ориентиры современной белорусской молодежи. Выявлены проблемные вопросы соотношения между общепринятой нормативной трактовкой содержания патриотизма и фактическим пониманием патриотических ценностей в молодежной среде, на основании чего определены актуальные пути развития системы патриотического воспитания. Описан практический опыт организации перспективных направлений работы.

Введение

На протяжении своего существования человеческое общество неизбежно вовлечено в процесс обеспечения собственной жизнеспособности, заключающийся в воспроизводстве существующих социальных форм и их преобразовании. В связи с этим особой значимостью обладает содержание базовых ценностей личности и общества как основа, позволяющая социальной системе осуществлять свои основные функции.

Понятие патриотизма неразрывно связано со сферой социокультурных и моральных ценностей личности, а его социальный смысл может быть выражен в интеграции, идентификации и мобилизации общества, что позволяет рассматривать этот феномен в качестве важнейшего источника социальной солидарности.

Об актуальности вопросов патриотического становления молодежи в Республике Беларусь прежде всего свидетельствует широкое представление данной тематики в актах национального законодательства. В ходе проведенного мониторинга определены шесть законов и четыре государственные программы, содержание которых непосредственно связано с вопросами формирования патриотизма и гражданственности населения Республики Беларусь, в частности детей и молодежи. Эта тематика также широко отражена в ведомственных правовых актах Министерства образования и Министерства обороны, а также в ряде региональных и иных правовых актов.

Таким образом, в Республике Беларусь патриотическое воспитание признано на государственном уровне одним из приоритетных системообразующих направлений воспитательной работы с молодежью.

Необходимо принять во внимание, что значительная часть регламентированных направлений работы в сфере патриотического воспитания была разработана и успешно внедрена еще в советский период, для которого были характерны преобладание в общественном сознании коллективистских ценностей, государственноцентризм, плановая экономика, политическая и инфокоммуникационная обособленность стран социалистического лагеря, доминирование идеологии коммунистической партии во всех сферах деятельности государства и общества.

Современное общество развивается в условиях, существенно отличающихся от реалий советского государства. Характерными чертами современного этапа общественного развития являются: культивирование и трансляция на международном уровне

Научный руководитель – В. Ф. Гигин, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

индивидуалистической ценностной парадигмы и прагматического отношения к жизни, преобладание рыночных отношений и открытых экономик, нивелирование роли национальных государств под влиянием глобализационных процессов, политический и идеологический плюрализм, наличие общедоступной глобальной инфокоммуникационной среды, а также ряд других явлений, обусловленных вызовами современного противоречивого мира. Очевидно, что такое положение вещей является важным фактором трансформации системы ценностей белорусской молодежи и ее мировосприятия, что требует определенной актуализации функционирования системы патриотического воспитания в условиях новой социальной реальности.

В данной статье ставится цель раскрыть представления о патриотизме среди белорусской молодежи с последующим выявлением организационных подходов, направленных на совершенствование системы патриотического воспитания молодого поколения на современном этапе развития общества.

Представления белорусской молодежи о патриотических ценностях

Рассматривая феномен патриотизма молодежи на современном этапе, уместно обратиться к научным взглядам Э. Дюркгейма, который пришел к выводу о доминировании социальной составляющей в системе воспитания, поскольку воспитание, «как образ и подобие» общества, способно лишь его воспроизводить, но не создавать [1, с. 195]. Иными словами, в качестве ключевого фактора преобразования системы образования возможно рассматривать реформирование самого общества. В связи с этим исключительно важную роль в вопросе изучения актуальных проблем становления патриотизма и гражданской ответственности молодого поколения играют социологические исследования, направленные на выявление аксиологических приоритетов современной белорусской молодежи. Эта тематика находится в фокусе внимания многих современных белорусских ученых, среди которых Е. М. Бабосов, А. Н. Данилов, Д. Г. Ротман, А. В. Русецкий, Л. А. Гащенко, И. Л. Зеленкова, Е. В. Беляева, В. В. Кириенко и др.

Для выявления соотношения патриотических ценностей современной белорусской молодежи автором был проведен вторичный анализ данных социологических исследований, осуществленных научными коллективами центров социологических исследований ряда высших учебных заведений страны, а также информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь в период с 2002 по 2018 г. [2, с. 70; 3, с. 290; 4, с. 147].

Необходимо отметить, что использование данных социологических измерений, полученных различными исследователями при изучении разнообразных категорий белорусской молодежи, в принципе не позволяет получить точных и однозначных результатов, но все же помогает выявить характерные тенденции в сфере осознания патриотических ценностей:

1) понимание сущности патриотизма в контексте любви к месту своего рождения, природе родного края, уважения к его истории превалирует над осознанием важности осуществления конкретной активной деятельности во благо страны и общества;

2) постоянное или длительное проживание и работа за пределами родной страны не носят для современной молодежи признаков категорического отсутствия патриотизма;

3) ослабление роли авторитетов как образцов для подражания в проявлении собственного патриотизма;

4) современная молодежь относит стремление защищать родную страну к атрибутивному элементу патриотизма, при этом данный показатель традиционно не занимает в рейтингах как наиболее высоких, так и низких позиций;

5) несмотря на то что патриотизм не занимает ключевых позиций среди ценностных ориентиров современной молодежи, уровень патриотической самоидентификации

белорусов (в том числе белорусской молодежи) традиционно высок: большинство участников профильных социологических исследований склонны называть себя патриотами.

Для сопоставления понимания сути патриотизма современной молодежью с его артикулированным в системе образования содержанием обратимся к Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2016–2020 гг. Согласно этому документу патриотизм представляет собой «систему знаний, ценностей, практических действий личности, общества и государства, направленных на развитие, процветание и обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь, мировоззренческое основание и глубокое чувство любви к своему Отечеству, готовность защищать его» [5, с. 8].

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что восприятие молодежью сути патриотизма и его официально принятая трактовка вполне схожи в том, что касается традиционных патриотических ценностей, заключающихся в чувстве любви к месту рождения, уважении к истории родного края, понимании необходимости его защиты. При этом довольно слабо проявляется осознание молодежью ценностных составляющих патриотизма в его современном понимании, что выражается в отсутствии стремления к активной личной деятельности на благо страны и общества.

Данный тезис в определенной мере подтверждается исследованиями ценностных ориентиров белорусской молодежи, опубликованных в сборниках социологических исследований «Республика Беларусь в зеркале социологии» в период с 2004 по 2018 г.

В таблице представлено распределение позиций, которые респонденты определили в качестве жизненной цели (респондент мог выбрать несколько идентификационных критериев, вследствие чего сумма полученных вариантов ответов превышает 100 %) [6, с. 56; 7, с. 143; 8, с. 172; 9, с. 181; 10, с. 171].

Таблица. – Распределение приоритетов среди жизненных целей, %

Жизненные приоритеты молодежи	Год							Среднее значение
	2004	2009	2012	2013	2014	2016	2017–2018	
Иметь счастливую семью	52	35	39	38	41,5	64,5	61	47,3
Родить, воспитать хороших детей	64	52	64,5	62	64	53	48	58,2
Сохранить и укрепить свое здоровье	64,5	52	63	60	62	49	61	58,8
Достичь делового успеха, сделать карьеру	51	47	42,5	40	37	35	38,5	41,6
Стать профессионалом по избранной специальности	51,5	37	32,5	30	34	33	32,5	35,8
Быть хорошим сыном, дочерью	24,5	21	26,5	22,5	23	17	23,5	22,6
Стать богатым человеком	21,5	35	23,5	27	20	16	17,5	22,9
Сделать все, чтобы улучшить жизнь в стране	27	11	12	12	12,5	11	8,5	13,4
Уехать за границу на постоянное место жительства	8	5,5	7	8	5	6	11	7,2

По нашему мнению, на основании опубликованных результатов можно прийти к выводу, что современная белорусская молодежь во многом ориентирована на социально значимые витальные ценности, затрагивающие преимущественно сферу интересов индивида и его ближайшего окружения: создание семьи (61 %), воспитание детей (48 %),

укрепление здоровья (61 %) и т. д. Стремление к достижению делового успеха (38,5 %) и профессиональному становлению (32,5 %) преобладает над стремлением к богатству как самоцели (17,5 %), что не позволяет характеризовать современных молодых людей как приверженцев исключительного меркантилизма. При этом, согласно высказываниям респондентов, ориентация на активное участие в деятельности по улучшению жизни в стране занимает умеренную позицию в системе их приоритетов (8,5 %), что в то же время сочетается с отсутствием выраженного стремления уехать на постоянное место жительства за границу (11 %).

Рассмотрев результаты вышеприведенного исследования в сочетании с характерными тенденциями восприятия патриотических ценностей, можно прийти к выводу, что современная белорусская молодежь восприняла определенные элементы западно-европейской индивидуалистической ценностной парадигмы в совокупности с традиционной для восточных славян коллективистской системой ценностей, что выражается в эклектичной комбинации социально значимых приоритетов, ориентаций на личный успех и пассивности к участию в делах на благо всего общества.

Профессор В. В. Кириенко приходит к выводу о разрушительном потенциале эклектично-фрагментарного соединения некоторых «удобных» элементов индивидуалистской модели поведения и «привычных» – коллективистской модели, приводя в качестве примера попытки объединения личной свободы выбора и коллективной ответственности за его последствия и результат [4, с. 7]. Анализируя проблематику ценностных ориентаций поколения Z, профессор А. Н. Данилов [11, с. 134] обозначает вопрос межпоколенческого разрыва и отчуждения значительной части современной белорусской молодежи от нормативной ценностной модели, что выражается в свойственной нынешнему поколению студентов интерпретации базовых ценностей в контексте ярко выраженной «прагматической составляющей жизненного успеха и претензии на личностную самореализацию». В свою очередь, это требует от государственных институтов обеспечения соответствующих привлекательных условий, которые способствуют удовлетворению социальных притязаний нового поколения.

Таким образом, проблематика понимания взаимосвязи между личными и общенациональными интересами, а также осознания гражданской ответственности за судьбу страны и значимости личного в ней участия обладает особой актуальностью для современного белорусского общества и имеет непосредственное отношение к вопросу формирования патриотизма молодого поколения. В связи с этим особое значение приобретает актуализация комплекса мер, способствующих патриотическому становлению молодежи, направленных на осмысление молодыми гражданами Беларуси роли государственных и общественных институтов в их жизнедеятельности, понимание значимости собственной роли в жизни страны и народа, создание всеми социальными субъектами условий для наиболее полной самореализации каждого молодого жителя страны в интересах личности, общества, государства.

Можно согласиться с мнением А. В. Русецкого и Л. А. Гашенко [2, с. 60], которые видят существенное препятствие в формировании общественно значимых ориентиров (в том числе патриотических) среди молодого поколения в недостатке соответствующего социального опыта.

Действенным механизмом гражданского и патриотического воспитания является организованное практическое ознакомление учащейся молодежи с деятельностью государственных организаций и структур, производственных предприятий и учреждений, общественных объединений и иных субъектов социальной системы, в ходе которого молодые люди могут на реальных примерах получить представление об основах и особенностях профессионально-трудовой и общественной деятельности, возможностях позитивного досуга и иных формах самореализации. В конечном итоге это служит все-

стронему развитию личности молодого человека, приобретению социального опыта для дальнейшего выбора профессии и ощущению личной сопричастности к социально значимым сферам жизни общества и государства.

Для обозначения вышеизложенного подхода представляется целесообразным использовать понятие целенаправленной гражданской социализации как управляемого процесса приобретения социального опыта и формирования нравственной и ценностной сферы личности, построенного на ознакомлении индивида с реальной сферой жизнедеятельности общества и практического вовлечения в нее. Выдающийся советский педагог В. А. Сухомлинский описал это явление просто, но емко: «В юности к человеку должна прийти, овладеть его сознанием мысль: “Кто я? Где мое место в жизни? Где мой жизненный путь? На что я способен?” Эта мысль может возникнуть в человеке лишь тогда, когда он в чем-то выразил себя, чем-то увлекся, в чем-то достиг результатов... В практической работе с молодыми людьми это означает, что от практической деятельности идут крепкие нити к интеллектуальному, моральному, эстетическому, эмоциональному, физическому развитию, к становлению идейной, гражданской основы личности» [12, с. 318].

По нашему мнению, патриотическая составляющая в структуре гражданской социализации является консолидирующим элементом, который придает всем ее компонентам ценностный смысл и в то же время обретает собственный осязаемый облик за счет отражения в различных сферах жизнедеятельности.

Таким образом, важной задачей системы патриотического воспитания является практическая помощь молодому человеку в социальном ориентировании на просторах большого и противоречивого мира, в обретении ценностных координат и своего достойного места, что в конечном итоге позволит приносить благо не только себе лично, но и всему Отечеству.

Практика осуществления целенаправленной гражданской социализации

Комплексный подход к организации процесса социализации требует высокого уровня координации усилий различных государственных и общественных институтов, что неизбежно вызывает необходимость решения ряда вопросов вертикального и горизонтального взаимодействия субъектов воспитания на межведомственном уровне.

Становится очевидной актуальность формирования и развития единого социально-воспитательного пространства региона как значимого фактора становления патриотизма и гражданственности молодого поколения.

Задача субъектов государственной политики в сфере образования и государственной молодежной политики состоит в том, чтобы максимально использовать воспитательные возможности социально-экономического и культурно-исторического пространств региона для становления в белорусском обществе патриотизма как важнейшей социальной ценности современной молодежи, создания оптимальных условий развития и самореализации молодых людей, придания общественно полезной направленности их индивидуальным увлечениям.

В качестве примера сформированного и внедренного на практике кластера единого социально-воспитательного пространства, в рамках которого осуществляется целенаправленная гражданская социализация учащейся молодежи, можно привести разработанный при непосредственном участии автора статьи и реализуемый на Гомельщине с 2012 г. межведомственный проект «Курсант-ТЫ», направленный на всестороннее воспитание подростков, требующих повышенного педагогического внимания.

Цель проекта заключается в формировании патриотизма и гражданственности, всесторонней развитости подрастающего поколения, а также профилактике асоциального поведения в молодежной среде. Целевой группой проекта являются учащиеся

учреждений образования Гомельской области в возрасте от 12 до 16 лет, состоящие на профилактическом контроле различных форм. Воспитательный процесс в рамках реализации проекта основан на группе методов формирования положительного опыта поведения в процессе деятельности, а также методов осмысления полученного социального опыта, мотивации и поведения.

Ресурсная и организационная база проекта обеспечивается за счет межведомственной координации ряда государственных структур, общественных объединений и иных организаций, среди которых военно-транспортный факультет Белорусского государственного университета транспорта, комиссия по делам несовершеннолетних, управление внутренних дел, главное управление образования Гомельского облисполкома, военный комиссариат Гомельской области и др.

В качестве примера форм проводимых мероприятий можно привести:

1) занятия по военно-прикладным дисциплинам с элементами соревновательно-игрового действия, уроки мужества с участием действующих офицеров и ветеранов Вооруженных Сил, викторины на военно-историческую тематику, посещение музеев военной славы (*военно-патриотическое воспитание*);

2) проведение спартакиад, соревнований, посещение спортивных матчей, Гомельского областного центра туризма и краеведения детей и молодежи, центра авиационно-технических видов спорта и творчества г. Гомеля, проведение «круглых столов» по пропаганде здорового образа жизни с представителями учреждений здравоохранения, спорта и туризма (*воспитания культуры здорового образа жизни*);

3) ознакомление с основами военной службы на военно-транспортном факультете Белорусского государственного университета транспорта, практическое ознакомление с работой органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов внутренних дел, пограничной службы, военных комиссариатов, ознакомление с производственной трудовой деятельностью при посещении промышленных предприятий Гомельщины (*трудовое воспитание и профессиональная ориентация*);

4) экскурсионные программы в учреждениях культуры, «круглые столы» по тематике семейных ценностей с участием педагогов-психологов, представителей Гомельской Епархии Белорусской Православной Церкви (*формирование нравственной и эстетической культуры*);

5) «круглые столы» и профилактические беседы по вопросам правового просвещения с участием преподавателей-юристов, сотрудников органов внутренних дел, Прокуратуры Гомельской области (*правовое воспитание*);

6) практическое знакомство с работой организационных структур Гомельской областной организации Белорусского республиканского союза молодежи, Белорусского союза офицеров, Гомельской областной организации Белорусского Общества Красного Креста и т. д. (*ознакомление с деятельностью общественных организаций и объединений и формами социально значимой активности*).

За восемь лет реализации проекта в нем приняли участие более 570 человек. По итогам проведения каждого этапа проекта проводится опрос его участников в целях обобщения предложений по его совершенствованию.

Итоговый результат опросов за период проведения проекта показал, что у большинства его участников (79,8 %) реализация проекта вызвала интерес, они остались удовлетворены, их ожидания либо оправдались, либо реализованы в лучшую сторону.

По мнению респондентов, участие в проекте им позволило:

а) расширить представление о различных формах позитивного досуга и принять участие в них (81,2 %);

б) узнать больше об истории и культуре родного края (70,2 %);

в) расширить представления о профессионально-трудовой деятельности (в том числе о службе в Вооруженных Силах и других воинских формированиях) (73,5 %);

г) узнать новое о жизни государства и белорусского народа на современном этапе (68,7 %).

В рамках реализации проекта удалось на практике задействовать социально-экономический и культурно-исторический ресурс региона в качестве средства социализации, объединив усилия органов местной исполнительной власти, военных организаций и правоохранительных органов, учреждений образования, культуры, спорта, здравоохранения, общественных объединений, церкви, организаций реального сектора экономики в едином процессе гражданской социализации молодежи.

Заключение

Проблема формирования патриотического сознания молодого поколения не теряет своей актуальности. Особую значимость приобретает вопрос социологического изучения ценностных ориентиров молодежи, поскольку, не обладая информацией об аксиологических приоритетах молодого поколения, сложно судить о видении феномена патриотизма и его структуры в молодежной среде, равно как и определить приоритетные направления актуализации системы патриотического воспитания. Также важным условием эффективности воспитательной работы является способность ее субъектов взаимодействовать и общаться с молодежью на «понятном ей языке», для чего необходимо понимать истинную суть ее морально-нравственных ценностей, устремлений и социальных ожиданий.

Анализ жизненных приоритетов современной белорусской молодежи указывает на доминирование социально значимых витальных ценностей, находящихся преимущественно в сфере интересов индивида и его ближайшего окружения. При этом в значительно меньшей степени проявляется ориентация на активную личную деятельность по достижению коллективного блага на уровне страны и всего общества. В структуре патриотических ценностей этот мировоззренческий подход выражается в преобладании элементов эмоционально-чувственной любви к родному краю над элементами деятельностного характера. Таким образом, в характерной для современной белорусской молодежи интерпретации патриотизм не всегда ассоциируется с готовностью к активной деятельности в интересах общества, а также гражданской ответственностью.

Поэтому особую актуальность приобретает вопрос формирования понимания взаимосвязи между личными и общенациональными интересами, а также осознания гражданами личной причастности к судьбе всего Отечества. Таким образом, становление патриотизма в молодежной среде целесообразно рассматривать в контексте целенаправленной гражданской социализации, способствующей приобретению знаний и социального опыта, необходимых для гармонизации взаимодействия личности, общества и государства, а также развитию гражданской активизма молодых белорусов.

Целенаправленная гражданская социализация молодого поколения является комплексной задачей всех социальных институтов и должна быть организована во взаимодействии учреждений образования, семьи, субъектов экономики, церкви, государственных и общественных структур в процессе интегрирования различных видов деятельности и информационных потоков, необходимых для разъяснения сути социальной системы и практического самоопределения каждого молодого человека в ней, что является важным условием формирования патриотического сознания в противоречивую эпоху постмодерна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – М. : Мысль, 1994. – 399 с.
2. Русецкий, А. В. Патриотические ценности студенчества Беларуси на рубеже нового тысячелетия (на примере вузов г. Витебска) / А. В. Русецкий, Л. А. Гащенко. – Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2002. – 220 с.
3. Беляева, Е. В. Общественная мораль в современной Беларуси / Е. В. Беляева // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы : сб. ст. / Р. Г. Апресян [и др.]. – М. : Альфа-М, 2009. – С. 272–292.
4. Кириенко, В. В. Студенческая молодежь: ментальные особенности, идентичность, образ жизни / В. В. Кириенко, В. В. Клейман, А. А. Злотников ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2015. – 281 с.
5. Министерство образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/upravlenie-raboty/normativnyye-pravovye-akty/index.php?sphrase_id=30349. – Дата доступа: 27.12.2019.
6. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2012 год. – Минск : Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь, 2014. – 123 с.
7. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2013 год. – Минск : Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь, 2014. – 191 с.
8. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2014 год. – Минск : Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь, 2015. – 199 с.
9. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2016 год. – Минск : Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь, 2017. – 207 с.
10. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. – Минск : Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь, 2018. – 180 с.
11. Данилов, А. Н. Студенчество цифровых технологий: цифровые инварианты духовных практик / А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко, Т. В. Щелкова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2018. – № 1. – С. 125–134.
12. Сухомлинский, В. А. Рождение гражданина / В. А. Сухомлинский. – М. : Молодая гвардия, 1979. – 336 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.01.2020

Zviodzkin N. M. Patriotic Values of Contemporary Belarusian Youth: from Sociological Analysis towards Upbringing System Actualization

Sociological analysis of ideas of patriotism among Belarusian youth at present stage of society development is carried out in the article. The empirical basis of objectified trends includes the results of sociological research focusing on the value orientations of modern Belarusian youth. The author identifies problematic issues of the relation between the generally accepted normative interpretation of the patriotism content and the actual comprehension of patriotic values in the youth environment. The current ways of patriotic upbringing system developing is determined. Practical experience of organization work is described.

УДК 316.422.42

К. Д. Озимко

*аспирант 3-го года обучения Института социологии НАН Беларуси,
преподаватель каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: ciryl.azimfield@yandex.ru*

ДЕСТРУКТИВНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Воздействие на социум новых информационных технологий и Интернета имеет ряд негативных последствий. В частности, новые формы коммуникации обладают большим потенциалом влияния на массовое сознание пользователей Сети и зачастую используются в качестве инструментов деструктивного информационного воздействия на политические и социально-экономические процессы в Республике Беларусь. Рассмотрены разные подходы к определению деструктивного информационного воздействия, и на их основании сформулировано авторское определение деструктивного информационного воздействия.

Введение

В настоящее время белорусское общество находится в историческом периоде социально-коммуникационных преобразований, вызванных прогрессом в области высоких информационных технологий. Этот процесс характеризуется упрощением получения информации гражданами и социальными институтами, появлением новых форм и способов коммуникации между ними. Одновременно с этим возникают новые риски, новая социальная реальность и новые факторы социальной дезорганизации и деструктивности. В социогуманитарных науках социально-коммуникационная трансформация рассматривается как становление новой фазы развития человеческой цивилизации – информационного общества.

Для понимания происходящих социальных процессов целесообразно обратиться к теоретикам информационного общества. Так, канадский социолог М. Маклюэн считает, что информационное общество является инновационной формой организации социума. По мнению ученого, оно обладает характеристиками, способствующими возрождению естественного аудиального и визуального многомерного восприятия мира, которое происходит благодаря замещению письменно-печатной формы распространения информации радиотелевизионными и сетевыми формами [1, с. 78–82].

Испанский социолог М. Кастельс разработал концепцию общества сетевых структур, которая заключается в том, что все более увеличивающиеся свою значимость в жизни общества информационно-технические средства, создающие особую интернет-среду, оказывают влияние на генезис новой формы социальной реальности. Т. е. коммуникация в Интернете выходит далеко за рамки средств массовой информации и средств массовой коммуникации, становится значимым фактором воздействия на социальную структуру, социальные процессы и институты [2, с. 136–138].

Влияние новых информационных технологий и Интернета на социум имеет как позитивные, так и негативные стороны. Среди позитивных можно выделить появление новых возможностей для самообразования, ведения бизнеса и самореализации людей, упрощение коммуникации и повышение скорости получения информации со всего мира, активизация процессов глобализации мирового сообщества.

Научный руководитель – Н. А. Барановский, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси

В то же время новые формы массовой коммуникации в Интернете обладают большим потенциалом влияния на массовое сознание пользователей Сети за счет использования аудиовизуальной информации, возможности комментирования, анонимности субъектов информации, новых методов и приемов манипуляции общественным мнением. В связи с этим в социологической науке является актуальным изучение деструктивного информационного воздействия.

Объектом настоящего исследования является деструктивное информационное воздействие в современном обществе. **Предмет** исследования – основные концепты деструктивного информационного воздействия.

Цель исследования – на основе концептуального подхода выявить особенности деструктивного информационного воздействия в современном обществе, являющиеся предметом современного социологического дискурса.

Для достижения цели нам необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть основные концепты деструктивного информационного воздействия;
- 2) сформулировать авторский концепт деструктивного информационного воздействия на основании исследованных концептов.

Информационная трансформация современного белорусского общества потребовала разработки и принятия ряда законодательных инициатив. Наиболее важной из них является утвержденная в первой половине 2019 г. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, в которой обозначены основные угрозы национальной безопасности в медиаинформационной среде, а также основные направления борьбы с ними. Именно в этом документе впервые закреплено понятие *деструктивное информационное воздействие* – «осуществление информационного влияния на политические и социально-экономические процессы, деятельность государственных органов, а также на физических и юридических лиц в целях ослабления обороноспособности государства, нарушения общественной безопасности, принятия и заключения заведомо невыгодных решений и международных договоров, ухудшения отношений с другими государствами, создания социально-политической напряженности, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, создания препятствий для нормальной деятельности государственных органов, причинения иного ущерба национальной безопасности» [3, с. 4].

Под информационным влиянием следует понимать целенаправленное воздействие определенных субъектов на сознание различных объектов (личности, социальной группы или населения в целом) с целью формирования у них определенного мнения по тому или иному вопросу, а также регуляции его поведения путем распространения сведений с помощью различных источников массовой информации. Таким образом, у деструктивного информационного воздействия всегда существует субъект, целью которого выступает влияние на политические и социально-экономические процессы, а также на деятельность государственных органов, физических и юридических лиц, которое несет в себе угрозу общественной, национальной и внешней безопасности Республики Беларусь, а также объект, на который это информационное влияние направлено. В качестве субъектов информационного воздействия выступают средства массовой информации и коммуникации, блогеры; в качестве объектов – личность, социальные группы (студенческая молодежь, сотрудники государственных органов, силовые структуры и т. д.), социальные институты (органы государственной власти и управления, семья, национальные общности, система образования и др.), а также население страны в целом.

С момента массового внедрения новых источников аудиовизуальной информации (телевидения, радио) с 1950-х гг. в социогуманитарных науках появилось множество

философских, социологических, культурологических и других теоретических концепций информационного воздействия на сознание, личности в частности, объясняющих возможности и последствия использования информации и новых информационных технологий определенными субъектами с целью достижения различных как позитивных, так и негативных целей.

В частности, Г. Шиллер, изучая особенности влияния средств массовой информации на формирование общественного мнения, на управление социальными процессами с помощью пропаганды, создал *социально-мифологическую* концепцию деструктивного информационного воздействия. Согласно этой концепции, одной из основ манипуляции сознанием людей является эксплуатация социальных мифов. Исследователь указывает, что главными инструментами, которые используют субъекты деструктивного информационного воздействия, являются пять социальных мифов: об индивидуальной свободе и личном выборе граждан; о нейтралитете важнейших политических институтов; о неизменной эгоистической, агрессивной и склонной к накопительству природе человека; об отсутствии в обществе эксплуатации и угнетения; о плюрализме и независимости СМИ. Относительно конкретных форм информационного воздействия ученый выделяет такие их особенности, как мгновенность доставки информации и фрагментация информационного потока [4, с. 34–38].

Социально-психологическую концепцию информационного воздействия на массовое сознание сформулировали белорусские исследователи Е. Л. Доценко [5, с. 48–54], В. В. Знаков [6, с. 92–93], В. П. Шейнов [7, с. 35–37] и др. Они изучали вопросы воздействия на общественное мнение с помощью различных психологических приемов манипуляции сознанием в контексте информационной безопасности личности в экономической, политической и повседневной жизни. Исследователи рассматривали конкретные методы, формы и технологии информационного влияния. В данном контексте американский психолог Р. Чалдини [8, с. 74–78] выделил принципы эффективности информационного воздействия на сознание личности и общественное мнение: контраст, последовательность, взаимный обмен, социальное доказательство, авторитет, благорасположение (симпатии к субъекту), дефицит.

Социально-психологической концепции также придерживается российский юрист А. Н. Рыков, согласно исследованиям которого с помощью деструктивного информационного воздействия происходит разрушение или деформация осознаваемой личностью информации, т. е. воздействие направлено исключительно на сознание индивида [9, с. 84–85].

Российские исследователи В. Г. Вышинский, С. В. Мурашкина и А. А. Нестеренко сформулировали *подсознательную* концепцию деструктивного информационного воздействия, сделав упор на изучение влияния манипуляторов на подсознание объекта. Они рассматривают информационное воздействие как способ воздействия на индивида путем изменения социальной информации, заложенной в подсознании, а не в сознании, в отличие от иных исследователей [10, с. 44–46; 11, с. 75–86; 12, с. 34–37].

Поведенческую концепцию деструктивного информационного воздействия сформулировал российский социолог В. В. Варганов. Он считает, что деструктивный характер информационное воздействие носит в том случае, если субъект преследует цель изменить социальное поведение объекта в интересах определенной группы людей, вопреки интересам и ценностям общества, частью которого объект является. Т. е. для определения деструктивного характера информационного воздействия необходимо определить соотношение интересов (потребностей), систем норм и ценностей субъекта информационного влияния, социальных групп, в состав которых он входит, общества в целом и субъекта информационного воздействия. Таким образом, В. В. Варганов определяет деструктивное информационное воздействие как составляющую информационного обмена,

представляющую специально созданную субъектом управления и доведенную до сознания личности (объекта управления) социальную информацию, призванную разрушить или скорректировать сознание и поведение, т. е. произвести деструкцию ценностно-нормативной и диспозиционной систем личности для оказания влияния на нее в выгодном для субъекта управления направлении, заставив при этом личность совершать действия, которые носят отклоняющийся характер с точки зрения господствующей в обществе системы ценностей и норм [13, с. 14–15]. Данной концепции придерживается и российский исследователь Т. Ежевская, понимающая под деструктивным информационным воздействием «воздействия информации на психику и сознание человека, ведущие к неадекватному отражению окружающей действительности и, как следствие, изменению поведения» [14, с. 104–107].

Объективной концепции деструктивного информационного воздействия придерживаются российские исследователи С. Гапанович и В. Левченко. Они пришли к выводу, что деструктивное информационное воздействие не является целенаправленным действием какого-либо субъекта, а существует вполне объективно. Так, основной причиной распространенности деструктивного информационного воздействия выступает не прогресс в области информационных технологий, а сложившаяся практика их использования. Т. е. многие пользователи Интернета самостоятельно предпочитают получать информацию из источников, которые оказывают деструктивное воздействие. Это в свою очередь «не привело ни к повышению общей образованности, ни к улучшению здоровья, особенно в плане его нервно-психических аспектов» [15, с. 7].

Трансформационную концепцию сформулировали российские ученые Г. Грачев и И. Мельник. Они указывают, что основой для деструктивного информационно-психологического воздействия является целенаправленная трансформация и изменение информации с целью нарушения восприятия окружающей действительности у субъектов [16, с. 34–45]. Аналогичную точку зрения имеют В. Емелин, Е. Рассказова и А. Тхостов, отмечающие, что негативное влияние информации на психику и сознание человека «приводит к нарушению восприятия окружающей действительности и, как следствие, деформации личности» [17, с. 81–87].

Заключение

В настоящее время существуют различные социогуманитарные концепции понимания деструктивного информационного воздействия, однако во многих из них присутствуют схожие либо идентичные черты:

1) деструктивное информационное воздействие – это в первую очередь влияние на сознание либо подсознание объекта (индивида, социальной группы, общества в целом), чтобы он скорректировал свое поведение либо мнение относительно какой-либо информации;

2) поведение либо мнение объекта должно быть скорректировано в интересах субъекта, иницирующего деструктивное информационное воздействие, при этом вопреки интересам и ценностям общества, частью которого объект является;

3) субъект деструктивного информационного воздействия может целенаправленно трансформировать и исказить информацию с тем, чтобы облегчить достижение своей цели.

В связи с этим полагаем целесообразным дополнить характеристику деструктивного информационного воздействия, закрепленную в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь (2019), и изложить ее в новой редакции:

«Деструктивное информационное воздействие – это информационное негативное влияние на сознание или подсознание индивида, социальных групп, общностей или населения в целом с целью изменения их социальных представлений (мнений, ценнос-

тей, ориентаций) или социального поведения, вопреки ценностно-нормативным потребностям и интересам общества, которое приводит к ослаблению обороноспособности государства, общественной и личной безопасности, ухудшению отношений с другими государствами, созданию политической или иной социальной напряженности, формированию угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, разрушению традиционных духовных и нравственных ценностей, созданию препятствий для нормальной деятельности государственных органов и общественных объединений, причинению иного ущерба национальной безопасности».

Новизна данной дефиниции в сравнении с закрепленной в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь заключается в следующем.

1. Конкретизировано понятие «объекты деструктивного информационного воздействия»: вместо абстрактных определений «общественно-политические процессы, деятельность государственных органов, физических и юридических лиц» предложена четкая дефиниция «социальные субъекты – индивиды, социальные группы, общности и население в целом».

2. Уточняется, что деструктивное информационное воздействие на индивида может быть направлено как на его сознание, так и на подсознание путем использования психологических приемов.

3. Раскрываются социальные и психологические механизмы деструктивного информационного воздействия на индивидов, социальные группы, общности и население в целом, посредством которых достигаются цели ослабления обороноспособности государства, нарушения общественной безопасности, создания социально-политической напряженности и т. д., а именно «путем изменения их социальных представлений (мнений, ценностей, ориентаций) или социального поведения вопреки ценностно-нормативным потребностям и интересам общества».

Данное социологическое определение деструктивного информационного воздействия можно использовать в научных исследованиях в области социальных и гуманитарных наук, а также в тематических учебных пособиях, посвященных изучению информационной безопасности, развитию медиаинформационных процессов в современном мире и журналистской этики. В социальной практике оно будет способствовать повышению эффективности деятельности по предупреждению и противодействию угрозам и рискам в информационной сфере, направленным на политические и социально-экономические процессы, деятельность государственных органов, а также на физических и юридических лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М., 2005. – С. 78–82.
2. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург, 2004. – С. 136–138.
3. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // Официальный Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://president.gov.by/uploads/documents/2019/1post.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2019.
4. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием : пер. с англ. / Г. Шиллер ; науч. ред. Я. Н. Засурский. – М. : Мысль, 1980. – С. 34–38.
5. Доценко, Е. Л. Манипуляция: феномен, механизм, защита / Е. Л. Доценко // Контроль сознания и методы подавления личности : хрестоматия. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. – С. 48–54.

6. Знаков, В. В. Маккиавелизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении / В. В. Знаков // *Вопр. психологии.* – 2002. – № 6. – С. 92–93.
7. Шейнов, В. П. Скрытое управление человеком (психология манипулирования) / В. П. Шейнов. – Минск : Харвест, 2002. – С. 35–37.
8. Чалдини, Р. Психология влияния / Р. Чалдини. – СПб. : Питер Ком, 1999. – С. 74–78.
9. Рыков, А. Н. Деструктивное воздействие средств массовой информации на правосознание граждан: Правовые проблемы формирования информационного общества : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. Н. Рыков. – Ростов н/Д, 2002. – 123 л.
10. Вышинский, В. Г. Использование форм и методов информационно-психологического воздействия в коммерческой деятельности / В. Г. Вышинский // *Актуал. проблемы информ.-психол. воздействия.* – 1998. – № 5.
11. Мурашкина, С. В. Способы и приемы информационно-психологического воздействия на интеллектуальную и эмоциональную сферу психики человека / С. В. Мурашкина // *Актуал. проблемы информ.-психол. воздействия.* – 1998. – № 5.
12. Нестеренко, А. А. Некоторые аспекты психологического воздействия оружия нелетального действия / А. А. Нестеренко // *Актуал. проблемы информ.-психол. воздействия.* – 2000. – № 2.
13. Ваганов, В. В. Социальная технология защиты личности от деструктивного информационного воздействия : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / В. В. Ваганов. – Белгород, 2010. – 182 л.
14. Ежевская, Т. И. Личностные ресурсы в обеспечении информационно-психологической безопасности человека / Т. И. Ежевская // *Гуманитар. вектор.* – 2011. – № 1 (25). – С. 104–107.
15. Гапанович, С. О. К вопросу об информационной антропоэкологии / С. О. Гапанович, В. Ф. Левченко // *Принципы экологии.* – 2017. – № 4. – С. 4–16.
16. Грачев, Г. В. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. В. Грачев, И. К. Мельник. – М. : Алгоритм, 2000. – С. 34–45.
17. Емелин, В. А. Психологические последствия развития информационных технологий / В. А. Емелин, Е. С. Рассказова, А. Ш. Тхостов // *Нац. психол. журн.* – 2012. – № 1 (7). – С. 81–87.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.02.2020

Ozimko K. D. Destructive Informational Impact: Conceptual Approach

The growing role of new information technologies and the Internet on society has a number of negative consequences. In particular, new forms of communication have great potential for influencing the mass consciousness of network users and are often used as tools for destructive informational impact on political and socio-economic processes in the Republic of Belarus. In the framework of this sociological study, various approaches to determining the destructive informational impact are considered, and on their basis the author's definition of the destructive informational impact is formulated.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносак.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А. Г. Хадыева, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 02.06.2020. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 17,90. Ул.-выд. арк. 13,10.

Тыраж 100 экз. Заказ № 152.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,

распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.